

Прелюдия

За шесть лет до падения

Древняя тьма, окружавшая его, мешала видеть не более чем отсутствие глаз. Когда-то он был одним из величайших чародеев. Его призрачное зрение позволяло разглядеть каждый дюйм клетки с куда большей ясностью, чем глаза из плоти.

Впрочем, он мог ориентироваться в этой тюрьме и без зрения. Он знал каждую плиту в полу, каждое заклинание, связывающее его. Знал в лицо и на ощупь. Знал, каким будет эхо от каждого из девяти шагов, необходимых ему что бы пересечь камеру. Он ощущал магические токи, пронизывающие все вокруг. Заклинание за заклинанием, чары за чарами, их сокрушающая душу мощь служила лишь одной цели: убедиться что он останется погребенным здесь, забытый и непрощенный.

Те, кто лишил его свободы, рассчитывали, что это место станет ему могилой, и забыли о нем на долгие тысячелетия. Им стоило убить его. Это было бы добрее. Но нет, ему оставили жизнь, прикрывшись маской милосердия. Это позволило тем, кто пленил его, – брату, Малфуриону Ярость Бури, и Тиранде Шелест ветра, женщине, которую он любил, – быть о себе лучшего мнения.

Тянулись долгие столетия, в течении которых он не слышал голоса другого живого существа. Только его тюремщики, Стражи, изредка обращались к нему, и от этого ненависть к ним лишь возрастала. Наибольшее отвращение у него вызывала их командир, Майев Песнь Теней. Эта навещала его чаще других, опасаясь побега – несмотря на все предосторожности. Некогда она желала ему смерти. Теперь задача всей её жизни было следить за тем, чтобы он оставался в тюрьме, даже когда все о нем позабыли.

«Что это?» Кольцо связующих связующих заклятий как будто слегка дрогнуло.

Невозможно. Из этого места немыслим побег. Даже в смерть – чары залечат любую рану, какую он сумеет нанести себе. Та же магия поддерживала его живым без нужды в воде и пище. Мастера сплели эти узы так туго и глубоко, что нарушить их могли только те, что похоронили его заживо. А они ни за что не сделают этого – слишком бояться, чтобы не вернуть ему свободу. И правильно делают.

Столетиями он размышлял о том, что сделал бы с теми, кто заключил его сюда. Ведь время – единственное, что у него было. В заключении он провел куда больше лет, чем на свободе, и не будь он собой, давно лишился бы рассудка.

А может, уже и лишился. Сколько тысяч лет прошло с момента пленения? Он потерял счет времени. Это было хуже всего. Века во тьме, запертый в клетке, не способный сделать больше девяти шагов в любом направлении. Он, который некогда охотился на демонов на диких просторах Азерота, оказался заточен в месте, где сам не оставил бы и зверя.

Они приговорили его ко всему этому, хотя вся его вина заключалась лишь в попытке одолеть их общего противника. Он проник в стан Пылающего Легиона, заклятых врагов его народа – нет, всего его мира, что бы попытаться свести на нет ущерб, причиненный демоническими захватчиками.

Был ли он вознагражден за это? Нет! Он был похоронен заживо. Его народ считал его изменником, предателем. А ведь когда-то его чтили как героя. Но только не теперь. Если его вообще помнят, то его имя стало проклятием.

«Это был лязг оружия?» Он отбросил эту мысль, не позволяя надежде всколыхнуться в груди. Не было никого, кто хотел бы видеть его на свободе. Семья, друзья – все отвернулись от него, когда он попытался воссоздать Колодец Вечности, древний источник магии ночных эльфов на горе Хиджал. Свободы ему могли желать лишь демоны. Тюремщики скорее убьют его, что позволят бежать. И пока действуют заклятия, он ничем не сможет им помешать.

Но вот опять... Новая дрожь в магических токах вокруг него. Плетения силы, что сдерживали его все это время, стали ослабевать. Он поднял руки перед лицом, размял пальцы и попытался зачерпнуть магии. И впервые за тысячи лет добился хоть какого-то ответа: ощутил струйку силы, столь слабую, что подумал, что она существует лишь в его воображении. Тогда он воззвал к своим парным клинкам Аззинота. Их триумфально выставили на показ снаружи, на оружейной стойке возле камеры, в издевку над ним, но сейчас древняя духовная связь заставила могучие орудия материализоваться у его в руках. Сила потекла сквозь них, и руны на лезвиях засветились.

Сердце забилося чаще, во рту пересохло. Появился шанс обрести свободу после всех лет заточения. Он крепко сжал рукояти клинков. Некогда они убивали демонов. Теперь будут убивать эльфов. Сейчас эта мысль уже не ужасала его так, как прежде. Это даже доставило бы ему удовольствие.

Магические оковы снова замерцали. Звуки битвы раздавались все ближе. Часть оков рухнули – должно быть их осквернила пролитая кровь или разрушили заклинания, которые, как он чувствовал, были применены в бою. И по мере того, как таяли узы, в его тело вливалась энергия.

Сердце колотилось, плоть покалывало. Он чувствовал себя так, словно способен выдыхать огонь. После стольких лет воздержания поток силы почти ошеломлял.

Ощувив за дверью чье-то присутствие, он приготовился к атаке, однако тут раздался голос, услышать который он ожидал услышать меньше всего.

– Иллидан, ты там? – спросила Тиранда Шелест Ветра.

Все мечты о мести, все планы возмездия тут же испарились, словно бы и не было всех этих долгих лет в заточении. Он пораился возникшему чувству. Он-то думал, что стал черствым ко всему и всем – особенно к ней.

– Тиранда...это ты? – его голос был хриплым после десятилетий молчания. – После всех этих веков, проведенных во тьме, твой голос для моего разума – чистый свет луны.

Сказав, он тут же проклял себя за слабость. Не эти слова он произносил в мечтах о побеге и свободе. И все же они сами сорвались с губ, а в груди вспыхнула искра надежды. Быть может, Тиранда осознала, что совершила ошибку? Пришла освободить его, даровать прощение?

– Легион вернулся, Иллидан. Твой народ снова нуждается в тебе.

Он стиснул рукояти клинков.

– Мой народ? Нуждается во мне? Мой народ бросил меня гнить здесь! – Горло сдавило от гнева, и он не смог больше говорить. Итак, демоны вернулись, как он и предполагал всегда, и его народ хочет помощи. Его помощи. Жидкое пламя ярости растекалось по жилам, оставляя за собой выжженную пустоту, и ещё больше силы тут же хлынуло туда, чтобы заполнить ее.

Сомнений нет, охранные заветы ослабели благодаря Тиранде. Это ее воля дрогнула, нарушив целостность магических потоков.

Иллидан сосредоточил всю накопленную ярость и все отчаяние в одно могущественное заклятие распутывания. Еще мгновение тюремные узы держались – но лишь мгновение. Реки силы размыли барьеры: связывающие чары рушились – поначалу медленно, однако с каждым мигом быстрее. И вот уже Иллидан прорвался сквозь решетку камеры, разбив каменную кладку.

Тиранда стояла снаружи, прекрасная, как прежде, и пристально смотрела на него. Годы несколько не изменили ее. Она была все так же высока, с бледно-фиолетовой кожей и синими волосами; грациозная, словно храмовая танцовщица, и восхитительная, как восход луны над Нордрасилом. От нее разило кровью и высвобожденной магией. Тиранда отвернулась, должно быть, не в силах выдержать исполненный гневом взгляд Иллидана. И это ранило больше

всего: видеть, как она отворачивается от него после всех долгих лет, прошедших с того дня, когда они виделись в последний раз.

– Когда-то я любил тебя, Тиранда, и ради той любви я выслежу демонов и низвергну Легион, – прорычал Иллидан, оскалив зубы. – Но нашему народу я ничего не должен!

На этот раз она встретила с его взглядом, и на ее лице одна за другой появлялись и тут же исчезали эмоции: надежда...страх... а это что – жалось или сожаление? Он не был уверен и презирал себя за то, что размышляет об испытываемом ею. То, что она чувствовала, ничего не значило для него. Ничего!

– Поспешим обратно на поверхность! – сказала Тиранда. – Порча демонов распространяется с каждой секундой, которую мы тратим попусту.

И это все. Все приветствие, которого он удостоился через тысячу лет, растраченных в пустую. Ни извинений. Ни раскаяния. Тиранда помогла заточить его в это жуткое место, и вот ей нужна его помощь. А хуже всего то, что он был готов ей помочь.

Тела усевали пространство по другую сторону от его клетки. Очевидно было, что здесь произошла жестокая битва и что Тиранде пришлось пробиваться силой, чтобы освободить узника. Должно быть, она действительно в отчаянии, раз решилась на подобное. Опустив взгляд на массивный труп Хранителя Роши, Иллидан подумал, что если Пылающий Легион и впрямь вернулся, у нее были на то все основания. Легион уничтожал миры так же, как армии уничтожают города.

– Это ты его убила? – спросил он, указывая на тело Калифакса.

– Я, – призналась Тиранда. – Хранитель Роши не отпустил бы тебя просто так.

– Майев разозлится, – хохотнул Иллидан. – Калифакс был одним из ее любимчиков.

Лицо Тиранды вспыхнуло.

– Это не повод для смеха! – сказала она.

– За прошедшие тысячи лет с того момента, как ты заточила меня здесь, мне выпадало маловато причин для веселья. Просто, если мое чувство юмора покажется тебе немного странным.

– Десять тысяч.

– Что?

– Ты провел в заточении более десяти тысяч лет.

Смех умер на его губах. Тяжесть слов Тиранды давила его подобно тяжести земли над их головами.

– Так долго, – тихо произнес Иллидан. Он оглядел

древние своды своей темницы, проследив сплетение чар, державших его здесь. А затем ускорил шаг, твердо вознамерившись покинуть это место и больше никогда сюда не возвращаться.

– Так почему же ты освободила меня на самом деле? – спросил он у Тиранды, все еще надеясь вызвать хоть малую толику раскаяния в том, что она совершила.

– Говорю же: Пылающий Легион вернулся. Никто не убил демонов больше тебя.

– Выходит, мое вероломство тебя не страшит? Ты не забыла, что меня прозвали Предателем?

– Ты был Предателем, но в конце концов встал на верную сторону.

– И посмотри, куда меня это привело, – заметил он, поводя вокруг татуированной рукой.

– Ты мог погибнуть. Как и очень многие из нашего народа.

– Нашего народа... Ты продолжаешь твердить о нашем народе. Но они – не наш народ. Это твой народ.

– Ты так нас ненавидишь?

– Да. – Иллидан скривил в усмешке губы. – Но к счастью для тебя, демонов я ненавижу сильнее.

Тиранда кивнула, как будто получив подтверждение тому, что хотела услышать. В голову закралось подозрение: жизнь ему сохранили не из притворного милосердия, а потому, что знали – однажды Иллидан потребуется вновь. Его поместили сюда на хранение, словно оружие в арсенал.

Иллидан почувствовал впереди существо чудовищной – и знакомой – силы. Его брат. Этого стоило ожидать: куда бы Тиранда ни направилась, возлюбленный, Малфурион, ее не оставит. Иллидан напрягся всем телом, готовым вступить в бой.

Его спутница почувствовала это и рванулась вперед, но остановилась, когда на ее пути возникла массивная, увенчанная оленьими рогами фигура Малфуриона Ярость Бури. При виде освобожденного Предателя красивое лицо верховного друида исказила тревога.

Малфуриона сопровождали четыре Друида Когтя, каждый в облики медведя. Они демонстрировали свои когти и рычали на Иллидана. Их поставили здесь, чтобы не допустить побега Иллидана, и они были намерены предотвратить его.

– Мал! – воскликнула Тиранда.

Иллидан старался обуздать свой гнев. Перед ним стоял брат, который приговорил его. Когда Предатель заговорил, слова его сочились горечью:

– Прошла вечность, брат. Вечность во тьме!

- Ты отбывал наказание в уплату за собственные грехи, не более, - спокойно ответил Малфурион, выдержав взгляд Иллидана.

От лицемерия этих слов перехватило дух. Что за брат способен обречь родную плоть и кровь на десять тысяч лет в склепе?!

- И кто ты такой, чтобы судить меня? Вспомни: мы сражались против демонов плечо к плечу!

Воздух между ними дрожал от напряжения. В тот миг оба были готовы сразаться и убивать.

- Довольно, вы двое! - вскрикнула Тиранда. - Что сделано, то сделано.

Все свое внимание она сосредоточила на Малфурионе.

- Любовь моя, с помощью Иллидана мы снова изгоним демонов и спасем то, что осталось от нашей любимой земли!

Малфурион покачал головой.

- А ты подумала о цене, Тиранда? Помощь этого предателя обречет нас на скорое поражение. Я не желаю иметь с ним ничего общего.

Лицо Иллидана выражало бесстрашие. Родной брат по-прежнему не видел в нем ничего, кроме чудовища, марионетки Легиона. Придется доказать ему - доказать всем им, - что демоны не властны над ним.

- Что ж, продолжай дрожать от страха, брат, но делай это где-нибудь в другом месте, - произнес Иллидан.

- А у меня есть работа и мало времени, чтобы ее завершить.

Иллидан выпустил сгусток силы, которую он уже начал неумолимо восстанавливать, отбросив собравшихся и припечатав их к каменным стенам. Он переступил через оглушенных родичей и вышел из своей тюрьмы, будучи уверенным в душе, что прежде чем это все закончится, его снова назовут Предателем, и сделают это заслуженно.

Он больше никогда не будет заключен в тюрьму снова.

Глава первая

За четыре года до падения

Зеленые метеоры прорывались сквозь темные облака, которые постоянно затеняли небо над Долиной Призрачной Луны. Земля дрожала, когда чудовищные, богато украшенные осадные машины демонов на стенах Черного Храма выкашивали силы эльфов крови принца Кель'таса Солнечного Скитальца, усеивая красную землю Запределья их трупами. Несмотря на потери, эльфы продолжали наступление, намерившись взять штурмом цитадель Магтеридона, властителя Запределья и наместника Пылающего Легиона в этом расколотом мире.

Иллидан взял минутную паузу, чтобы присмотреться к Черному Храму. Для неопытных глаз его оборона могла показаться нерушимой, однако он видел то, чем они пренебрегли. На стенах стояло слишком мало часовых, охранные чары ослабели, а металлические скрепы на воротах покрывали ржавчина и патина. Защитники отвечали на атаки вяло, как будто не могли поверить, что осаждающая армия намного уступает им числом. Впрочем, возможно они просто ожидали помощи от своих демонических союзников. Если так, то им было уготовано жестокое разочарование. Иллидан с соратниками потратил весь день, запечатывая на жаре Запределья врата, через которые призывались демоны. Оттуда не придет помощь.

Иллидан скользнул взглядом по принцу Кель'тасу.

– С годами Магтеридон стал силен, но у него было мало настоящих противников, с которыми можно было бы бороться. Он стал ленивым и самодовольным. Эта шавка лишь громко брешет и ничего не может противопоставить нашей хитрости и силе воли.

Высокий белокурый эльф крови взглянул на Иллидана. В его глазах горел огонь бесстрашия и упоения схваткой.

Это будет славная битва, владыка. Хотя силы Магтеридона значительно превосходят нас, твои солдаты готовы сражаться до конца.

Иллидан надеялся, что в этом не будет необходимости. Ему нужно было захватить Черный Храм и стать владыкой Запределья как можно быстрее, чтобы уберечься от возмездия повелителя демонов Кил'джедена. Когда Иллидан примкнул к Пылающему Легиону, Кил'джеден поставил перед ним задачу: уничтожить Ледяной Трон и таким образом устранить мятежного слугу. Задание Иллидан не выполнил, а Искуситель не награждал за провалы. Запечатывая демонические порталы, Иллидан надеялся, что это помешает попыткам Кил'джедена обнаружить его местонахождение. Победа же над защитниками крепости подарит ему мощную

операционную базу для поддержания этих порталов закрытыми и впредь.

Воздев руку, эльфийский колдун послал в сторону крепостных стен стусток магической энергии. Слабы были чары или нет, их было вполне достаточно для защиты осадных орудий. Ответный огненный шар взрыв кроваво-красную землю, не долетев до мага, и защитники крепости принялись регулировать прицел. Отряд солдат Кель'таса промчался мимо, стремясь укрыться под стенами крепости.

Ощувив присутствие демонов внутри храма, Иллидан стиснул кулаки. Здесь, в чужом мире Запределья, искушение прибегнуть к магии демонов было еще сильнее – особенно после того, как он поглотил мощь черепа Гул'дана. Поток злой энергии из этого артефакта изменили Иллидана, преобразив внешне и изменив источник его магической силы, но это вывело его из равновесия на несколько месяцев. Иллидан хлопнул своими демоническими крыльями, удостоившись обеспокоенного взгляда принца Кель'таса, сделал глубокий вдох и заставил себя успокоиться.

Путь, который привел его в это место, был долгим и странным. С тех пор, как Тиранда освободила его, Иллидан видел разгром Плавающего Легиона в родном Азероте, заключил пакт с повелителем демонов и бежал в Запределье, чтобы скрыться от своих врагов: как из числа ночных эльфов, так и инферналов. Его снова схватил заклятый враг – Майев, – а после освободили новые союзники: юный принц Кель'тас, чью верность Иллидан купил, пообещав эльфам крови утолить их зависимость от магии, и леди Вайш, предводитель наг. А теперь он воплощает в действие планы по свержению повелителя преисподней, который правил эти расколотым миром от имени Легиона.

Кель'тас взирал на Иллидана, ожидая ответа на заверения в преданности.

– Мне по душе рвение твоих солдат, юный Кель, – произнес Иллидан. – Их дух и сила выкованы в это дикой глуши. Одной их смелости довольно для...

– Владыка Иллидан, вновь прибывшие приветствуют тебя, – раздался голос приближающейся к ним леди Вайш. Множество групп мышц пульсировали и выпячивались, скручивая кольцами нижнюю часть тела наги, а странно красивое лицо, напоминавшее чертами ночного эльфа, контрастировало с ужасом ее змеиного облика.

Иллидан повернулся в том направлении, которое она указала. В его поле зрения оказалась группа чудовищных, неуклюже передвигающихся фигур, и Иллидан сразу узнал их. Сломленные. Оскверненные, деградировавшие остатки расы дренеев, которая населяла Дренор до того, как он, разрушенный, стал Запредельем. Они тоже стали частью

коалиции Иллидана, привлеченные обещаниями помощи против их общего врага, Магтеридона.

Сломленные были неповоротливыми чудовищами, совершенно лишенными хоть какой-то грации. В огромных лапах они сжимали примитивное оружие. Мистическое чутье подсказывало, что где-то поблизости есть еще Сломленные, скрытые сильным заклинанием от тех, кто не обладал прозрачным зрением Иллидана.

Один из Сломленных, еще более массивный и искривленный, чем прочие, захромал вперед на своих копытах.

– Мы бились с орками и их демоническими хозяевами на протяжении поколений, – хрипел он. Казалось, ему было больно говорить. – Теперь, наконец, мы положим конец их проклятью. Навсегда. Мы в твоём распоряжении, владыка Иллидан.

Это был Акама, вожак Сломленных, и он представлял собой не слишком приятное зрелище: клыки, торчащие из-под нижней губы, под подбородком – извивающиеся щупальца.

– Ты прибыл как раз вовремя, – ответил Иллидан. – Нужно заставить замолчать вот те машины на стенах и открыть ворота.

Акама кивнул и сделал жестом. Почти невидимые, Сломленные точно рой преодолели открытую местность и вскарабкались на стены Черного Храма. Небольшой отряд эльфов крови и наг укрылся под чудовищными фортификациями, прямо под изрыгающими огонь демоническими машинами. Иллидан, Кель'тас и леди Вайш направились к ним в сопровождении Акамы и его телохранителей.

И вновь самоуверенность так называемого владыки Запределья дала о себе знать. Правильно подготовленная к осаде крепость имеет в своём арсенале чаны с кипящим маслом или алхимическим огнем, готовые излиться на нападающих. Защитники не предпринимали ничего. Минуты тянулись мучительно долго. Стоя под стеной, Иллидан мог слышать гудение магических генераторов, которые поддерживали работу демонических военных машин.

Внезапно изнутри стен послышались звуки боя, и великие ворота Черного Храма распахнулись. Акама и его телохранители побежали вперед, чтобы присоединиться к сражению. Грянула череда взрывов – это Сломленные добрались до генераторов, – и военные орудия на стенах смолкли. Основные силы наг и эльфов крови снова двинулись к воротам.

Отвратительное лицо вернувшегося Акамы выражало ликование. Он долго ждал этого дня.

Иллидан улыбнулся:

– Как я и обещал, Акама, твой народ получит отмще-

ние. К концу ночи мы все будем пьяны ею. Вайш, Кель, командуйте финальное наступление. Пробил час гнева!

Сквозь открытые ворота Иллидану был виден обширный внутренний двор, тут и там усеянный костями. Краснокожие орки Скверны струдились в замешательстве, пока их командиры выкрикивали приказы в попытках вернуть рядам бойцов подобие порядка, чтобы отразить нападение.

В стенах Черного Храма, должно быть, по десять орков Скверны на каждого из воинов Иллидана. И каждый из врагов был превращен отвратительной магией в существо куда сильнее и бесстрашнее обыкновенного орка. Однако теперь это уже не имело значения. Войска Иллидана пронеслись по внутреннему двору, их узкий клин рассекал нестройные ряды врагов с той же легкостью, как их клинки – орочью плоть.

Иллидан погрузил когти в плоть орка Скверны. Когти захрустели, когда он сомкнул пальцы и вскрыл грудную клетку, вырвав из нее сердце. Даже умирая, орк зарычал и рванулся вперед, широко раскрыв челюсти в попытке зубами вырвать врагу глотку.

Иллидан поднял труп над головой и швырнул в приближающийся ему отряд краснокожих защитников крепости. Его вес повалил орков на землю. Иллидан прыгнув в самую их гущу, обнажая клинки, и принялся с ужасающей силой разить направо и налево. Враги пали – обезглавленные, лишенные конечностей, изуродованные, а Иллидан, сплошь покрытый кровью, слизнул ее с губ и двинулся вперед, рубя и рассекая все на своем пути.

Повсюду слышались предсмертные крики. Принц Кель'тас и леди Вайш пустили в ход свои заклинания, сотрясая воздух. Иллидан одолевал соблазн присоединиться к ним, но он предпочел приберечь силы для решающей схватки с Магтеридоном.

Какая-то часть Иллидана наслаждалась ближним боем: нет ничего лучше, чем пустить кровь врагу собственными руками. В глубине души, скованная невидимыми цепями воли, демоническая часть его природы наслаждалась этим пиршеством.

Орки Скверны хорошо сражались, но Иллидана и его союзникам они не были ровней. Наги, более крупные и сильные, обвивали противников змеиными хвостами и душили их. Эльфы крови, мастера колдовства и фехтования, может, и уступали оркам силой, но превосходили их в скорости и ловкости. К тому же их вели клятва верности, которая велела защищать принца даже ценой своей жизни. Сломленные бились с решимостью народа, который ведет жажда освобождения своей родины из-под власти демонов. Протестующие вопли умирающих орков Скверны летели в не-

беса, когда краснокожие защитники падали под ударами ненасытных клинков. За несколько минут крепостной двор был очищен, а путь во внутреннюю цитадель Черного Храма и покои Магтеридона – открыт.

– Победа за нами, – сказал Акама. – Храм Карабор снова будет принадлежать моему народу.

– Храм будет возвращен твоему племени, – согласился Иллидан, пряча клинки в ножны. – В свое время.

Это была правда. Он действительно собирался вернуть Черный Храм Сломленным. Как только достигнет своих целей.

Акама поднял на него слезящиеся глаза, а потом, сцепив короткие пальцы, опустил голову. На его лице читалась надежда. Карабор был величайшей святыней его народа, пока Магтеридон не осквернил его, превратив в Черных Храм. Иллидан чувствовал, что храм очень важен для самого Сломленного. Это была нить, дергая за которую, Акаму можно было заставить танцевать, если потребуется. Впрочем, желания Акамы ничего не значили. Цель Иллидана куда важнее нужд любого из Сломленных. Он слишком долго вынашивал свои планы, чтобы позволить каким-то санинтам встать у него на пути.

– Когда мы одолеем властителя преисподней, большая часть его командиров из числа орков Скверны встанет на нашу сторону, – сказал Иллидан. – Они следуют за сильнейшим, и мы покажем им, что их вера в Магтеридона ошибочна. Те демоны, которых успели призвать в храм, либо присягнут мне в верности, либо их постигнет окончательная смерть.

– Отсеки голову, и тело падет, – кивнула Вайш.

– Ты убьешь, Магтеридона, владыка? – спросил Акама.

– Мы сделаем кое-что похуже, – ответил Иллидан, позволив себе злобную усмешку.

– И что же это? – медленно спросил Акама. В его голосе Иллидан уловил сомнение. Похоже, пеплоуст представлял себе победу иначе.

– Подожди немного – и сам увидишь, – ответил Иллидан.

– Как скажешь, владыка, – произнес Акама. – Быть по сему.

– Тогда к делу, – подвел итог Иллидан. – Нам предстоит завоевать мир.

Дверь в тронный зал открылась, и в ноздри Иллидану сразу же ударил смрад демонов. Вокруг трона из костей, на котором восседал Магтеридон, плясало пламя. Повелитель преисподней, впятеро превосходивший ростом син'дорай, оказался кентавроподобным существом с двумя руками и четырехногой нижней частью тела, массивной,

как у дракона. Ноги Магтеридона походили на колонны, поддерживающие крышу какого-нибудь древнего храма, и поднимали брюхо демона так высоко, что под ним мог свободно пройти рослый эльф. В одной ручище Магтеридон сжимал глефу величиной с мачту океанского корабля и весом с таран. По обеим сторонам от трона стояло по стражу ужаса — наделенные крыльями летучих мышей и силой малых демонов, они были почти столь же высокие, как их господин. Иллидан ощутил их мощь и враждебность.

Окинув Иллидана пылающим взглядом, повелитель преисподней произнес глубоким гортанным голосом:

— Я не знаю тебя, чужак, но сила твоя велика. Ты эмиссар Легиона? Тебя прислали сюда, чтобы испытать меня?

— Я прибыл сменить тебя, — рассмеялся Иллидан. — Ты — пережиток прошлого, Магтеридон, призрак ушедшей эпохи. Будущее принадлежит мне. С этой минуты Запределье и все его обитатели склонятся передо мной.

Повелитель преисподней подался вперед, подняв свою гигантскую глефу. Земля задрожала под его шагами.

— Я раздавлю тебя, как насекомое, коим ты и являешься. Поглосю твою мягкую плоть, а вместе с нею — и твою душу, — проговорил Магтеридон с надменной самоуверенностью того, кто считает свою мощь неоспоримой.

Его телохранители выступили вперед. Иллидан прыгнул им навстречу, и его боевые клинки рассекли воздух, вонзаясь в демоническую плоть. Одним ударом он рассек стражу Скверны руку, заставив его выронить секиру, и за следующий удар сердца клинок в левой руке вскрыл противника от горла до паха.

Воины Иллидана присоединились к сражению. Стражи ужаса были могучи, но их было только двое. Оглушенные заклинаниями Кель'таса и Вайш, взятые в кольцо, они падали как медведи, загнанные в угол сворой гончих.

Иллидан выпрыгнул вперед, чтобы лично противостоять Магтеридону. Лезвие огромной глефы повелителя преисподней с грохотом обрушилось на плиты пола, вонзившись в камень на том месте, где миг назад стоял чародей. Иллидан прокатился между исполинских ног владыки Запределья и двойным ударом подрезал сухожилия на передней паре. Властитель преисподней яростно взревел и нанес новый удар, но Иллидан уже был у него под брюхом, с каждым новым ударом исторгая из тела демона потоки ихора. Потом он взбежал по массивному хвосту на спину Магтеридона и вонзил клинки в толстую шею демона.

С высоты Иллидан увидал, что его соратники повергли телохранителей повелителя преисподней. С демонами было покончено. И тогда Иллидан, воздев руки, начал читать

связывающее заклинание. Волна высвобожденной магической энергии ударила повелителя преисподней, и Магтеридон вздрогнул, ощутив укол чар.

Сердце Иллидана грохотало от усилия, вложенного в заклинание. Ощущения были сравнимы с попыткой одолеть великана в перетягивании каната. Продвижение Магтеридона замедлилось, а лицо исказилось, как будто он испытывал нечто подобное.

– Ты силен... для смертного, – произнес владыка преисподней.

– Я не смертный, – ответил Иллидан.

– Все, что можно убить, – смертно.

На лбу Иллидана выступили бисеринки пота, дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Расправив крылья, он поднялся в воздух над Магтеридоном, подавая сигнал остальным. Леди Вайш кивнула и, воздев руки, принялась творить заклинания. Призрачным зрением Иллидан замечал, как огненные линии образуют вокруг властителя преисподней замысловатые пламенеющие узоры. Догадавшись, что происходит, Магтеридон взревел.

Иллидан добавил заклинанию мощи, и парализованный властитель преисподней замер, не в силах двинуться с места. Сияние магической энергии отражалось в его клыках размером с надгробие. Магтеридон встал на дыбы, борясь с магией не столько своей колоссальной физической силой, сколько собственной колдовской мощью.

Не ослабляя потока силы, Иллидан взглянул на принца Кель'таса: эльф крови облизнулся, точно гурман при виде пиршественного стола. Вся эта высвободившаяся магия явно что-то пробудила в нем.

– Кель'тас! – прохрипел Иллидан. Эльф крови раскинул руки, добавляя свой голос к заклятию. Колоссальные по силе магические потоки рухнули на Магтеридона. Властитель преисподней вскричал – яростно и непокорно, – но проку от этого не было: даже он не смог бы разорвать связующие чары. Иллидан улыбнулся. Победа была за ним. Первый этап давно задуманного плана завершен.

Акама слушал, как владыка Иллидан провыл последние слова связывания. Магтеридон замер, переполняемый бесильным гневом. Он напряг все свое могучее тело, но заклинание продолжало удерживать демона на месте.

Кончено. Повелитель преисподней был повержен. Месть за поражение народа Акамы свершилась. Храм Карабор будет свободен от пагубного влияния демонов.

Акама позволил себе мгновение триумфа. Его силы, объединенной с мощью чародеев из иного мира, оказалось достаточно, чтобы одолеть даже столь могущественного

демона, как Магтеридон.

Опустившись на пол, Иллидан сложил крылья. Сияние, исходящее от его магических татуировок, начало угасать, а руки резко опустились. Акама бросился к нему.

– Победа за нами, о владыка.

– Да, преданный Акама, так и есть, – ответил Иллидан. Действительно ли в слове «преданный» проскользнула насмешливая нотка? Впрочем, это не важно.

– Ты освободил храм Карабор.

– Мы освободили храм Карабор.

– Могу ли я спросить, когда мне будет позволено начать, владыка?

– Начать что?

Сердце Акамы будто стиснула ледяная рука. Он заглянул в лицо Иллидану, и не сумел ничего прочесть по нему: лик охотника на демонов был точно маска, пустые глазницы скрывала полоска рунной ткани. Похоже, сбывалось то, чего Акама боялся все это время...

– Мы должны очистить храм, владыка, и вернуть в него благодать. Мы с братьями будем днём и ночью творить необходимые ритуалы. Все будет сделано так, словно гнусное прикосновение Магтеридона никогда не пятнало этого места.

Иллидан неспешно кивнул.

– Время для этого придет, но позже.

– Позже, владыка Иллидан?

– Сперва я завершу свои дела. Предстоит сделать еще многое, прежде чем Запределье будет свободно.

– Но ведь храм уже свободен, владыка, разве нет?

– Ни одно место не может считаться свободным, пока Пылающий Легион способен протянуть к нему свою руку для завоевания. Надо укрепить храм, он станет маяком для всех тех, кто выступает против демонов.

Акама задавил в себе разочарование. Он ждал чего-то подобного, однако не позволил ни единой горькой мысли отразиться на своем лице. Опустив глаза, он произнес:

– Все так, владыка Иллидан, никаких сомнений. Могу я удалиться и сообщить моему народу хорошие вести?

– Можешь, – кивнул Иллидан и, чуть помедлив, добавил: – Храм будет возвращен Сломленным, Акама. Просто не сегодня.

– Конечно, владыка. Не сомневаюсь в этом.

Сказав это, Акама поспешил покинуть тронный зал Магтеридона. Ему предстояло подготовиться к путешествию – встрече с тем, кто был способен помочь. Выходя, он отметил насмешливый взгляд, которым его проводил принц Кель'тас. Эльф с самого начала знал, чем все закончится. Как и леди Вайш. К счастью, Сломленный никогда пол-

ностью не верил в благие намерения Иллидана и готовил планы действия на случай непредвиденных ситуаций. Весьма мудрое поведение, когда ты заключаешь какое-либо соглашение с тем, кого прозвали Предателем.

Если охотник на демонов не поможет ему вернуть храм Карабор, то найдутся другие, кто сделает это. Святыня народа Акамы должна быть очищена, и неважно, чего хочет Иллидан.

Вместе с Кель'тасом и Вайш Иллидан стоял на самой высокой башне Черного Храма, созерцая унылый пейзаж равнины Призрачной Луны. С зубчатых стен крепости охотник на демонов объявил о своей победе всему Запределью, однако сейчас его снедала тревога. Он не ощущал ожидаемого триумфа. Напротив, Иллидана терзало растущее чувство страха.

Небо вдали было красным, точно кровь, и в сторону Черного Храма мчались багровые тучи. Мощные порывы ветра трепали крылья Иллидана. По воздуху растекались реки бурой пыли. Кожу Иллидана начало покалывать, и он заметил на всем вокруг частицы магии Скверны.

— Что это, Вайш? — вскричал принц Кель'тас. — Откуда пришла эта буря?

— Не высовывайся, глупец! — осадил его предводительница наг. — Приближается нечто ужасное!

Частицы магии стали увеличиваться. Мерцающая аура возникла в воздухе возле крыши, обратившись гигантской светящейся фигурой. Огромная, точно крепостная башня, она нависла над победителями. В ней было нечто такое, что напомнило Иллидану Сломленных, дренеев. Голову исполина венчали рога, его кожа пылала, а вокруг копыт, подсвечивая всполохами все тело, танцевало пламя. Он излучал силу, затмевавшей даже могущество властителя преисподней. Иллидан знал, что его вновь почтил своим присутствием Кил'джеден — владыка демонов, который командовал большей частью Пылающего Легиона.

Кил'джеден злобно посмотрел на Иллидана.

— Глупая мелкая дворняжка. Ты не сумел уничтожить Ледяной Трон, как я приказал, да еще решил укрыться от меня в этом всеми забытом захолустье?! Я думал, ты хитрее, Иллидан!

Было невозможно сделать что-то еще, кроме как встретиться со взглядом Кил'джедена. Глаза Искусителя притягивали, внушали благоговение и трепет и в душе чувство восхищения, трепет. Этот взгляд сулил бесконечность обещаний и вечность ужасов.

Когда установилась ментальная связь, Иллидан вздрогнул, точно пораженный молнией. Он чувствовал, как злоб-

ный разум Кил'джедена вторгся в его сознание, и смог уловить проблески поверхностных мыслей своего противника. Он видел миры, обращенные в пустоши, империи, которым суждено стать игрушками в руках демона, следы беспредельной мощи, подвластной этому могущественному созданию и его слугам. «Это может стать и твоим тоже», — сулил его взгляд, не оставляя места сомнению. Подчинись Кил'джедену, и все твои враги будут уничтожены, а мечты о власти — сбудутся. Все, что ты пожелаешь, станет твоим. Не подчинись Кил'джедену, и...

Итак, настал момент, которого Иллидан давно ждал и боялся. Он не мог позволить, чтобы Искуситель прочел его истинные мысли — были вещи, которые Кил'джедену не стоило видеть, и планы, которые повелитель демонов не должен раскрыть до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Он ощутил безмерную силу воли Искусителя в действии — она обрушилась на Иллидана, как приливная волна. Некоторое время он сопротивлялся этой силе, сдерживая ее натиск, а потом позволил пасть внешним стенам ментальной защиты. Затем Иллидан укрепил вторую линию обороны и точно так же, медленно и осторожно, дал ей рухнуть, словно сопротивляться демону было за гранью его возможностей. Сделав это, он пустил в ход заготовленные чары. Тихо и почти незаметно его секреты исчезли, погребенные глубоко в недрах разума. Одновременно с ним Иллидан позволил Кил'джедену пробиться сквозь последний барьер и вторгнуться в то, что якобы было его самыми сокровенными мыслями.

Он чувствовал колоссальное и навязчивое присутствие повелителя демонов. Искуситель листал его воспоминания, пристально изучая паутину памяти. Он искал, искал, искал...

Как и всякий чародей, Иллидан скрывал какие-то части разума. У каждого есть свои темные секреты и страсти, которые не хочется раскрывать ни одному постороннему. Кил'джеден понимал это, как понимал слабости всех живых существ, Иллидан оставил ему несколько соблазнительных приманок, при этом запечатав целые уровни своего сознания за барьерами дезориентации.

Однако ментальный зонд не искал его скрытых тайн. Вместо этого он направился прямо к воспоминаниям о недавних событиях. Перед мысленным взором Иллидана замелькали образы, вытянутые на поверхность любопытством Кил'джедена.

Иллидан вновь вошел под сень Оскверненного леса, решительно настроенный доказать брату, что не инструмент демонов. Он слышал звук, с которым его боевые клинки

скрестились с древним зачарованным мечом во время схватки с предателем-человеком – принцем Артасом, слугой Короля-лича, того, кто вел армию нежити, известную как Плеть. Они сражались, пока не поняли, что их силы равны. Во время передышки Артас попытался искушить Иллидана знанием о том, где расположен череп Гул'дана. Иллидан знал, что должен найти его...

Он заново пережил экстаз, наполнивший тело вместе с потоком энергии, когда он разбил печати на черепе и превратился в демона. Он использовал высвободившуюся мощь артефакта, чтобы одолеть владыку ужаса Тихондрия, взявшего контроль над Плетью – и его хозяина. Но даже в момент победы Иллидан познал поражение: родной брат и Тиранда отвернулись от чародея, увидев его трансформацию. Он снова понял, что для него не осталось ничего, кроме изгнания.

Он почувствовал злорадное веселье Кил'джедена: нового воспоминания – последней встречи Иллидана с ним, Искусителем. Демон тогда предложил Иллидану шанс вернуться в ряды Легиона в обмен на уничтожение Ледяного Трона и лишение силы мятежного Короля-лича. Выполнить миссию помешал Малфурион и тем вынудил брата спастись от гнева Кил'джедена. Иллидан почувствовал, как Искуситель чуть помедлил, оценив искренность его усилий.

Он заново пережил побег в Запределье, закончившейся очередным пленением Майев. К счастью на помощь пришли Кель'тас и Вайш. Даже сегодняшний триумф и низвержение Магтеридона были подвергнуты тщательному изучению. Иллидан знал: это время Кил'джеден был рядом и наблюдал за поражением властителя преисподней. Искусителю все равно, кто правит Запредельем, пока он правит именем Легиона.

Ментальная связь оборвалась так же внезапно, как и появилась. Владыка демон покинул разум Иллидана неожиданно, и он осознал: то, что, как ему казалось, заняло часы, на самом деле длилось пару мгновений.

Сердце Иллидана тяжело билось в груди. Он был на волосок от гибели: в тот момент даже он не смог бы выстоять против мощи Кил'джедена. Если бы Иллидан умер здесь, то все планы, все принесенные им жертвы стали бы бессмысленны. Сейчас единственным оружием в его распоряжении были слова, и он искал правильные слова. А когда нашел, заговорил с подходящими для ситуации умоляющими нотками в голосе. Он знал, что его самоуничтожение польстит тщеславию демона.

– Кил'джеден! Я просто отступил на время. Здесь я пытаюсь укрепить свои силы. Король – лич будет уничтожен, клянусь тебе!

Демон обратил взгляд на Вайш, затем на Кель'таса. Иллидан знал, что жизни всех их троих сейчас висят на волоске. Мгновение тишины, каталось, длилось целую вечность, прежде чем демон заговорил снова:

- В самом деле? Что ж, слуги, которых ты набрал, слегка обнадеживают. Даю тебе последний шанс, Иллидан: уничтожь Ледяной Трон или познай мой вечный гнев!

Иллидан ощутил прилив энергии Скверны. Окружающее Кил'джедена сияние усилилось настолько, что на него стало невозможно смотреть, а когда оно угасло, повелитель демонов исчез. Иллидан глубоко вздохнул. Неужели он сделал это? Скрыл свои истинные намерения от Кил'джедена? Обманул самого Искуителя? Скоро он это выяснит.

Иллидан в ярости сжал кулаки при мысли о том, как вел себя с ним Кил'джеден. «Точно с марионеткой!» Он подавил растущую злобу. Придет время, и он заставит своих врагов — даже Кил'джеден! — поплатиться за все, что они сделали. Надо лишь еще немного поносить маску покорности. Купить себе немного времени, для чего придется сделать то, чего требовал Искуитель.

Он взглянул на своих спутников — в их ответных взорах, обращенных на него, читалось сомнение. Иллидан даже подумал, не стоит ли раскрыть им свои планы, но быстро отказался от этой идеи. Они тоже подверглись ментальному сканированию Кил'джедена. Кто знает, что отозвалось в глубине их сердец в ответ на угрозы и обольщение повелителя демонов?

- Возможно, — произнес он, — укрыться здесь было не самым мудрым решением. Но все равно перед нами поставлена задача. Последуете ли вы за мной в холодное сердце самой смерти?

Леди Вайш подобрала кольца змеиного хвоста и вытянулась во весь рост.

- Наги в твоём распоряжении, владыка Иллидан. Мы последуем за тобой, куда бы ты ни пошел.

Принц Кель'тас выглядел ошеломленным — вполне естественная реакция того, кто был выбран объектом внимания владыки-демона. Взяв себя в руки, он произнес:

- Эльфы крови тоже с тобой, владыка. По твоему приказу мы изгоним Плеть и расколем Ледяной Трон.

- У нас еще есть немного времени, — ответил Иллидан. — Мне нужно сделать кое-что еще, прежде мы выступим. Мы должны быть готовы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

За четыре года до падения

Майев Песнь Теней изучала опаленный пейзаж, прикрыв глаза от сияния громадного солнца Запределья рукой в латной перчатке. Переведя взгляд с пыльной дороги на склон холма, она заметила суетливое движение — один из иноземных соглядатаев нырнул за валун.

— Вижу, наши насекомоподобные друзья все еще следуют за нами, — сказала Аниндра.

Майев взглянула на свою заместительницу. Как и все ночные эльфы, та была высокой и стройной; влажный от пота табард Стража лип к ее телу, а красный платок не давал зеленым волосам упасть на глаза. Аниндра не была первой в списке Майев на должность заместителя, однако выбирать не приходилось. Отряд из тридцати воинов, растянувшийся у нее за спиной вдоль дороги — вот все, кто выжил после засады, всего несколько недель назад вырвавшей Иллидана у нее из рук. Леди Вайш и принц Кель'тас ответят за смерти, которыми сопровождалось освобождение Предателя.

— Опустошители не отстанут, — сказала Майев. — Они голодны.

— Я слышала, они берут пленников на корм своим детенышам, замелила Аниндра.

Это не стало для Майев сюрпризом. Запределье было отвратительным местом, населенным чудовищными созданиями. Даже ее усиленные чарами доспехи не могли полностью нейтрализовать жар. Хотела бы она вытереть пот струящийся на лбу, но шлем с забралом этого не позволит... Вместо этого она снова покосилась на гребень холма; насекомых прибавилось, причем заметно. Их движения напоминали Майев гигантских пауков.

Где-то вдалеке взревела сирена сквернобота, исполненной боевой машины, что сотрясала своей поступью окрестные земли. Два дня назад Стражам едва удалось спастись от одной такой, грозившей превратить их всех в кровавое месиво под своими огромными ступнями из демонического металла.

Ночной саблезуб Майев яростно зарычал, словно отвечая на вызов. Другие верховые кошки откликнулись эхом. На склоне холма показался опустошитель, решивший выяснить источник шума.

— Я могла бы пронзить стрелой глаз злого опустошителя, произнесла Аниндра, доставая одну из своих стрел с отличным красно-зеленым оперением. Она гордилась своим мастерством стрельбы и любила демонстрировать его, едва только выпадет шанс.

Майев улыбнулась, не разжимая губ.

– К чему беспокоиться? Здесь тысячи других существ.

– Она слегка прищипорила своего ночного саблезуба, и он устремился вперед длинными легкими скачками. – Пусть идут следом, если пожелают. В случае нападения мы докажем, что это решение было ошибочным. В противном случае не трать драгоценные стрелы.

Воины следовали за ней гуськом, беспокойно озираясь по сторонам. Майев знала, что ей нужно внимательно следить за ними: В Азероте она бы ни за что не усомнилась в их решимости продолжать охоту, но здесь все было иначе. С тех самых пор, как они прошли через магический портал, преследуя Иллидана, у некоторых из Стражей сохранился совершенно дикий взгляд.

Она снова вдохнула сухой воздух. В Азероте ей доводилось бывать в местах не менее засушливых, но что-то на полуострове Адского Пламени заставляло ее чувствовать жажду более сильную, чем даже в пустыне Танарис. Там Майев хотя бы знала о близости океана. В Запределье им пока не удавалось найти никаких подтверждений того, что в этом месте могло быть море. Насколько она понимала, Запределье парило в великой бездне, и вода здесь была большой редкостью.

– Он не сбежит от нас, Страж, – сказала Аниндра. Майев тряхнула головой, очистив свои мысли от всего ненужного, и снова сосредоточилась на помощнице и деле.

– Конечно, нет. Не для того я пересекла барьер между мирами, чтобы позволить Предателю избежать правосудия.

– Здесь у него могущественные союзники, – тихо и с намеком на сомнение в голосе напомнила Аниндра. Остальные члены отряда затихли в ожидании, что скажет Майев.

– Независимо от того, насколько могущественны его союзники, он не уйдет, – произнесла наконец она и тут же добавила, прямо отвечая на незаданные вопросы воинов: – Однажды мы уже захватили Иллидана. И захватим его снова.

Лицо Аниндры превратилось в застывшую маску. Она отвернулась, разглядывая гребень холма, словно надеялась скрыть от предводительницы свои сомнения. Опустошители по-прежнему следовали за ними. Майев посмотрела направо. Множество насекомоподобных тварей ковром покрывали соседний склон, перекрывая дорогу с фланга. Если впереди еще больше опустошителей, то Майев и ее воины сами шли в ловушку. Впрочем, не в первую ловушку, которая ждала их в этом мире.

– Когда мы схватили Иллидана, с ним не было Кель'таса и леди Вайш, – сказала Аниндра. Очевидно,

воспоминания о том, как два могущественных чародея спасли Иллидана и убили ее товарищей Стражей, тяготили ее.

– Принц Кель'тас, – заговорила Майев, – это вероломный предатель, а леди Вайш – мерзкий урод. Если они встанут на нашем пути, мы убьем их.

Она не была полностью уверена в том, что сможет выполнить свою угрозу, но постаралась отрешиться от этой мысли. Принц эльфов крови и предводительница наг – не важны. Только Иллидан. Не для того она потратила десять тысяч лет своей жизни, держа это зло в заточении, чтобы сейчас, вырвавшись на свободу, оно получило возможность творить новые преступления.

– Думаешь, этот старейшина Сломленных, Акама, в состоянии помочь нам против них? – спросила ее помощница.

– Не знаю, Аниндра. Он может быть полезен, а может, и нет, но, в конечном счете, это не имеет значения. Мы победим. Как побеждали всегда и будем побеждать впредь.

Аниндра отвернулась. Погруженная в тишину Майев снова сосредоточилась на окружающем ландшафте.

Земля Запределья была разорвана при помощи магии – ужасное предостережение тем, кто заигрывает с магическими силами. Майев уже видела подобное раньше.

Хотя с тех пор прошло более десяти тысяч лет назад, Майев помнила все, как будто это случилось вчера... нет, всего несколько часов назад. Воспоминания о том ужасном дне, когда она впервые увидела Пылающий Легион, были еще очень свежи.

Никто тогда не понял, с чем они столкнулись на самом деле. Они решили, что Легион – лишь временная угроза, порожденная неуправляемой магией. Сочли Иллидана просто обманутым чародеем. Так подумали многие. Но Майев всегда знала, что все было иначе.

Запах озона в воздухе Запределья напоминал ей о первой встрече с инферналом. Она помнила смрад полумрачного создания так же отчетливо, как запах ночных цветов среди павильонов Дарнаса. Инфернал казался слишком большим и наполненным магией, чтобы противостоять ему. Листья увядали при его приближении, точно осенью, от близости к его пылающему телу. Тогда Майев возвала к силе Элуну, и богиня луны уничтожила демона, разбив его на несколько раскаленных осколков, оставив Майев исцелять опаленную плоть его жертв.

То была лишь одна из тысячи схваток. Во время Войны Древних Майев навидалась ужасов: горели леса, гибли народы. Она усвоила урок: с теми, кто ищет силу в извращенной магии, не может быть компромиссов. Их надлежит искоренить, сокрушить, умертвить прежде, чем они смогут

погубить невинных или осквернить все естественное и доброе.

Майев знала это с самого начала. Как жаль, что остальные не обладали ясностью ее взора: послушай они ее тогда, и не возникло бы необходимости в охоте сейчас. Если бы Иллидана убили сразу, как только его порочная суть проявилась впервые, удалось бы сохранить бесчисленное множество невинных жизней.

Вместо этого они послушали совета Иллиданова близнеца, Малфуриона, и Тиранды Шелест Ветра. Эти двое щадили Иллидана снова и снова, даже когда его злоба стала для всех очевидна. В конце Войны Древних, когда Майев уже собиралась покончить с Предателем, разве не они даровали ему милость и приводили все новые и новые аргументы в пользу его заточения, а не казни?

С тех пор Тиранда зашла еще дальше, убив Стражей, охранявших темницу Иллидана. Она утверждала, что освободила Предателя ради его помощи в борьбе против Легиона. Сперва казалось, что Тиранда права - Иллидан действительно помог им, но позже его подлинная сущность проявила себя: поглотив силу черепа Гул'дана, Предатель обернулся демоном, и сама плоть его мутировала, дабы отразить чудовищность души. Однако и тогда брат всего лишь изгнал его из лесов, а не нанес смертельный удар.

Майев фыркнула. Иллидан был всего лишь орудием Легиона. Всегда был и всегда будет. Из-за этих дураков она провела десять тысяч лет, сторожа жалкого колдуна.

И ради чего?

От ярости Майев стиснула зубы. Тиранду тоже следовало заточить на долгие века рядом с Иллиданом. Она заслужила этого, когда с безрассудством, которое превосходило только ее же высокомерие, освободила Предателя. Она выставила на посмешище все клятвы, принесенные Майев, превратила десять тысяч лет бдения в злую шутку. Даже если она сейчас правит ночными эльфами, у нее не было права поступать так.

Из задумчивости Майев вывел звук, донесшийся справа. Опустошители подступали. Они прижимались к земле, используя неровности рельефа, чтобы избежать атак магией или обстрела из луков. Похоже, эти твари были умнее, чем предполагала Майев. Впрочем, это не имело особенного значения, учитывая их численность. Она же сейчас не могла позволить себе потерять даже одного воина. Подняв руку, Майев жестом приказала вдвое увеличить скорость. Безупречно дисциплинированные Стражи увеличили темп: их огромные ездовые кошки вытянули длинные лапы и помчались вперед.

На лице подскакавшей к предводительнице Аиндры чи-

тался вопрос. Она жаждала узнать, отдаст ли Майев приказ развернуться и атаковать. Разумеется, сейчас не время бессмысленно разбрасываться жизнями. Только не тогда, когда след Предателя такой четкий, а запах добычи щекочет ноздри.

Майев думала об Иллидане. Предатель перестал быть эльфом. Майев содрогнулась, когда вспомнила, чем он стал: рога, копыта, крылья летучей мыши... Демон настолько же, насколько ими были эредары, которым он поклонялся, а затем предал.

Если он их действительно предал...

В этом и заключалась вечная проблема — понять истинные помыслы Иллидана. Никто в здравом уме не сумеет постичь, что этот маньяк затеял на самом деле. Разум Предателя настолько искажен силой темной магии, которой он так жаждал, что логика поступков Иллидана ускользала, и это было проблемой. Единственный для охотника способ гарантированно схватить добычу — понять ее.

Порой это тревожило Майев. Она слышала перешептывания воинов за своей спиной и знала, о чем они говорят. Были те, кто считал, что она стала такой же искаженной недугом, как и враг, которого охраняла столь долго. Какая горькая ирония... Майев усмехнулась.

Слабаки! Все они слабаки, не готовые иметь дело со злом, которое так глубоко укоренилось среди них. Боящиеся тех, кто нашел в себе силы сделать то, что должно быть сделано. Идущие на компромиссы с демонами, способными уничтожить их, да еще и убеждающие себя, что поступают мудро. Что ж, она, Майев, лучше всех знает истину. Никаких компромиссов! Она не успокоится, пока Иллидан не будет мертв или, скованный, не вернется в свою тюрьму. Майев помнит свой долг и свои клятвы, и ей все равно, что на ее счет думают другие. Ее не удастся отвлечь от поисков.

— Страж Песнь Теней! — ворвался в ее размышления голос Аниндры.

— В чем дело? — спросила Майев, и заместительница вздрогнула от холодности ее тона.

— Вон там!

Палец Аниндры указал направление. Последив за ним взглядом, Майев увидела скопление опустошителей на склонах холмов. Когда же Стражи преодолели подъем, то увидели внизу, в долине под ними, еще больше четвероногих монстров, преграждавших им путь. Погруженная в мысли об Иллидане, Майев не сумела вовремя заметить ловушку. В очередной раз послав проклятие Предателю, она покричала:

— Приготовиться к бою!

Стражи со своей предводительницей во главе выстроились в линию. Майев изучала лица воинов, отметив, чей взгляд в панике мечется по сторонам, а чей устремлен на врага с холодной и смертоносной решимостью. Вторых оказалось гораздо больше, и сердце Майев преисполнилось гордости. Ночные эльфы были окружены, враг превосходил их числом, но, даже столкнувшись с сотнями монстров из иного мира, они не испугались. Некоторые уже приклонили луки и глефы. Чувствуя настроение хозяев, ночные саблезубы зарычали с вызовом. Друид Сарий спешил и обернулся огромным медведем, шкуру которого покрывал мистический узор.

Майев прикинула шансы. Встать и принять бой означало оказаться гарантированно разбитыми — число опустошителей было огромно. Их явно что-то потревожило.

Она обернулась на пыльную тропу — пусто. Скорее всего, удастся отступить почти без сопротивления, но тогда они окажутся там, откуда начали свой путь. Если она собиралась встретиться с Акамой, то нужно пробиваться вперед, в глубь земель, которые местные называют Зангартопь.

Майев не могла не признать, что ей любопытно: послание Сломленного намекало, будто ему известно о планах Иллидана, а все, что удалось узнать от дрениев в храме Телхамата, что Акама — предводитель племени пеплоустов. Он располагал войском и знал эту местность. И он единственный счел возможным связаться с нею, Майев. Но откуда его посланники знали, где ее искать? Зачем он вышел на нее? Может, заманивает в ловушку?

Небо впереди становилось темнее: на горизонте угадывались смутные очертания не то холмов, не то огромных деревьев. В воздухе ощущался странноватый привкус, а чуть влажный ветер доносил запах гнили, разложения и еще чего-то, что Майев не могла разобрать.

Зангартопь была чудовищным местом — болотистой местностью, полной чужеродных ужасов. Сделав глубокий вдох, Майев оглядела противников: тварей много, но им явно не хватает дисциплины, и в их скоплении есть слабые места. Если сосредоточить всю силу удара в одном месте, то можно будет прорвать строй врага и промчаться дальше по тропе, словно ветер. Вряд ли эти шустрые монстры последуют за ними в болото. Похоже, их дом — сухие холмы.

— Построиться клином позади меня. Пробьем себе дорогу прямо сквозь ряды этих животных.

Стражи согласно закивали. Аниндра вскинула рог и протрубила одну протяжную серебристую ноту, и ночные эльфы помчались в атаку вниз по склону.

Майев скривила губы в улыбке, обнажая серповидный

клинок теней. Пусть ненадолго, но она все же сможет забыть в яростной схватке и позволить разуму отдохнуть. Ночной саблезуб под ней взревел, и эльфы обрушились на опустошителей лавиной меха, когтей, мускулов и клинков.

Майев полоснула клинком ближайшую тварь, жалея, что это не Иллидан.

«Что же задумал Предатель на этот раз?»

Глава третья

За четыре года до падения

Майев скакала к деревне Сломленных под названием Прибежище Оребор. Она облизнула губы, и язык защипало от спор. Они были всюду: в волосах, в одежде. Споры оседали за ушами и в пропитанных потом рукавах. Кожа эльфов покрылась фосфоресцирующей плесенью, избавиться от которой было почти невозможно: приходилось выскабливаться и применять исцеляющую магию.

Полуостров Адского Пламени был не так ужасен. Вход в Запределье располагался в пустынном аду, кишашем орками Скверны и прочими монстрами, но в Загрантопи оказалось куда мрачнее. Здесь было жарко, душно и влажно. Небо скрывалось за кронами исполинских грибных деревьев, куда выше и крупнее дубов Ясеневого леса. В их тенях планировали похожие на скатов летуны и другие, похожие на медуз, твари.

Да, орков тут было меньше, зато подстерегали другие опасности. Едва Стражи ушли от опустошителей, как на них напал гигантский ходячий гриб. Лес кишел ограми и крупными насекомыми, которые жалили и откладывали в телах укушенных личинки.

Так Майев потеряла Колею: ее просто сожрали изнутри. Ещё одна жертва, которую можно бросить к ногам Иллида-на.

Майев так не хватало красоты Дарнаса. Она отдала бы десять веков жизни за то, что бы вдохнуть его чистый и прогуляться по просторным площадям, услышать песни сказателей. Прочь слабость! Какой смысл желать того, чего некогда не получишь?

Прибежище Оребор стояло в тени зазубренной горной гряды. В своё время, наверное, здесь был оплот местной цивилизации, но теперь это место лежало в руинах: полуразвалившиеся хижины на мраморном фундаменте некогда величественной площади, окруженном стоячей зловонной водой.

Их окружили Сломленные. Эти существа впервые видели ночных эльфов и взирали на них с удивлением. Один или два решились просить милостыни, но прочие сокрушенно и устало отворачивались. Да, эти не поднимут руки, даже чтобы защититься. Из таких надёжных союзников не выйдет.

Впрочем, не все Сломленные опустились. Кое-кто ходил при оружии и на чужаков поглядывал настороженно. Майев подъехала к одному войну и громко спросила:

– Акама! Где его найти?

Сломленный пристально оглядел Майев и ее спутников.

Ей начало казаться, что воин не ответит, но тут он ткнул большим пальцем в сторону городского центра.

Из некоторых хижин доносилось рыдание. Майев скривилась, когда из ее ноздрей коснулся смрад гниющей плоти. В здешних условиях раны долго не затягивались и быстро начинали гноиться. Порой в порезы попадали споры грибов и прорастали там, точно плесень в хлебной мякоти. Мимо, шлепая копытами по лужам в разбитой мостовой, прохромала старуха. На чужаков она даже не взглянула – шла, опустив глаза, не обращая внимания вообще ни на что, поглощенная собственным отчаянием.

– Как они ухитряются выжить здесь? – печально спросила Аниндра. От вида деревни Сломленных в ней пробудилось некое подобие сочувствия.

– Едят грибы и насекомых, – уверенно ответила Майев, потому что именно эти питались ее солдаты последние несколько дней. Чужие и непривычные, местные растения и живые существа, тем не менее, годились в пищу. По крайней мере, никто пока не отравился. В такой еде, конечно, могли оказаться медленно действующие яды, которые просто не проявляли себя, однако Майев при помощи магии выяснила, опасности нет. – А в озерах по пути сюда я видела рыбу и прочих водных тварей.

– Да, – согласилась Аниндра, очевидно, припомнив огромных чешуйчатых гидр, что напали на них. – Надо думать. Ты правда веришь, что этот Акама сумеет нам помочь? – Она провела рукой по сторонам. – Он и своим-то помочь не в силах.

Майев была согласна, однако не спешила признаваться в этом. Боевой дух эльфов и так был не на высоте.

Впереди она заметила очередного часового.

– Акама, – произнесла Майев, и воин указал в сторону небольшой хижины на краю площади. Дом охраняла группа Сломленных в пепельно-сером: вроде и не враждебные, но и не дружелюбные.

Подъехав к ним, Майев сказала:

– Мне нужен Акама.

Сломленные, казалось, даже не слышат ее, но потом вдруг, как по команде, они отошли в стороны, освобождая путь ко входу.

Аниндра и остальные эльфы держались сразу за Майев. Стоило им приблизиться к жилищу, как Сломленные пиками преградили путь.

– Только ты, – сказал Майев Сломленный с командирскими знаками отличия. – Если ты та, кого зовут Майев Песнь Теней.

Воздух затрещал от напряжения: эльфы не желали оставлять предводительницу – вдруг ее ждет ловушка? С

другой стороны, если Сломленные – будущие союзники, не стоит портить с ними отношения. К тому же Майев способна о себе позаботится. Любой, кто покусится на ее жизнь, быстро в этом убедится.

– Ждите здесь, – приказала она Страхам. В ответ на вопросительный взгляд Сария Майев кивнула, и друид скрылся в тени у груды каменных обломков. В обличье огромной птицы уселся на вершину кучи и, сверкая глазами, стал озиаться по сторонам.

Охрана оставалась невозмутимой. Майев шагнула в хижину и сразу услышала плач младенца.

Посреди комнаты, у очага перекошенный Сломленный склонился над ребёнком и коснулся его лба. Прошептал несколько слов, и Майев тут не ощутила прилив энергии: не омерзительной Скверны и не извращенной тайной магии, нет совсем другой. Бдительность она, впрочем, ослаблять не спешила: есть много способов скрыть злую суть чародейства.

Дитя – девочка – притихло, и Сломленный прошептал ей что то на ухо. Майев снова почувствовала ток силы. Плачь смолк, сменившись ровным дыханием и тоненьким похрапыванием.

Сломленный же встал и обернулся к Майев. Говорил он сипло, и причиной тому был не только возраст. Ему как будто приходилось выталкивать слова, через боль, насильно.

– Решил сделать доброе дело, пока ждал тебя. – Он умолк переводя дыхание. – У Розарии грудная хворь, началась лихорадка, но я вроде сумел выжечь болезнь. В тепле и сухости девочка полностью поправится.

– Ты – Акама.

– Да, я Акама, предводитель пеплоустов.

– Ты передал, что хочешь поговорить.

– А ты – Майев Песнь Теней?

– Интересно, откуда ты узнал моё имя?

– Он упоминал его.

– Кто он?

– Тот кого вы зовете Предателем.

Майев потянулась к клинку теней, но Акама никак на это не отреагировал. Напротив, широко развел руки, показывая, что безоружен. Впрочем, значения это не имело – он ведь владел магией.

– Что тебе известно о Предателе? – спросила Майев.

– Увы, слишком много. Идём, нас есть что обсудить.

Акама указал на черный ход. Вполне возможно, он задумал разлучить ее со Страхами. Если так, то Сарий приглядит за ними в измененном облике, да и сама Майев сумеет постоять за себя.

- Ты первый, - ответила Майев, жестом приглашая Акаму выйти. Тот кивнул и, хромая, двинулся к проходу. Сломленный совершенно спокойно повернулся к Майев спиной, как бы показывая, что не опасается предательского удара.

С противоположной стороны хижину Акамы окружили развалины домов, кругом валялся мусор, и всюду была плесень. Гудели, поблескивая хитином, голодные насекомые. Майев поморщила нос.

- Мы не всегда жили так, - признался Акама. - Некогда Прибежище Оребор было прекрасно.

- Придется поверить тебе на слово.

- И правильно. Нер'Зул разрушил наш мир, а ведь некогда здесь был центр цивилизации, науки и торговли.

- С трудом верится.

- Видела бы ты этот город, когда по нему прогуливались десятки тысяч моих соплеменников, восхищаясь красотой и богатством домов!

- Я сюда не дом прибыла покупать. Я ищу союзников.

- Ты - Акама взглянул на Майев, - не первая из своего племени, кто говорит мне о том же.

- Иллидан больше не один из нас. Он давно утратил право называть себя ночным эльфом. Ещё когда первый раз заключил союз с Пылающим Легионом.

- И всё же, если верить его словам, некогда он был героем твоего народа.

- Да. Если верить его словам... Я могу изложить историю иначе.

Миновав пограничные столбы, они вошли к берегу широкого и тихого озера. Над поверхностью, меж разбросанных тут и там островков, сновали гудящие насекомые-гиганты. Акама остановился у небольшого прудика: вода в нем была чище, однако и на ее поверхности плавали едва заметные споры грибов, а в глубине мелькали смутные тени.

- Я скорее всего, поверю тебе. - Акама указал на выщербленную каменную скамью. - Прощу, присядь.

Майев не сдвинулась с места и демонстративно взялась за рукоять оружия.

Акама изобразил подобие улыбки, обнажив при этом грозного вида клыки.

- Как хочешь, но знай: никто здесь не желает тебе вреда. Давай же поговорим о Предателе.

Только этого Майев и ждала.

- Он воплощение великого зла. Давным-давно, более десяти тысяч лет назад по азеротскому летоисчислению, он предал нас, примкнув к Пылающему Легиону. Сотню веков я стерегла его, пока он томился в темнице, расплачиваясь за злодеяния, но меня подлейшим образом предали

те, от кого этого никак нельзя было ожидать. И вот Иллидан скрался от моего гнева здесь. Он страшный чародей, погрязший в коварстве, какое тебе...

– Я всё знаю, – поднял руку Акама. – Я беседовал с ним, бился с ним бок о бок...

Майев осмотрелась, в любую секунду ожидая, что из воды вынырнет нага, или из лесной чащи выбегут эльфы крови... но нет, ничего такого не произошло.

Акама наклонил голову и с любопытством присмотрелся к ней. Можно было подумать, что ему даже весело.

– Зачем ты служишь Предателю? – спросила Майев, не в силах сдерживать гнев. Любой демон содрогнулся бы, увидев ее сейчас, но Акама лишь пожал плечами.

– Враг моего врага, он обещал освободить храм Карабор.

Сказав это и встретившись с сердитым взглядом Майев, Акама потупился. Глядя на переплетенные пальцы, он тяжело вздохнул.

– Обещаний он не исполнил? – догадалась Майев.

– Храм мы отвоевали больше месяца назад, но с тех пор Иллидан и пальцем не пошевелил, чтобы вернуть святыню моему племени. И вряд ли вообще вернет. Боюсь, мы свергли прежнего деспота, властителя преисподней Магтеридона, и пустили на его место силу куда страшнее. Иллидан заново заключил союз с владыкой-демоном Кил'джеденом: согласился разрушить Ледяной Трон. Похоже, наша святыня так и осталась во власти Пылающего Легиона, только сменив наместника.

– Теперь я – враг твоего врага?

Акама кивнул.

– Однажды ты уже бросила его в темницу. Иллидан тебя ненавидит и, если чутье меня не подводит, боится. В тебе заключена огромная сила, я это чувствую.

На губах Майев промелькнула улыбка – едва заметная и холодная, точно серп убывающей луны.

– Боится, и правильно делает. Я либо снова заточу его в тюрьму, либо казню.

– На это я и рассчитываю, – глухо проговорил Сломленный. Он присмотрелся к водам озера, словно те вот-вот откроют ему некую великую истину.

– Тебя устроит и такой поворот событий? – спросила Майев, хотя уже знала ответ. Сломленный сколько угодно мог прикидываться святым мудрецом, но на деле он сам предатель: служит Иллидану и тайно обращается за помощью к Майев. Это можно использовать. Говоря его собственными словами, он – враг ее, Майев, врага.

– Если нет иного способа вернуть святыню... – Акама с присвистом вздохнул и, расцепив пальцы, посмот-

рел на Майев. — Я провел в храме годы юности. Он был... он остается для нас священным местом, и я не позволю снова осквернить его, — произнес в пустоту Сломленный. В его голосе угадывались боль и искреннее чувство потери.

— Ну, и как ты думаешь поступить?

— Сейчас мы ничего не можем поделать.

— Что?! — спросила Майев, не в силах скрыть потрясение. Она до боли в костяшках пальцев сжала рукоять оружия.

Майев пришла, ожидая, что ее встретит либо западня, либо новый союзник. Ее душа жаждала действия. Как может этот жалкий древний старец сидеть тут, сложа руки, пока Предатель разгуливает на свободе?!

— Иллидан сейчас слишком силен: его поддерживают принц Кель'тас и леди Вайш. Надо полагать, с ними ты уже встречалась — на свою беду?

— Я не боюсь их.

— А зря.

— Не тебе говорить, кого мне стоит опасаться.

Сделав виноватый жест рукой, Акама произнес:

— Понимаю.

— Ты пришел сюда просить моей помощи, а сам готов прятаться в руинах? — Возможно, Акаму не впечатлили размеры войска Майев? Или он не верит в ее способность заново пленить Иллидана? Оценил ее и нашел слабой? — Просишь помощи и ничего не предлагаешь взамен.

— Эльфы... живете так долго, а терпения набраться не в силах. Всему есть свое время и место. Жажде отмщения лучше дать настояться.

— Я не мести ищу, но правосудия.

— Да, так тебе кажется. — Акама совершенно точно насмеялся над Майев.

Он снова посмотрел на озеро. В этот момент нечто крупное выпрыгнуло из воды и, схватив жука, скрылось в темных глубинах.

— Эти создания умеют выжидать днями, затаившись и ничем не выдавая себя. Притворяясь безобидными. Однако стоит добыче приблизиться, как они атакуют. Могут за- просто отхватить тебе руку.

— Желаешь уподобиться рыбине?

— Это угорь.

— Я прибыла не за уроком рыбоводства.

— Но чего-то ты ожидала?

— Как я могу тебе помочь, если ты не помогаешь мне?

— В нужное время я предоставлю тебе любую необходимую помощь, однако мое племя не станет жертвой твоего безрассудства.

Майев выпустила рукоять клинка. Размяла пальцы, сделала глубокий вдох. Ярость понемногу унялась, уступив место спокойствию.

– Что ж, ладно. Тогда поведай хотя бы, чем занят Предатель.

– Переправляет Магтеридона в Цитадель Адского Пламени.

– Зачем?

– Он мне не все рассказывает, – пожал плечами Акама.

– Наверное, не доверяет.

– Наверное, тому есть причина.

Порывшись в мешочке на поясе, Сломленный извлек на свет маленький неотесанный камень, испещренный неизвестными рунами. Протянул его на ладони Майев. Та ощутила в камне магическую силу; присмотрелась, но в руки брать даже не подумала. Впрочем, камушек не излучал флюидов Скверны или тайной магии.

– У меня есть близнец этого амулета, – сообщил Акама. – Когда мне будет что сказать, я свяжусь с тобой через него. Конечно, – добавил Сломленный, видя, что Майев по-прежнему не желает брать камень, – если боишься, то можно изыскать иной способ...

Майев не дослушала. Она схватила амулет и тут же, через перчатку, ощутила покалывание в руке. Ничего страшного, однако, не произошло.

– Как пожелаешь.

Акама отвесил легкий поклон.

– Теперь я понимаю, отчего Предатель тебя так боится: вы очень похожи.

Сказав это, Акама ушел. Оставшись одна, Майев всмотрелась в собственное отражение на поверхности озера: Майев в воде взирала на нее с яростью и досадой. Тогда эльфийка подобрала с земли голыш и бросила в воду. Темная зеркальная гладь пошла рябью, и образ разгневанной Майев пропал.

Глава четвертая

За четыре года до падения

Майев и ее Стражи медленно крались по горячим камням. Огромные валуны отбрасывали длинные тени под палящим солнцем полуострова Адского Пламени. Обратный путь из Загрантопи выдался долгим; ехали быстро, но все мозоли окупаться с лихвой, если удастся застигнуть Иллидана врасплох. Зачем Майев Акама, есть всего-то нужно ударить по Предателю, когда тот почти не ожидает нападения?

Аниндра вскинула руку и показала три пальца. Майев подползла к ней и, выглянув из-за гребня холма, убедилась в правоте своей помощницы: впереди их поджидало три орка Скверны – здоровенные и мускулистые краснокожие твари с горящими глазами. Как и все орки, они сильно горбились; напряженные мышцы выдавали едва сдерживаемую ярость. Двигались орки Скверны угрюмо, дергано; им явно не терпелось сразиться с кем-нибудь.

Что ж, Майев даст им бой. Ей нужно занять позицию с видом на дорогу к Цитадели Адского Пламени, когда по ней пойдет Иллидан.

Призвав на помощь силу, Майев совершила скачок и в мгновение ока преодолела расстояние до врага. Едва слышно хлопнул вытесненный воздух, и она оказалась за спиной у самого крупного орка. Один удар – и его голова отделилась от шеи. Майев прыгнула на второго орка и вонзила клинок ему в грудь. Перекатилась дальше. Третий орк попытался схватиться за топор, но Песнь Теней ударила его ногой под колено. Орк упал, и Майев поспешила перебить ему яремную вену.

Управилась она за считанные мгновения – Аниндра только успела натянуть лук. Затем Майев жестом подозвала своих воинов и оттащила трупы в тень под валуном, где их не заметили бы наездники на ветрокрылах.

Потянуло запахом крупной кошки: Сарий тоже присоединился к Майев в ее укрытии. На этот раз друид принял облик пантеры необычного окраса. По пустыне он шел вдоль изгибов бурой тропы, в полном молчании, никому не попадаясь на глаза, однако храня строжайшую бдительность. Зарывав в знак приветствия, друид направился к краю гребня. Майев бесшумно проследовала за ним на выступ скалы и взглянула на Цитадель Адского Пламени.

Как и все орочы крепости, построена она была грубо и безвкусно, но отличалась еще и необычно крупными размерами. Казалось, Цитадель, сложенная из неотесанного камня и костей животных величиной с гору, способна была вместить армию исполинов. Ее башни напоминали гигант-

ские пальцы, готовые вцепиться в небо, от стен веяло магией, и даже с такого расстояния Майев ощущала их злую ауру. Впрочем, не крепость привлекла ее внимание, а процессия, что двигалась по дороге к ней.

Плотная колонна из десятков тысяч орков Скверны протянулась на многие лиги; она перемежалась отрядами демонов, несущих стяг Иллидана. В авангарде ехали на птицеподобных скакунах эльфы крови, возглавляемые своим принцем. Кель'тас следил за исполинской колесницей, впряженной в двадцатку копытней. Чтобы животные не паниковали, на них надели наголовники с шорами.

Майев поняла, к чему такие предосторожности, когда взглянула на клетку в колеснице: в ней сидел властитель преисподней Магтеридон. Во много раз превосходящий ростом иного эльфа, он сотрясал прутья решетки из скверной стали руками размером с древесные стволы. Даже издали Майев ощущала исходящую от его ауру силы; она поражала, словно вонь от десяти тысяч горящих тел. Властитель преисподней был прикован к колеснице цепями, способными удержать на приколе огромный из боевых кораблей. Звенья их скрепили заклинаниями такой мощи, что ее хватило бы остановить дрейф континентов.

В колеснице ехал и Иллидан – расправив крылья и победно подбоченившись, не выказывая ни капли страха. В другое время он смотрелся бы на фоне властителя преисподней, как белка рядом со злоепрем, однако из-за ауры магической силы Предатель выглядел гигантом под стать Магтеридону.

Не только Майев следила за процессией: вдоль гребней скал собирались кланы орков и другие любопытные. Все они пришли засвидетельствовать, как прежнего владыку Запределья везут в Цитадель Адского Пламени – в цепях. В душе Майев полыхнула испепеляющая ненависть.

«Наслаждайся триумфом, Предатель, – подумала она. – Это твоя последняя победа».

Рядом упала на живот Аниндра. При виде победоносной процессии глаза у нее округлились, а пыльцы на тетиве ослабли. Сарий издал тихий, похожий на скулеж, рык. В небе, расправив покрытые коростой крылья и ловя теплые восходящие потоки воздуха, кружили падальщики.

Майев подумала: орки Скверны наверняка не ожидают нападения. Еще немного – солнце опустится за горизонт. Иллидан, скорее всего, намеревался прибыть в цитадель засветло, но самоуверенность сделала его небрежным: двигался он слишком медленно. Можно приказать Страхам рассредоточиться у клетки, прикрыть ее, Майев, а она нападет на Предателя. Один быстрый удар – и тот лишится головы. Ослепленный гордыней, Иллидан не заметит при-

ближения Стражей.

Майев позволила себе слабость: предвкушение момента, когда она покажет всем отрубленную голову Предателя и швырнет ее в толку орков. Ее и саму убьют на месте, но смерть стоит того, чтобы прервать проклятую жизнь Иллидана. Если старый враг первый обратится в небытие, Майев умрет спокойно. Она скривила губы в усмешке, мысленно хватая голову Предателя за шелковистые волосы и поднимая ее, глядя, как из разрубленной шеи сочится кровь.

Не так уж это и невозможно. Майев совершит скачок прямо к Иллидану; несобранная толпа орков и демонов даже понять ничего не успеет. Свое приближение глава Стражей скроет отвлекающими и маскирующими чарами. Там, внизу, не сыщется никого, кто сравнится бы с ней в этом искусстве: ни Кель'тас, ни Вайш, ни Иллидан такого не умеют.

Аниндра коснулась руки Майев, и та поспешила избавиться от посторонних мыслей.

– В чем дело?

– Страж Песнь Теней, я уже спрашивала тебя, что нужно Предателю от племенного властителя преисподней. Он, кажется, был охотником на демонов, так для чего ему живой враг?

Майев взяла себя в руки, и бушующее пламя ненависти медленно утихло. Эльфийка отодвинулась от края обрыва. А ведь чуть не скомандовала наступление. Заманчивая мысль о том, что погибнуть в сиянии славы, уничтожив врага, чуть не заставила ее совершить ошибку. Вдруг что-то пошло бы не так? Вдруг Предатель сумел бы бежать, оставив Майев и ее малочисленный отряд своим легионам?

«Нет, все прошло бы, как надо», – сказала себе Майев и глянула на руку: ни тени дрожи. Затем она сосредоточилась на вопросе помощницы, а он, надо было сказать, не был лишен смысла. На что понадобился Иллидану живой властитель преисподней? Могущественное создание вроде Магтеридона не заставишь служить, как малого демона. Даже Иллидан не настолько безумен, что тешить себя ложной надеждой и пытаться его сковать.

– Зачем Предателю это создание? – переспросила Аниндра, как будто Майев не расслышала ее в первый раз. Видно, помощница очень хотела получить ответ или же просто думала отвлечь Майев от цели.

– Для жертвоприношения или угрозы, – пробормотала Майев. – Кто знает, что творится в голове у этого безумца?

– Зачем же приносить в жертву Магтеридона? Что ему с этого?

– Откуда мне знать? – покачав головой, сердито проговорила Майев.

Аниндра спокойно выдержала ее взгляд.

– Ты всегда повторяла: охотник должен понять добычу.

Сарий снова зарычал: похоже, и ему хотелось знать ответ на этот вопрос. Майев подальше отодвинулась от края обрыва. Сердце ее колотилось с бешеной скоростью, дыхание сделалось прерывистым. Майев ещё раз, украдкой, глянула на Иллидана: он стоял в колеснице, такой уверенный в собственной неуязвимости. Вот бы стереть эту улыбку с его губ, втоптать его лицо в грязь.

Сарий коснулся когтем ее правой руки. Майев сразу поняла, что хочет сказать друид: Иллидан смотрел в их сторону. Туда же обратились взоры его армии. Ну нет, с такого расстояния он не сумел бы разглядеть Майев и ее спутников. Никак не сумел бы.

Майев поспешила прочь от края, Аниндра и Сарий не отставали. Во рту пересохло, и эльфийка напряглась всем телом в ожидании, что вот-вот раздастся разъяренный вопль, с которым орки Скверны кинутся в погоню.

Майев лежала на спине, глядя в небо. Никто не заревел, не подал сигнала тревоги. Возможно, Иллидан и видел Майев, но решил, что угрозы она не представляет. Какое оскорбление!

Скатившись вниз по склону, туда, где ее точно не заметили бы, Песнь Теней вскочила на ноги.

За ней медленно последовали ее угрюмые воины. Они нарушили дисциплину, забыли о тактике. Полагалось выставить часового и следить, чтобы на них не напали, как сами они недавно напали на троих орков Скверны. Только Майев раскрыла рот, готовясь отчитать эльфов, как заметила на себе их взгляды.

Аниндра сжимала и разжимала пальцы на рукояти клинка – она всегда так поступала, желая скрыть сильное волнение. Сарий снова принял свое истинное обличие. Его резко очерченное обличие оставалось спокойным, тогда как плотно сжатые губы напоминали тонкий шрам; прищурившись, друид пристально смотрел на главу Стражей. Идеально гладкий лоб его избороздили морщины.

Майев присмотрелась к эльфам: некоторые побледнели, покрылись испариной – и отнюдь не только из-за жары. Прочие озирались по сторонам, словно мыши в ожидании, что с залитого лунным светом неба на них вот-вот обрушится сова.

Ночные эльфы боялись.

Майев с трудом верила глазам. Они ведь Стражи, их выбрали за смелость и стойкость. И прежде они безропотно проходили с ней через опасности, бесконечное число

раз, но вот отряд, похоже, был готов сдаться и бежать.

Бойцы стояли перед ней полукругом.

– Нам не победить, – сказал один.

Майев изо всех сил боролась с гневом. Хотелось кричать на Стражей, бранить их за трусость и неверие, однако ее могли услышать враги – бесчисленная армия, марширующая по дороге вниз.

Майев нехотя позволила себе признать, возможно, ее эльфы правы. Закрыв глаза, она вознесла молитву Элуне, а когда снова осмотрела отряд, то не увидела Стражей, гордых и дисциплинированных солдат, которые покидали с ней пещеры под Хиджалом. Вместо них перед Майев стояла толпа грязных ночных эльфов, потерявших в чужом жестоким мире, вдали от дома, где им противостоят могущественные армии. Иллидан сокрушил самого сильного демона в Запределье и поставил его легионы себе на службу. Так, может, воины Майев правы, и им не одолеть Предателя?

Стражи смотрели на нее с терпением. Даже сейчас они ждали приказа. Нельзя было их подвести.

Майев глубоко вздохнула:

– Да, нам его не победить.

Некоторым ее слова явно пришлись по душе, других поразили. Последние не могли поверить, что Майев Песнь Теней произнесла такое, и она их прекрасно понимала, поэтому продолжила севшим голосом:

– Нам его пока не победить, но это не значит, что Предатель может нас больше не опасаться.

Двое эльфов закивали, словно Майев озвучила их собственные мысли.

– Он не сбежит от нас, преступления не сойдут ему с рук. Мы – карающая длань калдорай и принесем гибель Предателю. Один раз мы его поймали, и он бежал, освобожденный коварными союзниками. Во второй раз этому не бывать. На нашей стороне правда, на нашей стороне правосудие. Духи мертвых призывают к отмщению. Требуют, чтобы Предатель заплатил за свои злодеяния.

Мы слишком далеко зашли, слишком многим пожертвовали и не можем упустить свой шанс. Если мы хотим вернуться в Дарнас с высоко поднятой головой, то должны либо привести с собой Предателя, либо привести его тело. Иначе мы предадим доверие собственного народа. Вы сами видите, что здесь творится: Иллидан собирает силы. Мы обязаны исполнить долг перед Азеротом.

Одна эльфийка судорожно сглотнула и утерла слезы. Майев сжала кулаки. Она тщательно, будто исполняя танец, следила за своими движениями.

– У всего есть конец, и вот конец приходит Иллидану. Вы знали это, когда отправились за мной, и я клянусь не

обмануть вашей веры. Не позволю Предателю уйти от ответа. – Она выдержала многозначительную паузу. – И я пойду до конца. Даже в одиночку.

Помолчав еще немного, чтобы смысл ее слов дошел до всех, она продолжила:

– Вы поклялись следовать за мной, и каждый знает цену своему слову. Так спросите же себя: готовы ли вы хранить верность клятве или уподобитесь ему? Истинные ли вы сыновья и дочери Элуну, или такие же бесчестные предатели, как Иллидан? Ответ лежит в глубине ваших душ – загляните туда, познайте себя. Когда наступит момент истины, никто подле меня не должен сомневаться. Лишь вы можете решить, кто встанет рядом со мной, когда я совершу правый суд на Иллиданом Предателем.

Кое-кто из эльфов отвернулся, не в силах встречаться с ней взглядом, однако большинство, как не без гордости отметила Майев, смотрели на нее. И на лицах у них она прочла возродившуюся решимость. Их вера питала ее собственную; сомнения ушли.

– Я с тобой – сказала Аниндра, опускаясь на колени и протягивая к Майев клинок.

– И я, – сказал Сарий, повторяя жест Аниндры. Один за другим Стражи проделывали то же самое, заново принося клятву верности своему командиру, даже те, кто поначалу сомневался, – просто следуя примеру друзей и товарищей, не желая остаться без поддержки в чужом мире. Майев удовлетворительно кивнула. Сегодня она одержала одну маленькую победу.

– Что дальше, страж Песнь Теней? – спросила Аниндра.

– Нам нужны союзники, – ответила Майев. – В этом мире без них не обойтись. Нужен кто – то смелее Акамы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

За четыре года до падения

Иллидан вошел в просторную камеру Магтеридона. Охотник на демонов кипел от гнева и негодования: поражение от рук Артаса сильно уязвило его гордость. Тут и там в Запределье видели Майев, однако поймать ее не могли — она ускользала, точно призрак. Страж гоняется за ним и не успокоится, пока не наденет на него оковы. Чары, сдерживающие властителя преисподней, напомнили Иллидану о собственном заточении и о его тюремщиках. Разозленный, он сделал восемь шагов и замер на девятом.

— Так ты не смог исполнить волю великого Кил'джедена, маленький Иллидан, — прогудел Магтеридон. Его голос, многократно усиленный, гулко отозвался в огромном колодце посреди зала, эхом отразился от стен. — Неудивительно, что ты не сумел уничтожить Короля-лича. Ты обречен на неудачи.

Даже закованный в цепи и заточенный в глубоком подземелье под Цитаделью Адского Пламени, властитель преисподней сохранил силу: колдовские пути едва сдерживали демона, а его воля искажала магию кубов Мантикрона. Иллидан пробормотал заклинание, и магические генераторы вспыхнули, подавая в цепи еще больше энергии Скверны. Магтеридон закричал. Послышалась вонь паленой демонической плоти.

— Ну, и каково это, потерпеть сокрушительное поражение от неудачника? — спросил Иллидан. Властитель преисподней хлестнул по воздуху хвостом, но, задев магические токи, снова закричал от боли.

Думаешь, победил меня? — прохрипел он. В стенах камеры его дыхание напоминало приглушенные раскаты грома.

— Смотрю, тебе недостает ума, чтобы понять: ты — пленник. — Или, по-твоему, оказаться в плену значит победить?

Иллидан пустил еще энергии через цепи, и вопли боли Магтеридона едва не оглушили его. Властитель преисподней рухнул, точно бык под ударом мясницкого ножа. Впрочем, ему потребовалась совсем небольшая передышка — он тут же поднялся на колени.

— Не один я потерпел поражение, — язвительно заметил Магтеридон. — Интересно, что скажет владыка Кил'джеден, когда узнает о твоём недавнем промахе? Ты упустил последний шанс.

— Откуда тебе известно о моей неудаче? — с любопытством спросил Иллидан. После возвращения из Азерота он несколько недель залечивал раны и восстанавливал силы, готовясь к этому моменту. Может, кому-то из над-

смотрщиков хватило глупости заговорить с властителем преисподней? Если так, эта ошибка станет для них последней.

– Брось, маленький Иллидан, чтобы понять такое, большого ума, как у тебя, не требуется. Твое тело уродует шрам. И так ясно, чем ты занимался в отъезде. От тебя смердит ходячим трупом. Ты был сражен великим клинком Ледяная Скорбь. В схватке с Артасом, я прав? Он победил тебя.

Чистая правда: Иллидан отправился в Азерот, где сражался с предателем, рыцарем смерти, и проиграл. Поражение лишило его последней возможности уничтожить Короля-лича и задобрить Кил'джедена, хотя, в конечном итоге, значения это не имело – рано или поздно наступит перелом.

– Да-да, маленький Иллидан. Я чую запах паучьих тенет и ходячих мертвецов, а еще едва уловимый дух неизвестной хвори. Ты до сих пор пытаешься закрыть ворота для Легиона в Запределье. Даже магические путы не мешают чувствовать, каким чародейством ты занят. Так тебе не скрыться от великого Кил'джедена и его гнева. Не сумеешь ты и уберечь Азерот. Год или два отсрочки, может, и получишь, но в конце концов хозяин уничтожит твой родной мир.

Иллидан, не думая, усилил приток Скверны, но, несмотря на боль, Магтеридон не упал. Владыка-демон презрительно и с вызовом скривился. Иллидан пытал его аккуратно, стараясь не убить, потому что отводил властителю преисподней место в своих планах. Он присмотрелся к ауре Магтеридона: владыка-демон практически ослаб. Практически. Нужно еще немного лишить его сил и подточить волю.

– Досадно, наверное, не стать этому свидетелем, властитель преисподней?

– Да, маленький Иллидан, – рассмеялся Магтеридон, – досадно. Мне было бы радостно видеть, как гибнет твой жалкий мирок, как горят ваши ненаглядные леса. Я упиивался бы криками миллионов жертв. Мне хотелось бы участвовать в покорении твоего мира, но будут и другие: до полного триумфа Легиона осталось еще несколько вторжений. Жаль, маленький Иллидан, что ты сам отказался от участия в столь славном деле. Какая-то часть тебя знает в нем толк. Нам обоим это известно. Великий Кил'джеден не пощадит тебя и покарает, жалости он не ведает. Не жди милосердия, Предатель, больше ты уже не сможешь переменить.

Иллидан снова пустил ток Скверны по цепям, и Магтеридон закричал в агонии. Казалось, от его воплей вот-

вот обрушатся каменные своды. Иллидан не убавлял потока энергии до тех пор, пока Магтеридон не ослаб достаточно. Только тогда Предатель остановился, решив, что время пришло.

— Акама, — позвал он, — подойди.

Отворилась дверь, и в камеру, хромая и ссутулившись, вошел Сломленный. Из-под капюшона его мантии свисали щупальца. Не сводя глаз с властителя преисподней, вождь пеплоустов взобрался на помост и встал рядом с Иллиданом. На Магтеридона Акама взирал со страхом и злобой: он боялся властителя преисподней и одновременно ненавидел за осквернение храма Карабор.

— Скажи, Сломленный, — задыхаясь, обратился к нему демон, — Предатель уже вернул тебе твой драгоценный храм?

— Чем я могу служить, владыка? — спросил Акама, обернувшись к Иллидану, но продолжая краем глаза следить за Магтеридоном.

— Скажи, Акама: что ты видишь? — спросил Иллидан.

— Пленного Магтеридона в путах, скрепленных мощными заклятиями. Ты празднуешь победу над врагом.

— Тебе не хочется знать, зачем я сохранил ему жизнь? — улыбнулся Иллидан.

— Хочется, владыка.

Комната огласилась клокочущим хохотом Магтеридона: в нем слышались боль и одновременно злая насмешка.

— Он хочет моей крови, Сломленный, но не так, как ее хочешь ты.

Акама нахмурился. От Иллидана не укрылось выражение у него на лице, пусть оно и было скрыто капюшоном.

— О чем толкует это чудовище, владыка?

— По сути, Магтеридон говорит правду. Его крови можно найти много применений, но еще она нужна для создания орков Скверны. После перегонки из нее получается эликсир, придающий оркам силу и ярость.

— Зачем тебе это, владыка?

— Я нуждаюсь в армии, мой верный Акама. За нами идет Пылающий Легион, и демонов надо остановить. — Иллидан ударил кулаком в раскрытую ладонь. — Они должны быть разбиты, любой ценой.

— Но создавать еще больше этих отвратительных существ... омерзительно, владыка Иллидан. Прости мою откровенность, однако это так.

— Ты оскорбил чувства своего питомца, маленький Иллидан, — прогремел Магтеридон. — Не первый раз, должен заметить. Он у тебя ранимый. А еще подлый. Его сердце для меня открыто, тогда как ты предпочитаешь не заглядывать в него.

Иллидан снова прочел заклинание силы, и Магтеридон стиснул челюсти: слова вырывались из его пасти бессвязным потоком, вперемешку со стонами. В Акаме Иллидан сомневался, как и в любом из своих последователей, но предпочитал, чтобы они об этом не знали. Нечего Магтеридону подтачивать верность пеплоуста.

– Нам нужна могущественная армия, Акама, и нужна быстро, иначе нас сметут полчища Легиона. Итак, следуй моим указаниям, и следуй им в точности.

Сложив ладони и метя по полу щупальцами, Акама поклонился. Иллидан же расправил крылья и развел руки – в каждой он сжимал по клинку Аззинота. Предатель пропел заклинание, подчиняя своей воле магические силы. Магтеридон же тщетно попытался порвать магические оковы. Теперь, когда ему собрались пустить кровь, он утратил былой задор.

Иллидан подошел к клетке, подпрыгнул и, взмахнув крыльями, завис на некоторое время в воздухе. Закружился в ритуальном танце, обходя клетку и приближаясь к Магтеридону, вращая клинками. Он непрерывно нараспев произносил страшные слова на древнем языке демонов. Клинки оставляли в воздухе огненные следы, сплетавшиеся в замысловатые узоры силы.

Несколько ударов – и из широких порезов на теле демона потекла зеленая кровь. Она ручейками сбегала по столпообразным ногам и скапливалась в лужи на полу клетки. Двигаясь по кругу, Иллидан продолжал сечь; его клинки погружались в плотную кожу властителя преисподней неглубоко, вырывая кусочки плоти, но не причиняя сильного урона. Тем не менее, крови текло все больше. Несколько капель попало на лицо Иллидану, и он слизнул их. Язык зашипало.

Кровь демона была как наркотик: Иллидан ощутил прилив силы. Он с трудом подавил желание упасть на колени и выпить все, что натекло из ран Магтеридона. Обретенное могущество не стоило цены, которую за него пришлось бы отдать.

Некая часть Иллидана, однако, спрашивала: какая разница? Нет ничего слаще, чем пить кровь врагов-демонов, впитывать их силу. Она нужна Иллидану, чтобы убивать их дальше, до тех пор, пока он не доберется до самого Кил'джедена.

Мельком заметив ужас на лице Акамы, Иллидан вспомнил, что ритуал он затеял не ради развлечения. Кровь нужна для другой цели: пора создать армию, наделить кланы орков желанной мощью и спустить их на общих врагов.

– Акама, пора! – прокричал Предатель. – Зачаруй

кровь, направь ее в каналы.

Акама послушно произнес заклинание, и кровь неохотно откликнулась. Ее демоническая суть сопротивлялась магии пеплоуста, но все же, вихрясь и разделяясь, потоки плазмы стекали в выдолбленные в полу канавки. Магия Акамы постепенно крепла, одерживая верх. Струйки крови, создавая в воздухе закрученные узоры, стекли во впускные отверстия и, пульсируя, побежали по системе трубок в алхимические резервуары. Иллидан улыбнулся. Первый необходимый элемент он получил. Заклинание еще несколько часов будет поддерживать само себя, а ему пора приниматься за работу.

Иллидан шел по длинной галерее, в которой лежали на койках орки. К вене каждого из них тянулись трубки от чана с кипящей зеленоватой жидкостью; вырезанные в плоти руны направляли воздействие Скверны. От койки к койке, следя за процессом, сновали сутулые служители мо'арги: щелкали по трубкам металлические когти, светились нечестивым ликованием глаза. Акама наблюдал за происходящим с нескрываемым отвращением.

– Это омерзительно, владыка Иллидан.

– Может, и так, но нам это необходимо.

– Ты уверен, владыка?

– А ты уверен, что хочешь знать цену сомнений в моих действиях?

Иллидан все еще пребывал под воздействием крови Магтеридона: разум его туманился подспудным гневом, и в том заключалась одна из опасностей задуманного.

– Я не хотел оскорбить тебя, владыка.

Один из орков заскрипел зубами и сжал кулаки, ворочаясь на койке, в плену кошмара. Он, несомненно, тоже ощутил на себе силу Магтеридоновой крови, а ведь он получал ее в дистиллированном виде, магически усиленную. Орк весь пошел ярко-красными пятнами, кожа его уплотнилась и загрубела, под ней бугрились раздувшиеся мускулы, а ногти превратились в когти. Даже сквозь сомкнутые веки пробивалось слабое свечение.

– Чем дальше, тем они крупнее, – заметил Акама.

– Они меняются под воздействием сыворотки: становятся быстрее и сильнее. Их раны будут заживать лучше.

– Но какой ценой, владыка?

– Их наполнят злоба и ярость, жажда сражаться и убивать, гнев и ненависть.

– Нельзя ли смягчить эти побочные эффекты, сохранив необходимые перемены?

– Нам нужно все. Ты же видел Пылающий Легион в деле, ощутил его гнев. Если хотим выстоять, то должны быть

столь же свирепы и беспощадны.

– Думаешь, мы сможем победить Легион, владыка?

– Думаю, мы сможем сдержать его.

– Выходит, ты ищешь спасения лишь для родного Азерота, а этот мир превратишь в поле брани?

– Твой мир уже стал полем брани, Акама. И – нет, я ишу спасения не для одного только Азерота. Я желаю защитить всех нас.

– И как же, владыка? Превратив нас в то, с чем мы сражаемся? – Акама указал на ближайшего орка: лоб его стал ниже, клыки крупнее. Внезапно он очнулся и, порвав смиренные ремни, схватил Иллидана за руку. Когти глубоко впились в плоть Предателя, но тот легко высвободился и одним ударом перебил орку кадык. Затем рывком свернул ему шею и с улыбкой взглянул на Акаму. Убийство доставило Иллидану наслаждение, а значит, кровь Скверны все еще действовала на него.

– В этом экземпляре было многовато ярости.

– А я думал, что в битве с нашим врагом ярости много не бывает.

– Ты нравишься мне, Акама! – рассмеялся Иллидан. – Только не испытывай моего терпения. Я не в слова играть намерен, а победить в войне.

– Мы все этого хотим, владыка. Надеюсь, война у нас всех одна.

Со стен Цитадели Акама следил за тем, как из ворот крепости выходит новая армия орков Скверны. Прошла неделя с тех пор, как Предатель взялся за ее создание, и вот цитадель, ругаясь, воя и пыхтя, покидали одновременно десятки тысяч преобращенных бойцов. При виде Иллидана они неуклюже салютовали ему оружием, и тот лениво махал в ответ рукой. Предатель был доволен: его армия росла, и он более не нуждался в поддержке Кель'таса и Вайш. Теперь у него имелось войско под стать его чародейской мощи. Иллидан взаправду сделался властителем Запределья.

– Они помогут мне установить контроль над полуостровом Адского Пламени, – сказал Предатель. – Затем мы закроем портал Легиона и, пополнив ряды, замедлим продвижение демонов.

– Искренне на это надеюсь, владыка, – ответил Акама. Он окончательно убедился, что заключил союз с демоном. Превратить всех орков в армию Скверны – безумный план. Иллидан просто-напросто превращался в нового Магтеридона, грозя стать еще худшим деспотом. – А после этого ты вернешь храм Карабор моему племени?

– Разумеется, Акама. Даже не сомневайся.

От сомнений, впрочем, Акама не избавился. Он нащупал в сумочке на поясе рунный камень и подумал о ночной эльфийке, что носила при себе камень-близнец.

— Готовься к отъезду, — велел Иллидан. — Завтра мы возвращаемся в Черный Храм.

Иллидан вошел в комнату, где собирался его совет. Следом за Предателем хромал Акама. По залу сновали Сломленные, завершая приготовления: стену украшали огромные гобелены с гербом Иллидана, а в центре стоял деревянный стол с резной столешницей в виде объемной карты Запределья. Собравшиеся вокруг стола эльфы крови поспешили поклониться Иллидану: его визит явно застал их врасплох.

Прекрасная леди Маланда приветствовала Предателя апатичным жестом руки.

— Владыка Иллидан, принц Кель'тас сожалеет, что не может присутствовать на совете. Он повел войско к Пустоверти закрывать портал Легиона и...

Верховный пустомант Зеревор перебил ее:

— Магическая защита Храма сплетена заново, владыка Иллидан. Она пребывала в плачевном состоянии, но...

Тут же поспешил вклиниться Гатиос Изувер, невероятно крупный для эльфа крови и закованный в тяжелую броню паладина:

— В Долине Призрачной Луны противник не замечен, владыка Иллидан. Врата наглухо запечатаны.

Верас Глубокий Мрак прислонился к столу и скрестил на груди покрытые шрамами руки. Он единственный среди соратников не спешил бороться за внимание Иллидана. Предатель покачал головой: этим эльфам крови как будто заняться больше нечем — плетут интриги друг против друга, лишь бы добиться его благосклонности. Правильно Кель'тас оставил их в храме; хотя, надо признать, с прямыми обязанностями они справляются отлично. Во всем Запределье лучше воинов син'дорай было не сыскать. Дабы потешить собственное самолюбие, они даже назвались Советом Иллидари.

Иллидан вскинул руку, призывая всех к молчанию.

— У нас война с Пылающим Легионом, — обратился он к Гатиосу. — Надо ли напоминать, что владыка-демон Кил'джеден мною недоволен? Степень же его недовольства мы все скоро познаем.

Тишина накрыла зал совета, точно саван. Было слышно только, как сипит Акама. Эльфы боялись. «И хорошо, — подумалось Иллидану. — Страх помогает выжить».

— Защита храма точно в полной готовности? — спросил Предатель у Зеревора. — Возможно, скоро ее придется ис-

пытывать в бою.

Верховный пустомант глубоко вдохнул и, подумав, ответил:

– Да, владыка Иллидан, она готова. Ручаюсь жизнью.

– Хорошо, – сказал Иллидан, – потому что жизнь твоя и правда на кону в этой игре. На кону все наши жизни.

Далее он обратился к Маланде:

– Отправь сообщение принцу Кель'тасу, извести о нашем положении. Пусть не рискует попусту: после меня он первый, на кого Кил'джеден обрушит удар.

– Будет исполнено, владыка Иллидан. Оповещу принца немедленно.

– Верас... ты все сделал, как я просил?

– Разумеется, владыка Иллидан. Лучшие следопыты осмотрели подступы к Цитадели Адского Пламени и опросили вождей орочьих кланов. В день твоего триумфального прибытия в крепость на скалах возле нее заметили отряд ночных эльфов верхом на саблезубах. Они убили группу орков Скверны и скрылись. Один из эльфов носил вороненую броню, какая была у Стража Песнь Теней.

Иллидан оскалился, обнажив клыки, и все присутствующие вздрогнули. Выходит, он был прав: в тот день он заметил Майев. Надо было немедленно зачистить холмы, но все силы ушли на то, чтобы сдержать Магтеридона. К тому же тогда Иллидан не был полностью уверен, Майев ли он видел. А еще он хотел впечатлить своей мощью кланы орков: не дело было прерывать триумфальное шествие ради кучки ночных эльфов. И все же Майев подобралась очень близко... Проклятье!

– Найди мне Майев Песнь Теней, Верас. Пусть твои посланники проверяют каждый слух о ней, пусть смотрят везде, где ее только видели. Мне не терпится отплатить ей за гостеприимство.

– Будет исполнено, владыка Иллидан, – и Верас покинул зал.

– А ты, Гатиос, убедись, что наши часовые бдят, и армия готова ответить на любую угрозу.

– Будет исполнено, владыка Иллидан. – Гатиос немного помолчал и добавил: – Я взял на себя смелость проверить защиту Черного Храма на предмет слабых мест. Особенно мне не понравилась канализация – через нее легко напасть на храм. В твое отсутствие я посоветовался с леди Вайш, и она отправила одного из своих лучших воинов, Верховного полководца Надж'ентуса, с группой отборных наг охранять стоки.

– Обязанность неприятная, но важная, – заметил Иллидан.

– Так ты одобряешь, владыка?

- Конечно. Ты все сделал верно, и, надеюсь, этого окажется достаточно.

Акама, Гатиос, Маланда и Зеревор покинули зал совета, оставив склонившегося над картой Запределья Иллидана. Скоро в этом мире разгорится война, и лучше быть во всеоружии. Сделать предстояло многое, а времени осталось мало. Пора было переходить к следующему этапу плана. Иллидан намеревался собрать подобных себе: тех, кто желает истребить Легион, став тем, кого ненавидит больше всего.

Глава шестая

За пять месяцев до падения

Вандель шел по темной Долине Призрачной Луны. За спиной у него грохотал вулкан Рука Гул'дана. Земля дрожала испуганным зверем, когда на нее обрушивались огромные зеленые метеоры, чьи пламенеющие хвосты рассекали небо. Вдалеке высилась громада Черного Храма.

Вандель коснулся эфесов кинжалов и протер усталые глаза, в которые набились грязь и пепел. Он проделал долгий путь, чтобы достичь нового прибежища Иллидана. Проделал долгий путь в поисках отмщения.

Перед мысленным взором возник образ погибшего сына: когда на Хариэля напала гончая Скверны, от него мало что осталось. Вандель коснулся висевшего на шее кулона в виде серебряного листа — когда-то он подарил его сыну, на третий и последний день рождения.

Прошло пять лет, но боль потери до сих пор жгла его раскаленным железом. Вандель заскрежетал зубами, упиваясь ненавистью. Лучше бы он в тот день остался в деревне и погиб вместе с домочадцами и односельчанами. Увы, когда протрубили тревогу, он охотился. Едва слышав сигнал, Вандель устремился домой — перепрыгивая через стволы поваленных деревьев и чуя удушливый запах гари...

Вандель поспешил вынырнуть из воспоминаний. В их омуте так легко затеряться, утратив разум. В минуты ясности он прекрасно осознавал это: ни один эльф в здравом уме не стал бы столько лет отслеживать Предателя, вынюхивая секреты его последователей. Ни один эльф в здравом уме не шагнул бы в портал, ведущий на эту проклятую землю.

Вандель подбирался к стенам храма, прячась в тенях. Он видел часовых за парапетами, ощущал магию охранных заклятий. Черный Храм превратили в готовую к осаде крепость, а Вандель не хотел попасться, не выполнив миссии.

Внешняя стена была сложена из массивных каменных блоков, местами поросших мхом. Непогода и метеоритные дожди оставили на них свои отметины: щербин и трещины, которыми легко воспользуется тот, кто научился лазить по стволам и ветвям великих деревьев Ясеневого леса. Вандель подпрыгнул как можно выше и, уцепившись за ближайшую трещину, подтянулся.

Ныли, грозя разойтись, суставы, гудели натянутые

мышцы и сухожилия. Внизу проходил патруль орков Скверны; Вандель вознес бы молитву Элуне, хоть и сомневался, что благодать богини достигнет этого страшного мира. Поэтому он очистил разум и продолжил подъем, надеясь только, что его не заметят часовые.

Хотя куда им — вся долина гудела: за рокотом вулкана и воем ветра никто не услышит, как один эльф карабкается по стене. И все же Вандель задержался ненадолго, напрягая острый слух. Патруль внизу шел дальше.

Вандель глянул вниз, на расплескавшиеся по земле лужи тени. Стоит прыгнуть, и все будет кончено — он свернет себе шею. Присоединится к семье, прервет страдания. Но нет, об отдыхе не может быть и речи, пока сын не отмщен. Ненависть Ванделя была куда сильнее желания обрести вечный покой.

Он подтянулся и перелез через парапет, поспешив укрыться в тени. Отдышался. Не заметив поблизости часовых, позволил себе краткий миг радости: он преуспел там, где потерпела бы поражение армия. Проник в нечестивую цитадель, Черный Храм.

В этот момент на фоне луны пронеслась крылатая тень. Похоже, сегодня разом сбудутся все мечты Ванделя: сам Предатель поднялся в небо и парил на ночном ветру. Видно, и ему не спится. Его разум наверняка терзает множество забот, а может, уснуть ему не позволяет тяжесть грехов.

Давно ли Вандель спал без кошмаров? Рука сама потянулась к кулону. «Скоро, — мысленно пообещал эльф. — Скоро, сынок. Недолго осталось».

Иллидан тем временем опустился на площадку самой высокой из башен. Прошел девять шагов, развернулся и покачал головой. Уперся руками в перила балюстрады и оглядел окрестности до самого горизонта. Интересно, видит ли он Ванделя? Поговаривают, будто взгляд его слепых глаз способен видеть то, что недоступно зрячим. И если он знает, что Вандель проник в крепость, то как поступит?

Залезть на башню к Иллидану будет нетрудно: редкие часовые, похоже, утратили бдительность. Оно и понятно — их защищают крепкие стены и чары, к тому же они ждут армии, а никак не одинокого лазутчика — убитого горем и опьяненного жадой мести ночного эльфа.

Вандель двинулся к башне, медленно и осторожно: рядом мог притаиться часовой, которого он просто не заметил. Долгие годы охоты на врагов научили его скрыт-

ности, какая не снилась многим смертным, однако в тени умел прятаться не один Вандель. Может, прямо сейчас где-нибудь поблизости часовой готовится вонзить кинжал ему в спину.

Охотник снова усомнился, в здоровом ли он уме. Однажды, когда он увидел, как труп сына терзает гончая Скверны, его рассудок уже пошатнулся. Вандель как будто заново ощутил запах дыма и крови калдорай; услышал хруст детских косточек. Эльф невольно застонал и тут же одернул себя, беззвучно выругавшись. Не хватало еще погибнуть по глупости. Больше он не совершит ошибок, а целиком и полностью сосредоточится на цели.

Достигнув подножия башни, на которой стоял Иллидан, и положившись на удачу, скорость и скрытность, Вандель помчался вверх по спиральному подъему.

И вот он уже на вершине. За спиной у того, за кем так долго шел.

Иллидан стоял, завернувшись в крылья, словно прятался от ночного холода. Наблюдая за вулканом вдалеке, Предатель низко опустил рогатую голову. Что он там высматривал? Что видел своими незрячими глазами?

Наконец он обернулся, так, будто ждал Ванделя.

Достав кинжалы, Вандель осмотрел вытравленные на клинках руны и приблизился к Иллидану. Потом опустился на колени и сложил оружие у его ног.

– Прости за вторжение, владыка Иллидан. Я не хотел попасться твоим часовым, не поговорив с тобой.

– Чего тебе, ночной ловец? – спросил Иллидан.

– Хочу убивать тех, кто стубил мою семью. Хочу пролить кровь твоих врагов.

– Таких у меня с избытком.

– Хочу познать то, что познал ты, – продолжил Вандель, – и охотиться на демонов.

– Познать тебе предстоит многое, а час уже поздний.

– Ты обучишь меня?

– И тебя, и тысячи подобных тебе. Спускайся, отдохни. Ты обрешь то, что искал, или сгинешь.

Сказав это, Иллидан отвернулся, а значит, Вандель мог идти.

Растерянный, он спустился обратно к основанию башни, где его дожидались двое татуированных эльфов. Они, похоже, знали о приходе чужака, потому как нисколько не удивились его появлению. Оружия, впрочем, не обнажили.

Это были преображенные калдорай. Высокая эльфийка,

чье лицо уродовали шрамы и демонические черты: в пустых глазницах мерцало зеленоватое пламя, на лбу торчали рожки. Скудное одеяние не скрывало светящихся татуировок по всему телу. Заключенная в них магия притягивала взгляд; Вандель невольно засмотрелся, пытаясь прочесть узор, точно сложную головоломку.

Эльфийка холодно оскалила небольшие клыки. Вандель тоже ответил улыбкой. Это было нечто вроде мысленного поединка — его проверяли.

Второй эльф вовсе не обратил на Ванделя внимания, что было неудивительно: веки ему зашили. И губы тоже. Он стоял, ссутулившись, голый по пояс, и его тело покрывало еще больше татуировок. На широком кожаном ремне поблескивал целый набор длинных игл, в ушко которых были продеты кожаные нити, а кончики пятнала запекшаяся кровь. Судя по отметинам на теле эльфа, кровь принадлежала ему же.

— Ты беседовал с владыкой Иллиданом, — с оттенком зависти сказала эльфийка. Голос ее звучал хрипло, как будто однажды она кричала так долго и громко, что навсегда сорвала его.

— Да, — ответил Вандель, не обращая внимания на ее коварную ухмылку. Запугать себя он не позволит.

— Выходит, ты особенный.

— Правда?

— Владыка принимает не каждого кандидата. Похоже, тебя он еще помнит и отвел тебе особенную роль.

Эльф поднял когтистый палец к губам, призывая сородичницу к молчанию. Наверное, она сболтнула лишнее. Жест этот не был угрожающим, но и ничего хорошего не сулил. Эльф оцарапал себе подбородок и обсосал зашитыми губами кончик когтя.

— Я бы не тешил себя мыслью, будто знаю наперед планы владыки Иллидана, — сказал Вандель.

— А ты мудрее, чем я думала.

— У тебя есть имя?

— Эларизиэль. А вот он — Игла. Если у него и было когда-то настоящее имя, его уже забыли. Даже он сам.

Вандель поклонился, и Эларизиэль злобно расхохоталась. Игла же закивал без тени насмешки, и Вандель присмотрелся к нему. Слепой видел без глаз не хуже владыки Иллидана.

— Да что тут происходит?

— Владыка Иллидан велел проводить тебя вниз.

Вандель подобрался.

– Когда он вам это приказал?

– Сам скоро узнаешь – если выживешь. Игла снял с пояса один из инструментов и, вогнав его себе в предплечье, поковырял там немного. Когда из ранки выступила капелька крови, он с наслаждением отправил иглу в рот.

– А Вандель еще сомневался в здоровье своего рассудка!

Проводив Ванделя лабиринтом коридоров, странные эльфы вывели его через лаз в стене храма во двор обвалившейся пристройки.

– Некогда это было частью храма Карабор, – сообщила Эларизиэль. – Орки и демоны не слишком заботились о сохранности построек. Теперь мы обитаем в этих развалинах под бдительным присмотром Варедиса и его помощников.

– Варедиса? – переспросил Вандель.

– Он главный наставник, – ответила Эларизиэль. Судя по тону ее голоса, объяснять что-то еще преображенная не собиралась.

Пока Вандель следовал за провожатыми через террасы, в небе, оставляя похожий на зеленые рубцы след, пронеслись метеоры. Трое шли между шелковисто поблескивающими палатками, из которых доносился безумный смех. Миновав лагерь, эльфы подошли к зияющему в разрушенной стене входу в тоннель. По холодному лестничному колодцу спустились в просторный зал.

Вандель как будто очутился в приюте для умалишенных или полевом госпитале: тут и там лежали эльфы. Зеленоватый свет от светильников Скверны придавал им болезненный вид. Некоторые эльфы отпустили бороды и зеленые волосы по моде калдорай, прочие были гладко выбриты, как син'дорай. Кто-то переговаривался в полголоса. Кто-то сидел, ссутулившись, в тени между светильниками, словно пытаясь спрятаться. Большинство крепко спали, бормоча во сне. Внезапно раздался безумный крик, и, вскочив на ноги, по залу побежала эльфийка.

– Черви! – орала она. – Черви! Черви!

От этих воплей проснулись многие, однако никто не суетился. Один только высокий эльф крови поднялся с заношенного плаща, завернувшись в который спал, и помчался следом за эльфийкой. Оба они скрылись из виду.

– Как видишь, ты не один нашел сюда дорогу. Многие искали владыку Иллидана, но не все выживут, чтобы служить ему.

– О чем ты?

Эларизиэль серебристо рассмеялась.

– Сам скоро узнаешь, калдорай. А пока найди себе место для отдыха. Перед испытаниями тебе понадобятся силы.

Развернувшись, она пошла прочь из зала. Игла покрутил пальцем у лба и, отступив в тень, растворился в ней.

– Не обращай на Эларизиэль внимания, – произнес рядом дружелюбный голос. – Ей нравится запугивать новеньких. Наверное, когда она только пришла сюда, с ней поступали так же. Вот и отыгрывается на других, несчастная.

К Ванделю обращался взрослый эльф неопределенного возраста. Ему могло быть как двадцать, так и все пятнадцать тысяч лет. Ни шрамов, ни татуировок на нем Вандель не заметил. Кстати... больше ни у кого в зале их не было.

– А ты задумчивый. Я даже знаю, что тебя гложет...

Незаданный вопрос так и повис в воздухе.

– Меня зовут Вандель.

– Наша встреча освещена Элунной, Вандель. Я Раваэль.

– Приятно познакомиться с тобой. Ты вроде собирался сказать, о чем я думаю? Было бы любопытно узнать, потому как я сам не уверен, что знаю это.

– Ты думаешь о том же, о чем думал каждый из вновь прибывших сюда: что провожатые твои – странные. А еще тебе интересно, почему у нас нет меток, зато есть глаза.

– Выходит, здесь есть другие вроде тех двоих?

– О да, друг мой, их очень много. Владыка Иллидан создает армию слепцов.

– Которые не так уж и слепы, как я понимаю?

– Да.

– И они покрыты татуировками, как и владыка, только не такими искусными.

– Верно.

– И они преобразились, как и владыка.

– Ты очень наблюдателен.

– Таких деталей не заметил бы только слепой, – не подумав, обронил Вандель.

– Хочешь сказать, что наши слепцы видят хуже твоего? – спросил Раваэль, и в его голосе прорезались истеричные нотки, чему Вандель был почти рад: до этой секунды собеседник казался ему разумным эльфом, кото-

рому не место в этой дыре.

- По-моему, они видят куда лучше: свободно проводили меня сюда, ни с кем не столкнулись по пути. Если дорогу в этот зал запомнить нетрудно, то местные обитатели не всегда сидят или лежат на месте. А ты все хорошо обдумал.

- Зачем ты пришел сюда?

- Жажду мести, хочу охотиться на демонов. Думаю, и ты здесь по той же причине.

- Похоже, — подумав немного, сказал Вандель, — Эларизизель права. Я не такой уж и особенный.

- Уверен, все иначе. Ты ведь добрался до нас, живой и невредимый. Как думаешь, многие на такое способны?

Глубоко вздохнув, Вандель снова огляделся. Сперва он думал, что в этом зале собраны безумцы и немощные, однако у всех под рукой лежало оружие, и многие имели шрамы на теле. Это были воины, маги, охотники.

- Ты потерял кого-то? — спросил Вандель.

- Я потерял все, — просто ответил Раваэль. Памятуя о собственной потере, Вандель не стал выпрашивать подробностей.

- Я понимаю, каково это, — сказал он.

- И все же, — оглядевшись, заметил Раваэль, — здесь нам суждено потерять нечто большее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

За пять месяцев до падения

Наевшись мяса копытня, Майев позволила себе немного расслабиться. День выдался солнечный и длинный, так что эльфы успели поохотиться. Они добыли столько шкур, что хватило бы на броню для двух десятков дренеев. Как раз сейчас несколько Сломленных свежевали еще не обработанные туши. Майев вспомнила давно минувшую юность, когда они с матерью охотились в лесу, шили одежду из шкур, работая костяными иглами и нитями из сухожилий. Воспоминания вызвали сперва улыбку, а после — ужас: мать убил Пылающий Легион. Сразу же вспомнился Иллидан...

Предатель по-прежнему на свободе, набирает армию, по сравнению с которой отряд Майев — что капля в море. Песнь Теней попыталась успокоить разум, вернуть себе благостное расположение духа, столь редкий момент чистого, незамутненного счастья.

В Награнде Майев нравилось: чистый воздух, синее небо и ветерок... Конечно, не родные леса, но если не приглядываться, то и не заметишь следов расколовшей Дренор магии, особенно парящих в воздухе островов. Казалось, они в любой момент готовы рухнуть на землю, но если верить местным, то они парят так вот уже несколько лет. Даже сюда доходили слухи о войне Иллидана против его же господ-демонов. Похоже, далеко на западе Награнда Пылающий Легион разбил лагерь и готовил атаку.

Аниндра лежала подле огня на животе и играла с Сарием в какую-то придуманную на месте игру: шестиугольное поле они вырезали прямо в земле, а фигурами служили цветные камешки. Заметив на себе взгляд Майев, помощница отсалютовала ей. Ее волосы выгорели на солнце Запределья, приобретя оттенок лайма, а кожа высохла. Туника была штопана-перештопана, однако Аниндра даже не думала от нее избавляться. Как и немногим выжившим Стражам, форма напоминала ей о доме.

Сарий же целиком сосредоточился на игре. За что бы он ни брался, друид во всем проявлял азарт и рвение. За последнее время он приобрел с десятков новых шрамов: какие-то успели побелеть, но два были совсем свежие. В недавних схватках Сарий получил глубокие раны. Вообще, друиды быстро исцеляются и восстанавливаются, но Сарий зачем-то сохранил рубцы. Возможно, в качестве напоми-

нения, или чтобы потешить тщеславие. Мужчины — они такие, порой любят похвастаться боевыми отметинами.

За время, что Стражи провели в Запределье в поисках ключа к уничтожению Иллидана, эти двое — Аниндра и Сарий — проявили нерушимую верность, помогая командиру сохранить отряд в самых опасных ситуациях. Песнь Теней мысленно выругалась, подумав, сколько времени они потратили, рыская по пустыне вокруг Цитадели Адского Пламени, сражаясь с нагами в Зангартопи, следя за стенами Черного Храма... За это время силы Иллидана умножились в тысячу раз, а Стражи так ничего и не добились.

Майев оглядела лагерь: ее отряд тоже разросся, хотя армией от этого не стал. Во время странствий эльфы принимали к себе в войско сотни молодых дрениев, недовольных правлением Иллидана. В Запределье тоже имелись те, кто готов был бороться со злом и угрозой, которую нес Предатель. Хотя сил все равно не хватало.

Чего Майев добилась в Запределье? Ничего. За прошедшие четыре года армия Иллидана только выросла: на каждого дрения в отряде Майев приходилась сотня орков, что следовали в цитадель и покидали ее преобразенными, куда более свирепыми и сильными тварями. И ведь кто-то верил, будто Иллидан и правда воюет с Легионом, и шел к нему в армию добровольно. Вот дураки. Они не знают его так, как узнала его Майев. Иллидан призывал, подчиняя себе, все больше и больше демонов из Круговерти Пустоты. Разве так поступают истребители зла?

Иллидан затеял какую-то хитрую игру, но логики ее Майев пока разгадать не могла. Некоторые утверждали, что Кил'джеден жаждет смерти Иллидана. Вполне может быть. Не первый раз злодеи ополчаются друг на друга. Иллидан и прежде менял союзников — поменяет и снова, когда ему будет выгодно. Злое начало в нем всегда победит. Он оскверняет все, к чему прикасается.

Из дальнего конца лагеря донеслись крики: часовые, заметив кого-то, схватились за оружие. Стражи приготовились биться, а Майев пошла проверить, в чем дело. В этих местах видели огров, хотя вряд это они пожаловали в лагерь — в противном случае уже завязалась бы драка. Майев ускорила шаг.

Группа незнакомых Сломленных в охотничьем облачении беседовала о чем-то с часовым. Настроены они были не враждебно, хотя кто знает — вдруг это уловка?

Майев обошла их сзади, внимательно и настороженно

отглядываясь, но не заметила, чтобы враг проник в лагерь. Больше Сломленных в тени поблизости не скрывалось. Где-то во тьме зарычал саблезуб. В небе пронесся элементарь ветра.

Наконец Майев вышла из тени, и вожак вновь прибывших вздрогнул от неожиданности. Впрочем, опомнился он быстро.

— Приветствую.

— Что здесь происходит? — спросила Майев.

— Хотим спросить вас о том же. Вы на земле куренай, едите мясо наших животных. Это нам полагается задавать вопросы.

О куренай Майев слышала: еще одно племя Сломленных, которое никак не связано с Акамой и его пепло-устами.

— На копытнях не было клейма, и мы нигде не заметили погонщиков.

— Это наши охотничьи уголья, а вы даже не в гостях у нас.

Подумав немного, Майев обвела пришедших высокомерным взглядом. Этим она дала понять, что пересчитывает их. У нее самой воинов было в двадцать раз больше.

— У тебя армия, — рассмеялся Сломленный. — Но раз уж на то пошло, то и Телаар может выставить войско. Побольше твоего.

— Здесь его нет, — заметила Майев. Из сгущающейся мглы вышла Аниндра. Клекот в небесах возвестил о том, что за происходящим наблюдает Сарий в облике птицы.

— Будет. Мне стоит только протрубить в рог.

пи

— Ты не успеешь даже поднести его к губам, как я всажу тебе стрелу в глаз, — предупредила Аниндра, за что удостоилась гневного взгляда своего командира. Не время было похвастаться мастерством стрельбы из лука. Потасовка с этими Сломленными ничего не даст.

— Мы не собирались оскорблять вас, — сказала Майев. — Так, проходили по этим землям. Искали пищу и кров, и только.

— Вам следовало заглянуть в Телаар и отдохнуть там. Наше племя снабдило бы вас припасами и, может, кое-чем еще. — Сломленный окинул взглядом лагерь. — Так много юных дренеев, ведомых кучкой чужаков. Арехрону было бы любопытно послушать...

Возможно, Майев в конце концов удастся обзавестись

союзниками. Если не целой армией.

– Уверена, нам есть что рассказать друг другу. Если не возражаете, я приведу своих воинов к вам в город, и мы поговорим с Арехроном.

– Я выделю проводников, а сам отправлюсь в Телаар – предупредить всех о вашем прибытии.

Оставалось надеяться, что это не ловушка.

Это был впечатляющий город-крепость: расположенный на плоской горной вершине, что высилась над глубокой долиной, он не нуждался в стенах. Попастъ в него можно было лишь по воздуху или веревочным мостам. Если только враг не озаботится летунами или не применит магию, город ему штурмом не взять.

Мост раскачивался из стороны в сторону под мощными лапами саблезуба. Огромный зверь величаво шел дальше, но Майев чувствовала, как участился его пульс. Сквозь щели между перекладами она видела дно пропасти далеко внизу. Если Сломленные задумали перебить ее отряд, им достаточно просто перерубить канаты. Тогда, конечно, погибнут и примкнувшие к ней дренеи, и проводники Сломленные, но Майев знавала много вождей, готовых ради поставленной цели пожертвовать последователями.

У окраины города собралась толпа зевак. Никто не толкался и не пихал рядом стоящего, однако и на обычных Сломленных горожане не походили: это были отнюдь не согбенные и не изможденные аборигены. Они сжимали в руках оружие, готовые при случае пустить его в ход.

С моста на твердую землю Майев перешла с огромным облегчением. Обернулась и увидела, что воины ее никуда не делись. И то хорошо. Значит, Арехрон не собирается их подло убить. По крайней мере, пока.

В сердце толпы, окруженный копейщиками, стоял огромный и статный Сломленный во внушительной оранжево-пурпурной броне. С лица у него свисало четыре щупальца; за спиной извивался длинный хвост.

– Achal hesta, и добро пожаловать в Телаар. Меня зовут Арехрон, и я приветствую вас в своем доме.

– Благодарю за гостеприимство и рассчитываю на беседу, – ответила Майев.

Они двинулись по мозаичной мостовой, широкими улицами Телаара, между непривычными эльфам домами со сводчатыми крышами.

По пути Майев, как закаленный солдат, оглядывалась, примечая места, где могли бы расположиться в засаде

лучники. Каждый миг она ожидала нападения. Глава Стражей так долго моталась по пустыне, что в каждом городе ей мерещились ловушки, а в каждом горожанине — враг. Но, даже осознав эту печальную правду, бдительности Майев не ослабила.

Устроившись за низким столиком, Майев присмотрелась к Арехрону. У Сломленного было широкое честное лицо, и радушный характер. Впрочем, и такие хозяева могут обмануть гостя; Майев не собиралась попадаться на приманку теплого приема, но и подозрений высказывать не спешила.

Арехрон принял странников в круглой комнате, усталанной коврами. Откинулся полог бисерной занавески, и в помещение заглянул паренек-дреней. Он открыто уставился на Майев, и та ответила таким же прямым взглядом.

— Корки, — произнес Арехрон, — ступай в постель. Тебе давно пора спать, а мне нужно потолковать с нашим новым другом.

— Да, отец, — ответил Корки, но с места не сдвинулся.

— Корки!

— Да, отец?

— Делай что велено, а не то пожалеешь.

— Да, отец. — Зацокав копытцами, мальчик исчез в своей комнате.

— Он славный, но я его балую, — признался Арехрон.

Майев согласилась бы, но сочла это неблагоприятным.

— Ты ведь его отец.

— Порой я за него тревожусь.

— Тебе как родителю, — уловив шанс, сказала Майев, — есть о чем волноваться. Мы живем в темные времена, и тьма только сгущается.

Арехрон кивнул.

— Ты говоришь правду, но Свет защитит нас. Он всегда спасал нас, не оставит и теперь.

— Хотелось бы разделять твою веру.

— Вера в Свет, — не давая Майев продолжить, заговорил Арехрон, — открыта для всех. Надо лишь верить.

Эльфийка поняла, что ее пытаются увлечь в трясину теологического спора.

— О, я и не сомневаюсь, что Свет присматривает за нами. Сомневаюсь только, что он сумеет защищать нас и

дальше. Предатель добивается власти над Запредельем. Он уже пополнил ряды за счет десятков тысяч орков Скверны и прочих чудовищных созданий. У резервуара Кривого Клыка наги устанавливают гигантские магические механизмы. Вряд ли они задумали доброе дело: я знаю их предводительницу, леди Вайш. Поверь, она та еще лиходейка.

Майев постаралась говорить как можно убедительнее, как и прежде, когда обращалась — и не раз — к юным дрениеям. Однако Арехрон давно уже повзрослел и состарился; это был умудренный жизнью вождь, который, правда, испытывал сентиментальную слабость к сынишке. Вот на что следовало давить.

— Если хочешь для своего чада безопасного будущего, то надо предпринять хоть что-нибудь, пока Иллидан Предатель не получил в свое распоряжение несметные полчища монстров.

Арехрон вскинул руки, прося ее остановиться, и добродушно усмехнулся: Я и без подобных убеждений вижу, какую угрозу представляет Иллидан.

— Значит, в грядущей битве я могу рассчитывать на твою помощь?

— Все не так просто, — пожал плечами Сломленный.

Майев выдавила из себя улыбку:

— Я уже заметила, что в Запределье все не так просто.

— Я слышан о тебе, Страж Майев. Слышал, как ты переходишь от города к городу, от деревни к деревне, набирая войско для грядущего похода против того, кого зовешь Предателем. Самые юные и пылкие из дрениеев уже примкнули к тебе, но я не молод и не пылок.

Майев чуть было не сказала, мол, ты еще и не боец, но вовремя прикусила язык и снова натянуто улыбнулась. Она больше не в Азероте. Здесь нельзя, как дома, прийти и потребовать помощи. Сломленных еще надо убедить воевать за правое дело; к такому поведению старейшин дрениеев Майев уже привыкла. Они консервативны и осторожны, тогда как их молодежь куда храбрее.

— Поверь, Майев, я был бы рад дать тебе воинов. Ты права: Иллидан стал очень могущественен, но я не желаю привлекать внимание такого врага к моему городку.

— Боишься.

— И не стыжусь признать это. Правда, мой страх не-много иной природы.

— Страх есть страх. Если поддался ему, то уже не-

важно, чего боишься.

– Для тебя все очень просто: ты переходишь с места на место, плетешь паутину слов, и юные воины следуют за тобой. О последствиях тебе думать не приходится. Тебя не волнует, что погибнет наша молодежь.

Майев пристально посмотрела на старика и сказала:

– Многие мои соплеменники отдали жизни за то, чтобы остановить тиранию Иллидана. Ночные эльфы, пришедшие со мной, – жалкие остатки той могучей армии, которую я повела в погоню за Предателем.

Арехрон сложил пальцы домиком и кивнул.

– Вы можете наносить врагу удары исподтишка и сразу же скрываться в пустошах. Нам негде прятаться от его гнева. У нас в Телааре дома. У нас дети.

– А я-то думала, зачем ты показал мне своего сына...

Сделав безразличный жест, Арехрон пожал плечами.

– Ты циничный и гневливый ночной эльф, но ты еще и справедлива. Вот почему я дам тебе подкрепление, какое смогу. Дам припасов и оружие, отпущу с тобой всякого юнца, какой пожелает – только не пытайся вербовать городских стражей. Они нужны нам для защиты от врагов.

Майев подумала над его словами: Арехрон не желает открыто выступить против Иллидана, но он Предателю не друг. Учитывая обстоятельства, хватит и того, что он предлагает.

Улыбка на лице Майев потеплела.

– Ты сильно рискуешь, и я ценю это. И еще я благодарна за любую помощь, какую ты мне окажешь.

– Надеюсь, мы правильно понимаем друг друга? Грядет война. Близится тот день, когда Иллидан обратит свой взор на Телаар, но я буду оттягивать его приход сколько смогу. Что бы ты ни затеяла, ты сама по себе.

Разлив по кубкам чистую воду, старейшина, предложил один из них Майев, а другой взял себе. И, словно прочитав мысли гостыи, отпил первым. Майев же понюхала воду, попробовала самым кончиком языка и, не почувствовав отравы, сделала глоток. Арехрон улыбнулся.

– Раз уж ты так хорошо знаешь Иллидана, то поведай: что ему понадобилось в Запределье?

– Он бежит от правосудия, из самого Азерота.

– Это само собой, однако я имел в виду его планы на будущее. Зачем ему такая армия? Он затеял вторгнуться в твой мир, как не столь давно – орки?

– Скорее всего, да. Иллидан всегда искал славы завоевателя. Ее он жаждет не меньше, чем запретных знаний.

– Поговаривают, будто он чародей великой силы.

– Среди ночных эльфов равных ему мало. – Майев тяжело было признавать это, ведь она презирала род магии, к которой прибег Иллидан.

– Это не может не настораживать. Сама видишь, что магия сотворила с нашим миром: унесла миллионы жизней, расколола Дренор. – Магические способности Иллидана явно пугали Арехрона. Бояться с его стороны было разумно, хоть и недостойно.

– Вот еще причина остановить Предателя.

– Иллидан прежде заключал союз с Пылающим Легионом?

– Всякий раз, как видел в этом выгоду.

– И все же он идет на них войной.

– Так может показаться со стороны, но кто знает, что происходит на самом деле? Вдруг в рядах Легиона царит раздор, или Предатель, сместив Магтеридона, нажил себе врагов больше, чем ожидал? Или хозяева задумали покарать его? Как бы там ни было, всем врагам Иллидана надо пользоваться моментом.

– Может, и так.

– Ты не согласен? Не пойми меня неверно, но ты, как мне кажется, готова бить по врагу при любых обстоятельствах. – Арехрон немного помолчал. – Есть те, кто сумеет помочь в твоём предприятии. Они тоже обладают большой магической силой.

– Мне не нужна помощь тех, – пристально глядя на старейшину, проговорила Майев, – кто прибегает к богохульному чародейству.

– Наару служат Свету. В нем они черпают свою силу.

– Наару?

– Они недавно вернулись в город Шаттрат. Вы могли бы объединить усилия. Наару точно не друзья твоему Иллидану.

– Он не мой.

– Прости, не хотел оскорбить тебя. Порой я неосмотрителен в речах.

– Расскажи подробнее об этих наару.

– Они – создания Света, и невероятно могущественные. Явились в Шаттрат всего несколько месяцев назад, привлеченные обрядами поклонения. Орден Алдоров возобновил культ на развалинах храма, и теперь наару оберегают город от демонов.

– Хочешь сказать, что они сдерживают Легион?

– Да. Благодаря им Шаттрат сделался прибежищем для всякого борца с демонами. Наару собирают войско из тех, кто готов сражаться против прислужников Кил'джедена. Тебе там самое место, тебя запросто поставят генералом.

Звучало многообещающе. Но не было ли в словах старца и другого, скрытого, смысла? Может, Арехрон, направляя Майев в Шаттрат, торопится избавиться от нее? Лицо старейшины сохраняло прежнее благожелательное – и непроницаемое – выражение.

– Я не гонюсь за высоким званием, – ответила Майев.
– Хочу лишь видеть, как Предатель понесет давно заслуженное наказание.

– Конечно, конечно. Вот, я опять неверно истолковал твои мотивы. И все же настоятельно советую обратиться к наару. Из всех сил, стоящих на пути Пылающего Легиона, они самая большая в Запределье.

Возможно, этот Сломленный говорит дело. Майев тратит время, скитаясь по пустыням и вербуя в отряд жалкие горстки воинов. Встретившись с новыми покровителями Шаттрата, она ничего не потеряет, а может, даже выиграет.

– Расскажи мне о Шаттрате.

– Некогда это был прекрасный город и, вполне возможно, он снова станет таким.

Не этого ей хотелось услышать, но все же Майев сдержала нетерпение.

– Как мне добраться туда и кого там спросить?

Арехрон довольно улыбнулся.

– Отсюда до Шаттрата долгий путь, и лежит он на северо-восток. Отыщи Террасу Света и поговори с А'далом. Остановиться можешь в корчме у моего родственника. Сошлешься на меня, и он укажет тебе верное направление.

Они еще долго не ложились спать, обсуждая город.

Наблюдая за восходящим солнцем, Майев решила, что рассвет – самое подходящее время, чтобы отправиться в путь. Начинался ясный теплый день. Недели отдыха в Теллааре пошли отряду на пользу: Майев завербовала еще сотню молодых бойцов из числа Сломленных и дренеев. Новобранцы встали в конце строя, верхом на элекках. Рядом с этими массивными скакунами саблезубы, которых элекки не сильно-то и боялись, выглядели котятками.

Провожать эльфов собралась толпа не меньше той, что

вышла их приветствовать. Кто-то пришел проститься с родными, рекрутами Майев; некоторые даже пытались отговорить новобранцев. Майев не стала мешать: ей ни к чему бойцы, которых могут смутить слезы близких. Отряду нужны только твердые характером.

Арехрон выехал в паланкине на спине крупного элекка в богатой упряжи.

— Помни, — с поклоном обратился он к Майев, — что тебе нужно к Алдорам. После наару они в Шаттрате самые сильные и помогут тебе, скорее всего, они.

— Понимаю, — ответила Майев. — Я скорее доверюсь силе дренеев, чем хитрости и коварству эльфов крови.

Это были учтивые слова, но в них же заключалась истинная правда.

— А я бы на твоём месте, — кивнув, сказал Арехрон, — не стал больше иметь дел с пеплоустами и их вождем. На них не стоит рассчитывать.

Это вряд ли: Майев успела много раз встретиться с Акамой и знала его силу. Этому Сломленному она по-прежнему не верила, но он пока ни разу ей не солгал.

Подъехала Аниндра. Взгляд ее говорил о том, что заместительница ждет только сигнала к отправке. Тогда Майев кивнула, и Аниндра протрубила в рог. Саблезубы и элекки взревели. Длинная цепочка воинов отправилась в путь, оставляя позади ликующих, машущих руками и плачущих жителей Телаара.

Майев же не покидала мысль: что на самом деле ждет ее в Шаттрате?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

За четыре месяца до падения

Вандель вместе с другими кандидатами стоял во внутреннем дворе храма Карабор; на террасах выстроились сотни эльфов. Они несколько недель ждали возвращения Иллидана. Даже ближайшие из его соратников не ведали, когда и куда владыка отлучится в следующий раз, когда вернется и чем он занят.

С каждым днем терпение Ванделя истощалось: он только и делал, что обучался под руководством татуированных сородичей вроде Эларизиэль и Иглы.

Златовласый Варедис, чванливый и самоуверенный, как бог, читал лекции о природе демонов. За спиной у него шептались, будто он проник в Совет Теней и выкрал Книгу Имен Скверны.

Аландиен, утверждавшая, будто ее обучал сам Иллидан, елеинным голосом рассказывала о тактике проникновения во вражеский стан.

Владению оружием обучал Нетариель, старейший среди них ночной эльф. Со стороны он казался немощным, но с клинком в руках двигался проворно, точно юноша.

Кандидаты учились владеть оружием, спарринговали, лучше узнавая друг друга. Однако Вандель к своей цели нисколько не приблизился.

Порой ему начинало казаться, что он достиг бы большего на тропе мести, если бы просто вышел за ворота крепости и напал на одного из десятков тысяч демонов, рышущих по Запределью. Правда, это означало бы скорую смерть, и Вандель не добился бы совсем ничего — бойцов у Легиона несметное множество.

Рядом стоял Раваэль. С той ночи, как Вандель прибыл в храм, они держались друг друга. По сравнению с остальными, Раваэль казался самым разумным. За прошедшие недели Вандель много с кем пообщался: здесь каждому было что рассказать, и все истории приводили в ужас. Большинство эльфов — син'дорай — прислал принц Кель'тас, чтобы научить их сражаться с демонами. Кал-дорай тут было совсем мало.

Среди ночных эльфов был Селедан, пришедший из самых Лесов Вечной Песни. Его тело уродовало с десятков ожогов — там, куда пришлись удары инфернала. Челюсть и скула с правой стороны у него были сильно вмяты, но даже с такими увечьями Селедан двигался столь же проворно, как и в бытность стражем деревни, словно не ис-

пытывал боли.

Прекрасная Истет потеряла троих детей. На груди она носила сумку с обугленным трупиком ребенка; ее историю Вандель сумел собрать воедино из кусочков, что проskalзывали в потоке бреда. Бывало, ночами Истет, не прекращая, кричала что-то о сожжении... Когда один из эльфов крови попытался заткнуть ее, она убила его ударом ножа.

С лица Мавелита не сходила улыбка, ему все казалось забавным. Ванделю становилось не по себе, когда он начинал хохотать на пустом месте или же смеялся над горем товарища. Чужие несчастья будто доставляли ему радость.

Циана выглядела здоровой, если не считать горячего желания сражаться с Легионом. Она никогда не рассказывала о своей судьбе, но Вандель догадывался: Циану тоже мучит жажда отмщения.

Раваэль предупреждал Ванделя: эльфам крови нельзя доверять, они порчены пристрастием к тайной магии, но Вандель плевать хотел на предрассудки. Его слишком занимали собственная ненависть и цель.

Одно он знал наверняка: у эльфов в казармах имелись куда большие причины ненавидеть Пылающий Легион, чем у всех, кто пострадал от нашествия демонов. И потому он чувствовал ко всем кандидатам необычную привязанность.

Вандель и его сотоварищи явно не первыми прошли уготованный им путь; были здесь и другие — замкнутые, они порой являлись на занятия. Особенные эльфы: отмеченные татуировками, покрытые шрамами и претерпевшие изменения.

С виду не все они ослепли, но все обрели иное зрение и так заслужили место в элите. Рабы и солдаты в Черном Храме обращались к ним со страхом и преувеличенным почтением; кандидаты взирали на них со смесью благоговейного трепета и зависти. У измененных было все, к чему стремились новенькие: положение, сила и уверенность. Окруженные ореолом тайны, они обладали некой неизвестной мощью. Поговаривали, будто татуированные солдаты уже убивали демонов.

Порой Вандель ощущал присутствие слуг Пылающего Легиона. Он убеждал себя, мол, это оттого, что Иллидан держит в храме плененных монстров, однако иногда по спине пробежал холодок: Ванделю казалось, что за ним следят демоны, но обернувшись, он замечал лишь Иглу и Эларизиэль. При виде наделенных сверхъестественным

зрением татуированных солдат ему становилось не по себе, хотя Ванделя давно уже ничто не могло вывести из равновесия. Поговаривали, якобы Иллидан сам — наполовину демон, а наставники во всем ему подражают. И что для охоты на демонов надо уподобиться врагу.

Даже сама твердыня храма вызывала смуту в душе: Магтеридон превратил святыню дренеев в нечто совершенно иное, противоположное ее изначальной сути. А подчиненные Иллидана — иллидари — так и не потрудились очистить ее. Для того, кто звался охотником на демонов, Иллидан окружил себя слишком уж большим числом монстров. Даже по развалинам самого Карабора, оскверняя его камни следами копыт, бродил крылатый страж ужаса. Из Черного Храма доносилось утробное рычание; среди претендентов ходили слухи о суккубах и сатирах...

Вандель так глубоко задумался, что не заметил, когда Раваэль первый раз потряс его за плечо. Очнувшись, он увидел, как товарищ указывает в темнеющее небо: во двор ястребом пикировал Иллидан.

Вандель не шелохнулся, когда Предатель приземлился, расправив в последний миг широкие кожистые крылья. Устремив взгляд пламенеющих глаз куда-то вдаль, он ткнул в присутствующих когтистыми пальцами.

— Начинаем, — насмешливо скривил он губы.

«Начинаем? Что начинаем?» — подумал Вандель. До сих пор претенденты учились обращаться с оружием и слушали помешанных прислужников Иллидана. Так, может, теперь он готов поделиться темным знанием?

Может, их хоть теперь научат истреблять демонов, прервав череду рутинных тренировочных поединков, а также уроков Варедиса и прочих?

Холодная улыбка сошла с лица Иллидана.

— Оглянитесь. Вас более полутысячи. Когда все закончится, останется менее сотни.

Он помолчал, давая всем осмыслить сказанное, а после рассмеялся.

— Все вы поклялись отдать жизнь в борьбе с Пылающим Легионом. Вот вам шанс доказать преданность. С кого начнем?

Повисла гнетущая тишина: все ждали, что скажут остальные. Теперь, когда настал момент истины, никто не пожелал стать первым и узнать, что их ждет. Страх неизвестного сковал ряды новобранцев.

Тогда Вандель, сделав глубокий вдох, шагнул вперед.

– Я отомщу или погибну. Сделаю все, что потребуется.

Иллидан кивнул. Ванделю показалось, что этого Предатель от него и ждал.

– Молодец. Войди в круг призыва.

Иллидан указал туда, где, вырезанный в каменном полу, пламенел загадочный узор.

Вандель вошел в большой пентакль, окруженный светящимися рунами. Таинственные символы пульсировали, и казалось, что еще мгновение – и Вандель поймет их смысл... но значение их так и не открывалось. Руны внезапно поплыли, теряя четкость; кожу начало покалывать, во рту пересохло. Ванделя окружил вихрь зелено-вато-желтых огоньков.

Иллидан произнес заклинание, и в круг хлынул поток энергии Скверны. Резко похолодало; воздух задрожал и стухнул. Перед Ванделем возникла гончая Скверны. Она поразительно напоминала тварь, загрызшую его сына, Хариэля.

Взвыв, гончая устремила на Ванделя – потрясая щупальцами, раззявив пасть и обнажив акульки зубы. Вандель выхватил рунные кинжалы и прыгнул на нее; сходство гончей с убийцей сына распалило его гнев. Сверкнули, врезаясь в щупальца, клинки. Вандель отскочил в сторону, ударил по чувствительным отросткам. Гончая извернулась, все еще пытаясь дотянуться до него.

Рука горела – там, где зубы все же вспороли плоть. Ослепленный жадой мести, Вандель не заметил, как быстра гончая. Он отскочил назад и в сторону – спину закололо, и он вдруг понял, что не может покинуть круга. Магия возвела барьер: прозрачную стену, словно из затвердевшего воздуха. Тогда Вандель прыгнул на гончую; челюсти клацнули в каких-то дюймах от лица. Пахнуло серой. Вандель вогнал клинок в небо твари и дальше – в мозг. Когда гончая попыталась захлопнуть пасть, зачарованная сталь еще глубже вошла в череп. Тварь хрипло выдохнула, завалилась на бок и больше не встала. Только ее хвост еще дергался какое-то время.

Ощувив смутное ликование, Вандель посмотрел на Иллидана. Ну, что дальше?

Предатель вошел в круг – сдерживающее заклятие его не остановило.

Вырвав еще трепещущее сердце гончей, Иллидан вручил его эльфу.

– Ешь.

Не такого ожидал Вандель. Глядя на шмат ядовитого мяса, он думал отказаться... сперва. Но что-то во взгляде Предателя говорило: отказа не потерпят. Вандель обеими руками взял влажное и липкое сердце гончей. Из разорванных сосудов сочился едкий зеленоватый ихор. Он, точно пламенем, обжигал ладони.

Даже сквозь дрожащее марево барьера Вандель видел, что взгляды собравшихся обращены на него. Все ждали, как он поступит. Эльф поднес сердце гончей к губам и лизнул его. Язык обожгло, как и руки. Плоть демона, похоже, была пропитана Скверной.

Он через силу оторвал зубами кусок и заставил себя жевать. Жесткая плоть, казалось, извивается на языке; а попав в глотку, она как будто раздулась — мертвый демон словно хотел задушить убийцу. Ванделя чуть не вырвало. Это было все равно, что глотать живого слизня.

— Пей, — приказал Иллидан, указав на лужу крови под трупом гончей.

Вандель ладонями зачерпнул немного ихора. Жжение усилилось; невзирая на тошноту и головокружение, он проглотил кровь демона. Она жгла, точно гоблинский самогон. Живот крутило — тело стремилось исторгнуть из себя яд. Переживет ли это Вандель? С ужасом он ощутил, как в желудке у него что-то шевелится, словно плоть демона стремилась вырваться, прогрызть себе путь наружу.

Иллидан пропел очередное заклинание. Вокруг неге плясали сферы зеленоватого света; похожие на изумрудные солнца, они излучали жар и магическую силу. Кожа Ванделя чуть не лопалась. Между сферами простреливали молнии, образуя гудящую энергетическая сеть. Предатель изрек еще одно слово, и Ванделя пронзило разрядами. Он закричал от боли, когда его тело стало насыщаться Скверной.

Ноги подкосились, и Вандель рухнул на землю. Хватаясь за голову, он катался из стороны в сторону, как тот, как тот, чьи одежды объаты пламенем. Его терзала невыносимая боль; Предатель явно вознамерился убить Ванделя. Взглянув на Иллидана, охотник не узнал его: тот больше не походил на эльфа, его искаженную мерцающую фигуру окружала темная аура. В глазницах, пробиваясь сквозь повязку, пылал огонь чистейшего зла. Ванделя как будто затягивало в эти два колодца, в бездонную пустоту.

Его охватило странное волнение, в сердце вспыхнул гнев. Вандель потянулся к Иллидану, желая выдавить из врага жизнь, но тело не слушалось его. Чувства эльфа пребывали в смятении. Воздух зашипел, когда в нем стали проявляться четко очерченные, светящиеся зеленым руны — слова, что нараспев произносил Иллидан. Спиной Вандель ощущал, как сквозь камень Черного Храма поднимается волна Скверны; из бездны, что образовалась у него внутри, восставало нечто огромное, могущественное и злое. И оно пришло пожрать душу Ванделя.

Мир вокруг замерцал и исчез.

глава девятая

За четыре месяца до падения

Селение полыхало; горели кроны древних деревьев, трещали, объятые пламенем, бревенчатые дома с остроко-
нечными крышами. Тянуло горелой хвоей; шипел, закипая,
сок в стволах и ветках.

Сжимая в руке длинный охотничий нож, Вандель несясь по задымленным улицам, звал жену и ребенка. По руинам скакали демоны, бесы метали огненные стрелы, между домов бродили огромные инферналы. Мо'арги в масках и броне поливали все магическим пламенем. На крыше длинной хижины в центре деревни возвышалась крылатая фигура повелителя ужаса.

Но вот Вандель увидел впереди свой дом, и сердце его на краткий миг исполнилось надежды. В приоткрытую дверь выглянул Хариэль и будто поманил отца.

Все казалось таким настоящим. Как будто пять лет боли и страданий испарились, и Ванделю выпал второй шанс спасти сынишку. Но Вандель знал: все не так, — и догадывался, что случится в следующий миг, как в кош-
маре.

Мальчика утянуло в дом — только успели мелькнуть ручонки. Перепрыгнув порог, Вандель оказался внутри и там увидел сына: он лежал, широко раскрыв глаза и уставившись в потолок невидящим взглядом. На груди у него, пируя свежей плотью, сидела гончая Скверны. На шее у Хариэля поблескивал серебряный кулон, которым он так гордился.

Гончая обернулась. Ее антенны, похожие на усики огромного таракана, напряглись. Ее зубы пятнала кровь. Еще утром сын смеялся, полный жизни, и вот он лежит на полу, холодный и неподвижный. Сердце Ванделя копьем пронзила боль.

«Сладкая, сладкая боль», — раздался где-то в глубине души голос.

Сердце готово было разбиться, а голова — лопнуть. Дважды Вандель потерю не перенесет.

«Перенесешь и не раз, а я буду подпитываться твоей болью, как питаюсь твоей душой».

В голове засел кто-то посторонний. Его голос напоминал Ванделю собственный, но принадлежал тому, кто упивался его ужасом, каждым мгновением страданий.

«Твой страх питает меня. Делает сильнее».

Гончая, помахивая хвостом, двинулась на Ванделя,

чем отвлекла от бестелесного голоса. Короткие лапы замелькали с поразительной скоростью. Гончая раскрыла полную острых зубов пасть, но Вандель ушел в сторону и, завертевшись волчком, полоснул ее ножом по боку. Гнев и ненависть направили его руку. Вид зеленой крови порадовал и Ванделя, и того, другого.

«Да. Мсти ей. Корми меня».

Пораженный, Вандель замер, и гончая едва не достала его. Эльф кинулся было на нее, но тут споткнулся о труп жены и упал. Перекатился, вскочил на ноги и уперся спиной в стену. Гончая приближалась. Вот она скакнула; деваться было некуда, и Вандель сам прыгнул ей навстречу. Одной рукой схватил за бронированное горло, второй вонзил клинок в сердце. Дыхание гончей разило серой; ее когти скользнули по груди Ванделя, вспоров кожаную куртку и оставив глубокие борозды в плоти.

«Какая сладостная агония».

Боль чуть не парализовала Ванделя, но он нашел в себе силы отбросить демона. Вскочил ему на грудь и, перехватив кинжал обеими руками, принялся колоть. Наконец гончая затихла.

Вокруг клубился дым, а Вандель лежал на полу, ослабленный ранами. Рядом он увидел лицо Харизеля. Закрыв ему глаза. По щекам покатились слезы. Вандель не мог пошевелиться, да он и не хотел никуда идти. Он останется и будет ждать, пока пламя не превратит дом в погребальный костер.

«Какое сытное горе».

«Что ты такое?!» — мысленно вскричал Вандель, и перед внутренним взором промелькнул образ: он ест трепещущее сердце демона.

«Ты думал, что пожрешь меня, но это я пожру тебя».

На мгновение Вандель ощутил, как плоть демона пробивается наружу сквозь его собственную, сливается с ней; ощутил, как сплетаются их души. Горящая деревня задрожала и исчезла, вместо нее Вандель увидел Черный Храм и Иллидана — тот взирал на него сверху вниз. Вандель хотел встряхнуться и прогнать кошмар, но тот снова завладел его разумом и перенес обратно на горящие останки дома, заставив переживать все заново.

В дверях, заслонив собой отблески пожара, возникла огромная крылатая фигура. Демон. Вандель с трудом поднялся на ноги. Одно дело — стореть заживо и совсем другое — пасть от руки врага.

Он, ковыляя, подошел к демону и хотел ударить ножом, но враг играючи перехватил его руку и одним рывком выкинул на улицу. Вандель покатился кубарем, а когда встал, увидел вокруг мертвых чудовищ. На него же, оказалось, напал вовсе не демон. Незнакомец обернулся, и Вандель увидел перед собой ночного эльфа. Он только походил на демона и был куда выше и крупнее иного сородича. Тело его покрывали светящиеся татуировки. Глаза падшего чародея глядели прямо на Ванделя сквозь полосу рунной ткани. К своему ужасу, Вандель узнал его — того, о ком ходили страшные легенды.

— Иллидан, — вымолвил он. — Предатель! Это твоих рук дело.

Крепче сжав рукоять кинжала, Вандель собрался с силами и прыгнул. Удар был выверенный, совершенный. Еще ни разу охотник не бил так четко и чисто. Его руку, его клинок сейчас вела сама судьба, дабы он прервал жизнь Предателя.

Едва острое коснулось татуированной груди, как Ванделя сильно, точно тисками, схватили за руку.

— Я тебе не враг, — сказал Иллидан.

— За свои злодеяния ты умрешь!

Иллидан горько рассмеялся.

— Ты не первый, кто пытается меня убить, но ты попусту тратишь гнев. Всею виной Плающий Легион.

— Ты сам ему служишь.

Я служу себе.

— Лжешь. Ты всегда лжешь.

— Значит, мои враги убедят тебя в обратном.

Потев от натуги, Вандель налег на кинжал всем весом, но лезвие не сдвинулось с места. Иллидан же, напротив, держал его руку безо всяких усилий.

— Из-за тебя погибла моя семья, — исполненным горя голосом проговорил Вандель.

— Оглядишься. Видишь демонов? Они все мертвы. Их убил я.

— Лжец.

— Я не успел прийти вам на помощь и скорблю, потому что помню вашу деревню. Когда-то, сто веков назад, я был здесь счастлив. Правда, недолго...

Вандель попытался ударить его кулаком.

— Лжец!

Иллидан с легкостью отразил удар.

— Твое упрямство начинает надоедать. А я-то думал, ты сильный эльф: не каждому дано сразить демона при

помощи одного только охотничьего ножа. Ну, будешь лежать и ныть, или отомстишь виновным? Присоединяйся ко мне — и обрешь возмездие.

Вандель взглянул в лицо Предателю, но из-за рунной ткани на глазах не смог ничего по нему понять.

— Не стану я тебе служить.

— Отсюда тебе две дороги: одна ведет к безумию и смерти, другая — в мою тень.

— Ни за что!

Легким ударом наотмашь Иллидан сбил Ванделя с ног.

— Грядет конец мироздания, и у меня нет времени на глупцов. Нели и вправду жаждешь мести — найди меня.

Перед глазами мелькнула тень. В лицо бросило дымом и искрами, когда Иллидан улетел, оставив Ванделя на руинах прошлой жизни.

«Он говорил правду, — издевательски произнес голос демона. — И теперь ты это понимаешь. Ты понял это сразу, как только оправился от горя, а после долгие годы потратил на то, чтобы отыскать Предателя. И вот ты его нашел. Правда, твое время закончилось. Теперь ты мой».

Деревня снова задрожала и исчезла. Вандель один, обнаженный, стоял посреди пустыни. Безоружный, он оказался лицом к лицу с гончей Скверны. Убитая им, она, тем не менее, была жива и здорова. И еще у нее были глаза ночного эльфа. Глаза Ванделя.

Тварь пошла на него уверенным шагом охотника, загнавшего жертву в угол. Вандель сжал пустые кулаки, огляделся в поисках камня или еще чего-нибудь, что могло бы сойти за оружие. Кругом было пусто. Гончая тем временем подобралась совсем близко. Встала на дыбы и широко раскрыла огромную пасть.

В последний момент Вандель ухватил ее за челюсти, не дав перегрызть себе глотку. Сильно порезался и закричал от боли. Попробовал взяться поудобнее, вонзив пальцы между губой и деснами. Правой руке повезло не так, как левой, — Вандель снова порезался о зубы. Боль была нестерпимая и становилась еще сильнее, когда в раны попадала слюна демона.

«Это не взаправду», — сказал себе Вандель.

«Даже очень взаправду, и если ты погибнешь в этом зачарованном сне, то умрешь по-настоящему, а я завладею твоей душой, телом. В тебе мое семя, я использую твои навыки, твои мысли против тебя. Я уже обрел силу больше прежней».

Вандель попытался разжать челюсти, но все силы ухо-

дили на то, чтобы просто не дать им сомкнуться. От порезов на руках почти не осталось живого места. Эльф знал: еще немного, и он проиграет.

Тогда он извернулся, так чтобы гончая не отхвати да ему голову, и прижался к ее короткой шее. Монстр принялся драть его когтями, вырывая из незащищенной груди лоскуты кожи и мяса. Шанс был один, и Вандель им воспользовался: отпустил челюсти и, перехватив гончую за бока, поднял над головой. Чудовище принялось брыкаться и выворачиваться, но Вандель резко опустил его спиной на согнутое колено, переломил хребет.

Гончая беспомощно извивалась, лапы не слушались ее. Вандель же наступил ей на горло и не убирал ногу, пока тварь не затихла. Затем, повинувшись внезапному порыву, разорвал гончей брюхо и вырвал сердце. Выдавлив себе в рот зеленую кровь, он сожрал комок трепещущей плоти.

В глотке, как и прежде, зашипало, однако на сей раз к Ванделю перешла сила демона. Мир задрожал и потемнел. Ванделя накрыло волной дурноты, и он рухнул прямо на труп противника. Его скрутило в жестоких спазмах.

Медленно, увлекаемый некой силой, он покинул собственное мертвое тело. Полетел в черноту. Увидел, что Запределье — это лишь крохотная частичка в бесконечности Великой потусторонней тьмы. Мирок, парящий в бездне, столь огромной, что ее не охватить разумом. И в этой пустоте Ванделя окружали миллионы миллионов других миров, в которых кипела жизнь и у которых было будущее.

Присмотревшись к одному из них, Вандель увидел золотые нивы и беззаботных жнецов под ярким солнцем. Но вот ткань реальности вспорол портал, и сквозь него в мир хлынула неудержимая орда Пылающего Легиона, армия неуязвимых демонов, ведомых жадой разрушения и крови.

Это случилось много лет назад, задолго до того, как Легион вторгся в Азерот. Разрушая все на своем пути, сея смерть, ведомые единственным стремлением — убивать, демоны прошли по бесчисленным мирам.

Случалось, что Легиону давали отпор, но он всегда возвращался — сильнее, чем прежде. Бывало, что мир не разрушали, а только завоевывали, используя потом для пополнения рядов и поддерживая мельницу войны.

Не один Вандель потерял ребенка по вине Легиона: ежесекундно где-нибудь гибли десятки тысяч детей.

Перед взором эльфа замелькали бесчисленные мертвые

миры: руины гигантских городов, опрокинутые башни, шпилями некогда достававшие до неба, стеклянные озера — там, где прежде простирались гордые города, и усеянные развалинами равнины. Искры жизни во Вселенной гасли одна за другой, пока их не осталось совсем чуть-чуть.

В правдивости видения Вандель нисколько не сомневался: Плавающий Легион оставлял за собой след из дымящихся, сожженных миров.

Легион существовал лишь ради разрушения, и принять это невероятное безумие Вандель был не в силах. Демоны не остановятся, пока не уничтожат все, а после — со всей яростью и дикостью — обратятся на самих себя, пока не останется совсем ничего. Ужас, невыразимый ужас! И что хуже всего — Вандель теперь понял, как на самом деле силен Легион. Во всех мирах не нашлось бы армии, способной его разбить.

«Теперь тебе открылась истина. Присоединяйся к нам». Снова этот голос. Он обращался к Ванделю вкрадчиво, умолял, но в нем слышался прежний голод.

— Ни за что.

Окружение снова изменилось: Вандель стоял посреди руин башни, которая некогда достигала неба. Под ногами хрустел ковер из обугленных костей. На Ванделя, исполненная решимости убить, прыгнула гончая Скверны. Он резво подхватил с земли ребро и вонзил его в грудь монстру. На этот раз убийство далось проще; Вандель как будто перенимал силу демона с каждой новой победой над ним. Он и сейчас вспорол гончей грудь и, вырвав сердце, выпил кровь, а потом сожрал плоть.

В его разум ворвалось колоссальное видение: не одна Вселенная, а бесконечное их множество, составляющее сложную фрактальную структуру, и с каждой минутой миров в этих Вселенных становилось больше — они возникали, точно по волшебству.

И всюду видны были следы Плавающего Легиона — за ним тянулась цепочка погашенных миров. С каждой победой демонов Вселенная как бы становилась меньше, новые миры не рождались. Их только становилось меньше, меньше и меньше. В каждом побывал Легион, каждый он лишил надежд и будущего, а в настоящем оставил только смерть. Вандель видел бесчисленные Азероты, бесчисленных Ванделей. Погибали все, всегда и всюду. Погибали по-разному — как и сын Ванделя, во всех возможных мирах, — и он не мог этого предотвратить.

Пылающий Легион — вечный, неуязвимый, неудержимый — огненной поступью прошелся по Вселенной, обрекая ее на вечную тьму. За армией восставали демонические тени предводителей: Архимонд — которого все считали погибшим, — Кил'джеден и, самый величественный, Саргерас, падший титан, поклявшийся некогда оберегать Вселенную и ныне разрушающий ее.

Видения продолжались, терзая рассудок, подталкивая к краю безумия. Всякий раз какая-то часть Вандея умирала, а демон и нем насыщался агонией. Вандель закрыл глаза руками, но не избавился от видений. Он крепко зажмурился, но образы по-прежнему прибывали и прибывали, и прибывали. Вандель уже не мог этого вынести.

Утопая в кошмарах, он погрузил пальцы в глазницы. Хлынула кровь, ногти вонзились в студенистую массу. Вандель потянул со всей силы, разрывая глазные мышцы и нервы, пока те не поддались. Раздался страшный чмокающий звук.

В последний момент, перед тем как Вандель погрузился в пучину ужаса, он понял: однажды это же предстало взору Иллидана. Так он стал тем, кто он есть. Предатель первым прошел по этому пути. Ритуал перекроил все существо Ванделя.

Череп пронзила обжигающая боль.

Наступила тьма.

И тишина.

Охваченный мучительной болью, Вандель проснулся. Он не мог сообразить, где находится. Не видел ничего, лишь, проблески мерцающего света. Дрожащими пальцами Вандель коснулся лица и страха его оправдались: глазницы были пусты. Он и правда вырвал себе глаза.

Ванделя вдруг обуял дикий страх. Может, он умер? Он ничего не видит... А вдруг страшный ритуал его прикончил? И теперь его душа бродит в холодной пустыне, которую он «видел во время обряда? Урывками пришли воспоминания, осколки видения, подаренных съеденным сердцем гончей. Вандель только порадовался, что не может вспомнить всего: если бы его снова накрыло волной такого ужаса, разум не выдержал бы.

Он попытался встать, но не смог — упал и ударился головой о каменный пол. Во тьме вспыхнули искорки. Мелькнула робкая надежда, что это возвращается зрение... но нет, Вандель знал: он слеп и беспомощен.

С его губ сорвался безумный смех. Он жаждал силы,

чтобы убивать демонов, а теперь даже ничего не видит. Он был полон стремления сразаться с Пылающим Легионом, однако выяснил, что враг неуязвим.

Вандель преисполнился отчаяния, а где-то в глубине его души демон пировал. Он насыщался горем, лакомился гневом.

Вандель заплакал бы, но больше не мог. В отчаянии, он накрыл пустые глазницы руками.

Глава десятая

За четыре месяца до падения

За приближением Майев бесстрастно наблюдали воины в блестящих нагрудниках и плащах с эмблемой наару, верхом на закованных в броню элекках. Они, должно быть, встречали армии куда крупней ее отряда. Во время странствий по Запределью Майев еще не попадались города больше Шаттрата; по величине он дал бы фору любой из столиц Азерота. Стены его были так высоки и широки, что за бойницами по ним могла пройти колонна запряженных копытными тележек и Майев не увидела бы их. Впрочем, из-за стен выглядывала устремленная шпилем в небо башня, а над самим городом высились горы, защищая подступы к нему с севера.

Над головами у эльфов и дрениев пролетело огромное создание и скрылось в пределах Шаттрата. Вот бы Майев в армию этих летающих скатов: оседлав их, ее воины смогут быстро и без потерь наносить удары по неприятелю.

Хотя нет, если у нее появятся такие летуны, то и у врага — тоже. Война лишь сменит поле битвы; на земле же ее воины всегда могут укрыться под сенью леса. Уж это ночные эльфы умеют лучше всех и учат тому же дрениев и Сломленных.

Не то чтобы леса Запределья стали им как дом, нет: все в этом мире было чуждо. Меж деревьев в чашах порхали отвратительные гигантские бабочки, и многие из них были порчены Скверной. Почти все здесь пропиталось злыми мистическими энергиями. Наверное, так влияло на миры вторжение Пылающего Легиона. Зато Иллидан тут прижился. Нашел все, чего так желал, обрел дом. Но ведь он больше не эльф...

Заметив на себе взгляд Аниндры, Майев стиснула зубы и поспешила избавиться от мрачных раздумий. Сделала войску знак идти к воротам. Если часовых и насторожило их прибытие, они никак не выдали беспокойства. Хладнокровно дождались, пока гости подъедут к воротам, и в последний момент преградили путь скрещенными копьями. Преграда, конечно, хлипкая, саблезуб перемахнул бы через нее без усилий, но Майев не ссориться приехала.

— С чем вы пожаловали в Шаттрат? — спросил часовой, тот, что стоял справа. Видимо, старший.

— Ищу аудиенции А'дала.

— И твоя свита — тоже? — бесстрастно поинтере-

совался воин.

— Да.

Майев надеялась, что большое количество дрениев в ее рядах сыграло ей на руку. Или же часовые на воротах просто привыкли к виду беженцев: тяжелые странствия и стычки потрепали ее отряд. Или же часовые просто были рады приезду воинов.

Они освободили путь, разомкнув украшенные флажками копья. Майев проехала в высокую каменную арку и ахнула: здесь ощущалась сила, древняя и благотворная. Ее потоки вплетались в камень, превращая его в нечто большее, чем просто барьер на пути слуг Пылающего Легиона. От башни в самом центре города исходили пульсирующие волны энергии.

— Нас осеняет Свет, — заметила Аниндра. Она тоже ощутила присутствие силы.

— Надеюсь, — ответила Майев. — Молюсь, чтобы это не было одним большим обманом.

Слишком часто зло надевало маску добродетели. Порок скрывался под покровом святости. Легковерных так просто обмануть; мысль о ловушке не выходила у Майев из головы. Она, впрочем, с недавних пор испытывала редкий соблазн сойтись с Кил'джеденом, лишь бы только убить Иллидана.

Пусть даже наару не так светлы, как кажутся, это неважно. Майев заключит с ними союз, если они помогут покарать Предателя.

Они следовали по широким улицам Шаттрата, и рекруты-дренеи, озираясь по сторонам, показывали друг другу и командирам эльфам на разные достопримечательности. Все они были наслышаны об этом величественном городе, пусть и не видели его ни разу воочию. Наверное, для дрениев Шаттрат — как Дарнас для ночных эльфов.

И хотя город был построен из камня, эльфов он тоже по-своему впечатлял. Впрочем, как и многие другие прибежища дрениев, Шаттрат напоминал скорее обжитые руины некогда могущественной столицы. Не лучше выглядело и население: оборванное, голодное. Некоторые — чаще дети — даже подходили просить милостыню. Увы, Майев ничего не могла дать попрошайкам. Отряд кормился и одевался за свой счет, каждая монета была на счету.

В городе собрались беженцы со всех концов Запределья. Под навесами у края дороги ютились Слом-

ленные; к собственному удивлению, Майев заметила даже орков. Она сама не поняла, чему удивляется, потому что привыкла сражаться с ними, — рука так и тянулась к оружию. Впрочем, куда сильнее был ее гнев, когда она увидела эльфа крови — тот пристально смотрел на нее. И заметила его не одна только Майев.

— Син'дорай! — рассердилась Аниндра. Она разделяла ненависть Майев к этим коварным созданиям. Когда Артас, воскрешая лича Кел'Тузеда, осквернил Солнечный Колодец, они утратили источник магии, и теперь их снедала неуголимая жажда вернуть тайные знания.

Губы эльфа крови изогнулись в надменной усмешке, но прямо в глаза ночным эльфам он смотреть уже не мог.

— Они достойны жалости, — сказал Сарий, шедший подле командиров в обычном своем обличии. — Их жизни искажены противоестественным устремлением к магии.

— Если бы я уподобилась им, то не смогла бы с этим жить, — призналась Аниндра.

Сарий загадочно улыбнулся.

— Некогда мы принадлежали к одному роду. Эльфы крови еще могут возродиться и снова стать родней.

Майев так и уставилась на него... Хотя чему удивляется? Друид он и есть друид. Кто знает, что творится у него в голове.

— Вряд ли они хотят возрождения, — сказала Аниндра.

— Откуда тебе знать? — спросил Сарий. — Ты с ними говорила?

— Нет. Мне было не до разговоров с теми, кто пытался меня убить, — тепло и с улыбкой ответила Аниндра. — Тебе ли не знать.

— Да, я исцелял твои раны. — Сарий тоже улыбнулся. Эти двое явно относились друг к другу с особой симпатией. Майев не возражала: лишь бы долг исполняли.

Взглядом, лишенным всякого тепла, Майев провожало еще много син'дорай. Уж не шпионы ли они, подосланные Кель'тасом, а значит, Иллиданом?

Наконец они заметили вывеску с хрустальным кубком. Из таверны доносились звуки музыки и шумного веселья. Майев и ее воины вошли во двор, и тут же к ним поспешили конюхи Сломленные. Если с элекками они управлялись довольно умело, то к саблезубам даже близко не подходили.

В этот момент на улицу вышел огромный Сломленный. При виде толпы всадников он так и выпучил глаза. Явно

уже подсчитывал в уме прибыль.

— Да благословит вас Свет, — сказал он, склоняя рогатую голову и складывая руки в подобие молитвенного жеста. — Добро пожаловать в «Хрустальный кубок». У нас есть все, чего душа пожелает.

— Надеюсь, — ответила Майев. — Арехрон высоко отзывался об Алексии и его гостеприимстве.

Улыбка Сломленного сделалась шире.

— Знаешь моего родича? Тогда втройне добро пожаловать. Нужны комнаты для всех спутников?

— Только для меня, моих офицеров и дюжины телохранителей. Остальная часть отряда встанет лагерем под стенами города.

Разочарованно поморщившись, Алексей развернулся и что-то пролаял на дренийском. Исполнять распоряжения — готовить для гостей лучшие комнаты — бросилась небольшая армия прислуги.

— Почту за честь, если составишь мне компанию в моих личных покоях, — сказал хозяин. — Уверен, нам есть о чем поговорить.

В его голосе Майев послышалась нотка нетерпения. Вестники летали между Телааром и Шаттратом периодически, и Арехрон наверняка успел оповестить корчмаря о приезде гостей.

— Благодарю за радушный прием.

Алексий проводил Майев в роскошно обставленную комнату: ковры, зеркала и множество бутылок с вином на полках. Хозяин бережно достал одну и, сдув с нее пыль, многозначительно продемонстрировал гостю. Разницы между дренийскими напитками Майев не знала и знать не хотела.

— Урожайный был год, — сказал Алексей. — Эту бутылочку закупорили за век до раскола нашего мира. Вместе с этим вином ты познаешь вкус старого Дренора.

Майев выдавила вежливую улыбку. Алексей же откупорил бутылочку и разлил вино по бокалам. Присев, он закрыл глаза и стал вдыхать аромат напитка. На лице его читалось блаженство.

— Напоминает детство, — довольным голосом произнес он.

— Ребенком ты пил вино?

— Порой: вино подавали к блюдам. Но я говорю об аромате. Он напоминает, как отец и мать преломляли хлеб с соплеменниками.

– До того, как ваш мир раскололся?

Алексий кивнул и открыл глаза.

– Да, – взгляд его светился. – Я старше, чем выгляжу.

Он улыбнулся, как бы говоря, что знает, на сколько лет он выглядит по правде.

– Ужасное, наверное, было время? – спросила Майев. Она обнаружила, что чем чаще напоминаешь дрением и Сломленным об их страданиях, тем охотнее они берутся помогать в борьбе с виновниками своих бед.

– Ты о расколе? – уточнил Алексий. По его тону Майев поняла, что «ужасное» – это еще очень мягко сказано. – Трудно подобрать нужное слово. Мы думали, что пришел конец света: небеса горели, континенты рвало на части, всюду растекалась лава. Между горными пиками метались разряды дикой магической энергии. Случалось, что вершины отрывались и улетали в небо. Случалось, что падали, погребая под собой тысячи дрениев.

– Я сталкивалась с подобным в Награнде.

– Боюсь, ты сравниваешь гальку с валуном.

– Ты был в Награнде?

Алексий кивнул.

– Иногда я навещаю Телаар по делам. В том числе по семейным.

Улыбнувшись чуть шире, он опустил ладони на стол.

– Однако ты не затем приехала, чтобы выслушивать болтовню старого корчмаря, я прав? Арехрон в письмах рассказал, что у тебя большое дело: ты ищешь способ расправиться с новым правителем Запределья, этим Иллиданом.

Говорил он тихо, словно опасаясь, что его могут подслушать даже в собственном доме. На всякий случай Майев решила последовать примеру хозяина.

– Да.

– Для такого большого предприятия у тебя очень маленькая армия.

– Ты знаешь толк в таких вещах?

– Я не всегда был старым толстым корчмарем. И воевать случалось. Правда, ни разу не доводилось выступать против столь могущественного врага, как твой.

– Я и раньше его побеждала.

– И все же он на свободе, и у него громадная армия. Всюду его шпионы. Они сулят золото за сведения о тебе... На твоём месте я бы тщательно выбирал себе-седников. И еще тщательней – темы для разговоров.

- Запомню на будущее. Я слышала, что здесь мне могут помочь. Наару, например.

- Могут, наверное, но, боюсь, им своих забот хватает.

- Спросить же не помешает?

- Не помешает. Как говорится, кто не просит, тот и не получит. — Сломленный не спешил обнадеживать Майев, но кто знает, может, у него просто такие манеры? — Рожденные из Света помогают тому, кого сочтут достойным.

- Рожденные из Света?

- Ша'тар, так переводится их имя. Это наару, привлеченные на руины Шаттрата ритуалами, которые жрецы Алдоры творили в развалинах храма.

- Арехрон говорил про Алдоров.

- И не зря. Они — служители наару и Света, принимают в свои ряды всех, кто готов противостоять Пылающему Легиону. Алдоры будут благодарны тебе за любую помощь.

- Не сомневаюсь, что они служат достойной цели, но думаю, что я лучше послужу Свету, если убью Иллидана. В Запределье он самый сильный из ставленников Легиона.

- И потому не странно ли, что он как будто бы собирает армию против них?

- А вдруг это ловушка? Или так, временные разногласия? Иллидан и прежде впадал в немилость, но всегда умудрялся заново втереться в доверие к владыкам-демонам.

- Ты, смотрю, многое знаешь о нем.

- Я стерегла его десять тысяч лет.

- Должно быть, он тебя сильно ненавидит.

- А еще, надеюсь, боится.

- В этом я не сомневаюсь, — сказал Алексей.

- Можешь устроить встречу с наару?

- Ты можешь войти в их храм и говорить с ними на Террасе Света. Они уже сейчас знают о твоём прибытии. Почувствуют заключенную в тебе силу и выслушают.

- Все так просто?

- Для тебя — да, я уверен. Твоя война с новым владыкой Запределья не осталась незамеченной.

- Ты говорил о шпионах Предателя. Это не эльфы крови?

- Возможно, однако на твоём месте я бы не спешил судить. Те син'дорай, что нашли прибежище в городе, поклялись защищать Шаттрат. Провидцы очень не жалуют тех, кто служит этому твоему Предателю. Они сами пре-

дали его.

- Правда?

- Принц Кель'гас послал их опустошить наш город. Большой отряд, лучших из лучших, умнейших — могучих магов и ученых. Алдоры приготовились обороняться, но эльфы крови сложили оружие и попросили о встрече с наару. Их командиру, Ворен'талю, было видение: только служа наару, син'дорай спасутся.

- Это могло быть уловкой.

- Так думали многие, однако наару поговорили с Ворен'талем и приняли его клятву верности. С тех пор он и его эльфы служат нашему городу.

- Притворяются.

- Наару умеют заглянуть вглубь разума того, с кем общаются. Их не так-то легко провести.

- Если кто на такое и способен, то это Кель'тас. Он очень хитер.

- Я слышу горечь в твоём голосе.

- Когда-то и я считала его союзником.

- Тревожно слышать. Тем не менее у эльфов крови с Яруса Провидцев тоже можно просить помощи.

Майев почувствовала, что краснеет от ярости.

- Я скорее обращусь к оркам Скверны.

Сломленный пригладил щупальца.

- Враг моего врага...

- Ты не первый, кто предлагает мне подобное, но союз с син'дорай — это уже чересчур.

- Жаль, ведь Провидцы — могущественные чародеи...

Алексий осекся, заметив, как Майев сжала кулак.

- Больше я на эту тему не заговорю, — пообещал он.

- Мудро с твоей стороны. — Майев ощутила укол совести. Настроив корчмаря против себя, она ничего не добьется. — Я очень ценю твою помощь. Я здесь чужая, и дружеский совет для меня просто бесценен.

- В этом мире мы все чужие, Майев Песнь Теней. Следует помогать друг другу.

- Есть еще те, у кого я могу просить помощи?

- Верховный маг Кадгар, верный союзник наару. Он вроде бы из твоего мира.

- Расскажи о нем.

- Он окружен молвой, а что из этих слухов правда — определить трудно. Кадгар — человек, один из многих, кто тем или иным путем добрался до Шаттрата. Кто-то говорит, будто он — герой, не пожалевший себя, чтобы закрыть темный портал между Азеротом и Дренором. Кто-

то — будто он бывший подмастерье Медива, Хранителя Азерота, которого подчинил Саргерас.

— Сомнительная репутация.

— Не для ша'тар.

— Зато для меня.

— Может статься, его и в городе-то нет. Я слышал, что наару отправили его в Пустоверть, расследовать какие-то непонятные происшествия.

— Ты необычно хорошо осведомлен, Алексей.

— Я ведь корчмарь. Если наш брат держит ухо востро, то многое узнает.

— Как это кстати для меня. И — да, мне очень не понравится, если ты станешь распространяться о моих делах.

— Тебя прислал мой родич, — оскорбленно напомнил Алексей. — Раскрыв твою тайну, я нарушил бы все законы кровных уз и гостеприимства.

— Разумеется. Я лишь хотела убедиться, что мы друг друга поняли.

— Ты говоришь, совсем как Арехрон. Теперь понятно, чем ты ему так приглянулась.

«Так вот она какая, Терраса Света», — подумала Майев, оглядывая необычное сооружение. Воздух внутри мерцал, звучал хрустальный перезвон. С высокого круглого потолка спускались огромные кристаллы, сияющие голубым светом. В носу пощипывало от запаха благовоний. В самом центре над массивным каменным подиумом парило сияющее создание невероятной силы. Наару. Его форма постоянно менялась, но то и дело приобретала очертания звезды.

К нему не иссякал поток молящихся — их были сотни. Тут же Майев видела жрецов из ордена Алдоров и эльфов крови в плащах с символом Провидцев — эти пристально наблюдали за ней. Не враждебно, но и не дружелюбно. Должно быть, удивлялись, зачем Майев пожаловала.

Она двинулась через толпу к центру зала, оглядываясь по пути: голоса молящихся эхом отражались от свода купола.

К наару она попала не сразу, ну да и ладно — так Майев хотя бы успела привыкнуть к ощущению благоговеющего трепета. А'дал сиял, точно плененное солнце. Высвободившись, его сила могла бы разрушить города, сравнять с землей горы. Однако полностью Майев ощутила силу наару, когда встала перед ним. Она чуть не упала

на колени; стоять старалась ровно, голову держать высоко и смотреть прямо на источник света. Создавалось ощущение, что наару читает мысли Майев, как письма на свитке. Перед ликом этого существа она чувствовала себя ребенком.

– Приветствую тебя, Страж Песнь Теней, произнес А'дал. Он излучал безмятежность. Его чистый и приятный голос доносился одновременно отовсюду и ниоткуда. Должно быть, его слова звучали прямо в голове у Майев.

– Я А'дал.

– Элуна освещает нашу встречу, – ответила Майе».

– Чем я могу тебе помочь?

– Ты знаешь, кто я?

– Да.

– Знаешь, что у меня за дело?

– Да.

– Я прибыла в Запределье в поисках Иллидана и намерена вернуть его в темницу.

– Честолюбивая цель. Иллидан провозгласил себя владыкой Запределья, и не безосновательно. Кто ты, чтобы восставать против него?

– Та, кто держала его в цепях десять тысячелетий.

– Мгновения в глазах вечности.

– Для меня это срок достаточно долгий, – грустно улыбнулась Майев.

– По меркам смертных – да.

– Но для наару – нет?

– Мы не смертные, и воспринимаем подобное иначе. У нас нет тел, мы не стареем. Мы создания Света.

– Тогда вы понимаете, что Иллидана надо остановить.

– Ты восхитительно подходишь для этого дела.

– Дела всей моей жизни.

– Вижу, и оттого мне особенно печально, что сейчас мы не можем тебе помочь.

– Что?! – сорвалось у нее с губ.

– Увы, но мы должны быть в городе и хранить его от Пылающего Легиона. Противостояние отнимает все наши силы.

– Иллидан сам служит Легиону. Война с ним только поможет.

– Пока что он противостоит Легиону, они враги, и мы пользуемся моментом, дабы накопить силы.

– Сейчас да, он воюет с демонами, пока это ему выгодно. Потом он приползет на брюхе к хозяевам, как и прежде.

- Ты ослеплена ненавистью.

- Это не ненависть. Я ищу суда — за тех, кого он убил, кого предал и кого еще убьет. Не говорите мне, что Иллидан хоть чем-то лучше Пылающего Легиона.

- Ты даже не представляешь истинную суть Легиона, Страж.

- А вы — представляете?

- Мы боремся с ним давно, в тысячу раз дольше, чем ты прожила. И будем бороться до самого конца миров.

- Для правосудия над Иллиданом красивых речей мне недостаточно.

- К несчастью, кроме слов у меня для тебя нет ничего. Найди свой путь. Пусть ты еще не видишь, но здесь у тебя есть союзники. Ищи — и обретешь их. С тобой желает говорить главный магистр Провидцев.

- Эльф крови?

- Вы сородичи.

- Син'дорай мне не родня. Они давно отвернулись от моего народа, у нас нет ничего общего.

- Разве что враг.

- Я не желаю иметь ничего общего с этими еретиками.

- Выбирать тебе.

Майев едва сдерживала ярость. Поклонившись, она резко развернулась и ушла, не дожидаться, пока А'дал попрощается. Эльфы крови заохали, чем немного порадовали Майев. Но тут ей наперерез двинулся высокий эльф в плаще с эмблемой Провидца. Скорей всего, тот самый, о ком говорил Адал. Майев прошла мимо, не дав ему и рта раскрыть.

Кое-чем она никогда не поступится: есть те, с кем никогда не заключит союз. Даже против Предателя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

За четыре месяца до падения

Вандель со стоном поднялся и сел. Голова закружилась, и он раскинул руки, пытаясь удержать равновесие. Стало только хуже. Вандель рухнул на жесткий пол и ударился головой. Ощупал влажный лоб — он снова поранился. В волосах запеклась кровь.

Ванделя согнуло в сухом рвотном позыве. Мясо демона рвалось наружу. От этой мысли сделалось дурно, и в то же время потекли слюни.

Кругом раздавались крики, стоны, лепет. Иногда Вандель узнавал голоса, а иногда они казались ему плодом воображения — будто его заперли в преисподней, которую он сам себе и устроил. Воняло отмирающей плотью, гноем, телесными отходами.

Время от времени мимо цокали копыта Сломленных: прислуга прибиралась в казармах, обмывала больных. Дважды они приходили к Ванделю, а он пытался прогнать их. Ему лишь хотелось, чтобы его оставили в покое.

В темноте перед ним извивались цветные светящиеся черви. Сперва они внушали надежду, что это возвращается зрение, но потом Вандель убедился: это разум играет с ним злую шутку.

— Расколотая луна, демоническая луна, кровавая луна! — Он знал этот голос, но откуда? — Демоны наступают. Наступает демон.

Захлопали кожистые крылья, Ванделя обдало ветерком.

— Встать, — скомандовал Иллидан. — Ты достаточно отдохнул.

После ритуала Иллидана Вандель больше не слышал, и вот, наконец, он явился.

— Зачем? — спросил Вандель, криво усмехнувшись. — Я ведь ничего не вижу.

— Когда-то и я так думал, а ныне вижу Вселенную до самого края, до конца. Он ближе, чем думают многие. Смысл мрачной шутки Вандель уловил; он видел победоносное и разрушительное шествие Легиона по мирам.

— Знаю.

— Тогда ты понимаешь, с чем мы боремся. И ради чего. — Эта его самоуверенность, дерзость возмущала.

При появлении Иллидана частица демона в душе встрепенулась; она была голодна. Придав Ванделю сил, она заставила его спросить;

– Как можно сражаться с тем, что я видел? Это же невозможно.

«Невозможно, невозможно, невозможно», – зашептал голос в голове, по-прежнему напоминающий его собственный, только исполненный ненависти. Гончая Скверны срасталась с душой Ванделя, внедрилась в его разум, воспоминания.

– Молчать

Иллидан повел крыльями. Он понял, к кому на самом деле обращается Вандель.

– Мы должны биться. К ногам Легиона пали бесчисленные миры, и наш – если мы не восстанем – следующий.

В голове завертелись обрывки видений о катастрофе: горящие миры, гибнущие цивилизации, триумф Легиона – неотвратимый, как смерть. Голос в голове захихикал.

– Молчать, – повторил Вандель, но тщетно.

– Встань, – приказал Иллидан, и Вандель не смог ослушаться. Даже паразит в голове пришел в ужас. Эльф вскочил на ноги и покачнулся. Желудок снова скрутило, мир вокруг завращался. В плечо вцепилась, помогая стоять ровно, когтистая рука. Мерцающие червячки расползлись от нее в стороны.

– Я ничего не вижу, – пожаловался Вандель.

– Ты видишь все.

Ванделя повело еще сильнее. Кругом мерцали огоньки.

В гневе он попытался ударить их, но они разлетелись в разные стороны. Они были всюду: кружили в воздухе, покрывали предметы. Рядом из клубов этого болезненно-зеленого тумана слышались стоны – это метался в горячке еще один эльф.

Сам Иллидан представал как столп света. Сияющая крылатая фигура.

– Ты обманул меня, Предатель. Обещал силу, чтобы драться с демонами, возмездие за гибель семьи. – Пылающий, как аура Иллидана, гнев придавал сил. Во рту чувствовался привкус желчи. Вандель хотел наброситься на Предателя, колотить его, пока не затрещат кости черепа. Потом выпить его кровь, сожрать сердце – и получить силу, огонь которой горел перед Ванделем.

Голова больше не кружилась, движения давались легко. Вот бы сейчас охотничий нож...

– Ты получил обещанное, и даже больше. – Аура Иллидана сместилась в сторону. Вандель повернул голову следом и понял, что аура – это и есть Иллидан. Гнев от

этого не угас, напротив – Вандель исполнился досады. Хотелось рвать и резать. Вандель до крови закусил губу. Он убьет Предателя. Займет его место.

Он прыгнул на Иллидана, занося кулак. Раздался шелест. Рука скользнула по кожистой поверхности, задела кость... А через миг Ванделя сбilo с ног. Покатившись, он врезался в извивающийся на полу сгусток света. Ощутил прикосновение плоти, услышал стон.

Сомнений не осталось: теперь он так видит мир.

Потянув носом воздух, Вандель услышал запах грязных повязок, пота и вонь демона, от которой начало тошнить и одновременно разгорелся голод. Вандель метнулся вперед, вонзил зубы в руку другого эльфа, но тут его схватили за загривок, как котенка саблезуба.

– Довольно, – сказал Иллидан. – Учись управлять тем, что внутри тебя, иначе оно станет управлять тобой.

Разозлившись, Вандель попытался ударить его локтем, и вновь его швырнули в сторону, через весь зал. В ушах засвистело; холодную стену Вандель успел почувствовать еще на расстоянии, а ударившись, быстро вскочил на ноги. Столкновение почти не причинило боли.

Предатель не давал поживиться добычей, и Вандель подобрался, готовясь к прыжку. Аура Иллидана сделалась ярче, желтовато-зеленое свечение усилилось; когда Предатель двигался, окружающие его мотыльки-искорки вихрились, принимая новые причудливые формы. Это были частицы Скверны, влекомые к Иллидану, послушные его воле. Вот из пальца Иллидана вылетел сгусток искорок и ударил Ванделя в грудь. Сила утекла, как вино – из перевернутого кубка. Вернулось головокружение, только уже сильнее, в тысячу раз. Вандель рухнул к ногам Предателя; гнев улетучился.

Вандель вновь почувствовал себя прежним. Правда, теперь он понял, что видел, и что с ним случилось.

– Демон, которого я сожрал... он все еще во мне, так?

– Да, – ответил Иллидан, – и хочет на свободу.

– Как мне управлять им?

– Сегодня ты сделаешь первый шаг на этом пути. Следуй за мной.

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем ты здесь? Зачем помогаешь мне?

– Ты знаешь, кто истинный враг, и у тебя задатки великого охотника на демонов. Я видел это в тот день, когда сгорела твоя деревня. Вижу это сейчас. Вскоре мне пригодятся бойцы вроде тебя.

Превозмогая слабость и головокружение, Вандель поднялся на ноги. Его настоящие враги – несметные полчища Пылающего Легиона, и даже в эти мгновения они готовятся напасть на его родной мир.

Вандель постоял немного, пытаясь успокоить мысли. Прислушался к внутреннему голосу, но ничего не услышал. Впрочем, это еще ничего не значило: демон сидит внутри него и не раз попытается вырваться на свободу.

Вандель теперь видел потоки и волны энергий. Видел ауры живых существ – какие-то светили ярче других, какие-то лучились энергией. Но самая яркая аура принадлежала тому, кто стоял рядом.

– Так вот как ты видишь мир?

– И так – тоже. Твой разум со временем приспособится: сейчас он учится по-новому понимать, что и как ты видишь. Придет время, и ты снова узришь привычный мир, по-старому. Это видение ограничено, однако разум тяготеет к знакомому.

– То есть ты можешь видеть мир, каким я вижу его сейчас, и таким, каким я видел его прежде?

– Верно. Но и у этих двух способов видения есть оттенки.

Вандель попытался воспроизвести в голове обычный образ Иллидана, и перед его взором медленно проступил нелепый и кривой, похожий на детские рисунки на земле, Предатель.

– Это как управлять магией, – зашевелились его земляные губы. – Учишься чувствовать потоки силы. Учишься ощущать души живых и неживых.

Они приблизились к дверному проему: Вандель догадался об этом по ощущению провала в стене, тогда как всюду чувствовался камень. Еще он уловил присутствие живых существ; они излучали силу, они ждали чего-то. Иллидан подтолкнул Ванделя вперед, и он ударился обо что-то, похожее на кромку стола.

– Ложись.

– Зачем? – спросил Вандель.

– Сейчас тебе нанесут первую метку.

Вандель ощупал деревянную крышку стола. Он только сейчас понял, что прежде совсем не пользовался осяза-

нием, зато теперь ощущал каждое волокно, каждую щепку и сучок. Он мог сказать, где плотник не до конца отпилировал дерево... Все чувства, кроме зрения, заметно обострились.

Вандель лег на стол, и его пристегнули кожаными ремнями. Он было запаниковал, и чувство опасности усилилось, когда аура одного из стоящих неподалеку вспыхнула.

– Когда-нибудь ты научишься сам делать себе татуировки, однако сейчас доверься мастеру, – сказал Иллидан. – Лежи смирно, будет больно.

Татуировщик склонился над Ванделем и ввел ему под кожу нечто настолько горячее, что оно казалось холодным. Или же, напротив, настолько холодное, что оно обжигало. Когда иглу вытаскивали, ощущение было такое, будто вынимают кинжал из раны. Вандель с трудом сдерживал крик.

«Нет, нет, нет», – затараторил голос в голове, сообщая свой страх Ванделю.

Ловушка! Над ним свершают злой обряд!

Игла снова вошла под кожу. Тело взорвалось болью, хуже которой Вандель не испытывал с тех пор, как вырвал себе глаза. Он заметался, но ремни держали крепко. Сильные руки прижали его к столу.

Игла вонзалась в плоть снова, снова и снова, и каждый раз было мучительно больно. Каждый раз из Ванделя словно вытягивали силу, а голос в голове становился все тише и тише.

Вандель умирал, эта магия его губила. Он сыпал проклятьями и угрозами, молил о пощаде, но боль не проходила. В конце концов Вандель сдался и обмяк, а татуировщик продолжал свою работу.

Когда ремни сняли, Вандель с трудом сумел подняться. Гнев и страх притупились; впервые за много дней он ощутил себя прежним. Он почти не видел сияния аур: Ванделя будто опоили неким ядом, лишив новообретенных способностей.

– Хорошо, что все закончилось, – пробормотал он.

– Худшее еще впереди, – ответил Иллидан.

Сидя в келье, Вандель слышал, как во дворе внизу обучаются фехтованию. Еще новички? Такие же, как он? Глупцы, поверившие обещаниям Иллидана?

Хорошо было убраться из поганных казарм и устроиться в собственной келье. Ванделя отвели сюда сразу же после того, как ему нанесли первую метку. После обряда

он оправлялся целый день. Теперь эльф лежал на кровати и, ощупывая пустые глазницы, радовался тишине и одиночеству. Радовался, что не видит кругом чужих аур.

Глаз он лишился навсегда, а когда рядом не было ни души, было проще убедить себя, что ауры только мерещились. Возможно, ему вообще все приснилось?

Однако грубые простыни говорили об обратном: Вандель ослеп. Сам ослепил себя, лишь бы не видеть ужасных картин, правды: Вселенная обречена, как его близкие. Никто не сможет победить Пылающий Легион, а на пути его становятся лишь глупцы вроде Предателя.

Легко обмануть себя, сидя в стенах крепости вроде Черного Храма, в окружении огромной армии. Истина же в том, что никто не спасется, нигде не безопасно. Один удар Пылающего Легиона — и Черный Храм падет, как песочный замок под пятой великана. И те воины, что сейчас упражняются во дворе с оружием, погибнут, когда повелители ужаса придут за причитающимся Легиону. В конце концов Саргерас, — титан, способный уничтожить Вселенную, — победит. Вандель первым узрел истину.

Постойте, откуда это знание? Ванделю было видение о падшем титане. Должно быть, во время ритуала ему передалась какая-то часть знаний Иллидана — того, что некогда, преобразаясь, Предатель увидел сам. Иногда Вандель просто не мог управлять собственными мыслями.

Татуировки сдерживали демона, не давали ему освободиться. Вандель провел пальцами вдоль магических линий, что уродовали его тело. Наткнулся на нечто холодное и твердое.

Кусок металла? Нет, он врос в кожу. И на лице то же самое... Плоть Ванделя менялась! Он похолодел от ужаса. Ощупал собственные руки, и постепенно до него дошло: кровь демона, попав ему на кожу, изменила ее. В этих местах выросли чешуйки.

Возможно, это лишь начало. Раньше, пока Вандель лежал с другими прошедшими ритуал, с кожей еще ничего не происходило. Наверное, это первая стадия мутации. Кто знает, вдруг Вандель превращается в демона?

Не исключено. В конце концов, он даже не представляет, что с ним сотворили. Иллидан запросто соврет, если ему это выгодно. Преображение началось, когда демона заперли внутри Ванделя при помощи татуировок; однако еще этим утром, когда эльф проснулся, чешуи не было. Похоже, демон, не в силах добраться до разума, стал менять его тело.

Вандель потер ладони, ощупал кончики пальцев. Ногти выросли, стали острее и плотнее, словно когти у гепарда.

Десны болели. Вандель ощупал зубы... так и есть, клыки увеличились.

На него напало глубокое отчаяние: он искал силы, чтобы истреблять демонов, а вместо этого сам становился одним из них. Одним из тех, кого ненавидел. Скоро, наверное, отправится убивать детей эльфов. Демон передал ему свой гнев, и Вандель теперь понимал противоестественную силу чудовища. Да кто он такой, что попытался забрать ее?

Лучше, пока не поздно, убить себя. Вандель сел на кровати и потянулся к столику: тут лежали его рунный кинжал и амулет, сделанный для погибшего сына. Что подумал бы Хариэль, застань он сейчас отца? Мальчик увидел бы только монстра, создание, которое скоро станет существом, убившим его.

Вандель принялся убеждать себя, что это не его мысли, что у него помутился рассудок. Что это, наверное, из-за татуировки.

«Нет, впервые за долгое время ты ясно видишь. Видишь себя настоящего. Пустой сосуд, позволивший обратить себя в то, что он ненавидит, в тщетной попытке отомстить. Иллидан безумец, и ты тоже безумен».

С этим не поспоришь. Вандель давно уже повредился рассудком и вот получил этому доказательства.

Теперь он возненавидел себя самого. Вандель схватил нож и проверил остроту на пальце: магия не позволила лезвию затупиться. Вандель ввел острие под одну из чешуек и скovyрнул ее. Боль придала сил. Вандель все уберет, все; остановит обращение, как хирург, который останавливает гангрену, срезая загнившую плоть.

Вандель скovyривал и скovyривал чешуйки вместе с кожей. Лишь ощутив головокружение и слабость, он понял, что теряет слишком много крови. Что может умереть прямо тут, в келье.

В голове раздался смех. Выходит, демон не так уж и скован и уж точно не слаб. Он нападает исподволь, искажая мысли, играя с чувствами: заставляет Ванделя думать о самом мрачном, ненавидеть себя. От него не скроешь ничего, даже самое потаенное, — потому, что демон сам стал Ванделем.

Он резко выпрямился, и демон сразу умолк, будто осознав ошибку. Охотник, шатаясь, направился к выходу.

Из-за крови босые ступни липли к полу. Молясь, чтобы дверь была не заперта, Вандель всем весом навалился на нее и чуть не выпал в коридор. Ноги подкашивались, и он шел, скользя пальцами по стенам.

– Еще один! – раздался чей-то крик. – Зовите Акаму! Вандель потерял сознание.

Придя в себя, он ощутил присутствие магической силы. Ее токи принесли облегчение; порезы на теле покалывало, было почти что приятно. Кто-то склонился над Ванделем – кто-то, от кого пахло Сломленным. Его аура сияла, напитанная магией.

– Ты Акама? – хрипло спросил эльф.

– Да. А ты – Вандель. – Сломленный не спрашивал, он утверждал. – Ты явно впечатлил владыку Иллидана. Он лично просил приглядеть за тобой.

– Ты лекарь?

– Да. Всеми силами помогаю больным и раненым.

– А я болен или ранен?

– И то, и то... отчасти. Еще я чувствую в тебе присутствие чего-то мерзкого.

– Что бы это ни было, спасибо за помощь.

– На здоровье. Тебе, кстати, повезло, что стражи вовремя тебя нашли. За последние два дня ты пятый из рекрутов, кто пытался покончить с собой. Другие четверо не выжили.

– Я не пытался наложить на себя руки.

– Тогда как это назвать? Ты сам себя искромсал ножом. Умер бы от потери крови, если бы задел артерию. Что это, если не самоубийство?

Судя по тону голоса лекаря, спрашивал он не из праздного любопытства, и Вандель насторожился.

– Ты не знаешь?

– Мне только известно, что владыка Иллидан отправляет вашего брата – немалым числом – во внутренний двор храма, но возвращаются немногие. Да и тех уже не узнать. Если владыка намерен сколотить армию, то способ он выбрал довольно странный: убивая рекрутов, ряды бойцов не пополнишь.

– Если не знаешь, что творится, то лучше, наверное, и не спрашивать. У владыки Иллидана свои мотивы. Он поделится ими с тобой, если сочтет необходимым.

– Как скажешь, ответил Акама, поцокав языком. Под сводами этого храма происходит много всего, чем лучше не интересоваться.

И словно в подтверждение его слов, откуда-то из подземелий донесся оглушительный рев, от которого, казалось, задрожали камни.

– Еще одно чудовище, посаженное на цепь охранить храм, сказал Акама.

Однако Вандель его уже не слушал. Еще четверо покончили с собой после ритуала. Вандель припомнил слова Иллидана: обращение переживает меньше одного из пяти новобранцев. Выходит, Предатель имел в виду не только ритуал, но еще и то, что ожидало претендентов после.

Худшее и впрямь было еще впереди.

Глава двенадцатая

За четыре месяца по падения

Иллидан вошел в зал совета. Следом за ним, точно верный пес, семенил Акама. Он старательно изображал преданного слугу. «Наверное, — думал Иллидан, — Сломленный опасается, что за ним следят эльфы Вераса Глубокого Мрака». В последнее время Акама стал часто отлучаться из Черного Храма. Возможно, Верас просто хотел очернить соперника в глазах владыки, однако донос пробудил любопытство.

На Предателя взирали со страхом. Пылающий Легион нанес ощутимый урон: от принца Кель'таса давно уже не было вестей — с тех пор, как он отправился в Пустоверть во главе экспедиционного отряда. Присутствующие понимали: война идет не слишком-то гладко, и потому опасались гнева Иллидана. И ладно, все хорошо, пока число охотников на демонов растет.

Иллидан прошел к столу-карте. На нем драгоценными камнями было обозначено с дюжину мест — порталы демонов. Они сверкали, похожие на чумные фурункулы на лице мира: Награнд, полуостров Адского Пламени, Пустоверть и Острогорье. В каждой провинции было хотя бы по одному переходу.

— Отметки обозначают новые лагеря Легиона, владыка Иллидан, — протараторил Гатиос Изувер. При виде Иллидана он вскочил с резного кресла и вытянулся в струнку. — Пылающий Легион закрепился в этих местах. Я подготовил план нападения, чтобы отбросить демонов назад.

— Правда, Гатиос? — обманчиво мягким тоном спросил Иллидан. — И как же ты намерен их отбросить? В каждом из таких лагерей имеется портал, и демоны могут с легкостью получить подкрепление.

— Владыка Иллидан, с твоей помощью мы заперли портал Магтеридона. Запрет и эти.

Иллидан присмотрелся к карте.

— Стоит нам закрыть транспортер, как откроется новый. Кил'дженден может призвать почти неограниченное число демонов. Он с нами играет.

Леди Маланда нервно рассмеялась. Должно быть, не этих слов она ждала от Иллидана.

— Ты поведешь нас к победе, владыка. Я всецело тебе доверяю. Если новые солдаты, которых ты создаешь, столь же сильны, как и Варедис, Нетариель или Аландиен, мы обязательно устроим демонам резню.

Иллидан обернулся. Откуда ей столько известно об охотниках на демонов? Наверное, шпионит за ними. Определенно. Весь совет за ними приглядывает. Им интересно все, что способно сместить баланс сил в Черном Храме, ведь это и их коснется. Однако много ли сумела вывести Маланда? Охотники на демонов — ключевой элемент плана Иллидана, как нанести Легиону ответный удар. Тайна здесь решает все. Нельзя рисковать, нельзя, чтобы натрезимы узнали о планах Иллидана, пока он не будет готов. Он вроде никому не раскрыл своих конечных целей, но мог случайно сболтнуть лишнего. Пытливому уму Маланды хватит и мелочи, чтобы выстроить целую картину.

Жаль, тут нет леди Вайш. Она хотя бы прямолинейна, ее легко понять, и еще она беззаветно предана Иллидану. Увы, сейчас она в Зангаргопи, руководит осушением болот. Иллидан задумал завладеть всей водой Запределья. Жажда — мощное оружие. Устроив засуху в Запределье, Иллидан сможет управлять всеми его народами.

Предатель перевел взгляд на Вераса.

— Твои посланники узнали что-нибудь о судьбе Кель'таса?
— Верас мотнул головой.

— Нашлось только место его последней стоянки, и все.

— И все?

— Ничего значительного, владыка: кострища, отходы... не более.

— Никаких следов борьбы?

— Совсем никаких, владыка. Принц как будто ушел через портал и не желает быть найденным.

Верас намекал на то, что Кель'тас затеял предательство, и Иллидан такой возможности не исключал. В день, когда пал Черный Храм, Кил'джеден особенно заинтересовался принцем эльфов крови. Видимо, Искушитель пытается посеять семя раздора среди союзников. Или он пошел дальше, однако сейчас не время говорить об этом. Если Кель'тас и правда переметнется, он мог оставить шпионов, и пока нельзя вызывать у них подозрений.

— Не будем делать поспешных выводов, Верас. Продолжайте искать Кель'таса.

— Как прикажешь, владыка, — ответил Верас. — Мы найдем его.

Тут он стрельнул взглядом в сторону Акамы. Хотел, наверное, сказать еще что-то, наедине, но Иллидан произнес:

— Все свободны. Кроме тебя, Глубокий Мрак. Мне надо по-толковать с тобой о том, где может находиться Майев Песнь Теней.

Прочие члены совета удалились. Акама задержался в дверях, словно вспомнил о чем-то важном, но передумал говорить и вышел.

На лифте Майев поднималась на Возвышенность Алдоров. Подъемник представлял собой невысокую плоскую платформу: никаких механизмов, она словно двигалась сама по себе. Тут явно действовала мощная магия. Ночной саблезуб Майев старался держаться подальше от края и рычал. Чувство равновесия у огромной кошки было развито отменно, однако riskовать она все равно не собиралась.

С высоты открывался потрясающий вид на город: крыши домов, величественная башня, в которой разместилась Терраса Света. Она была столь высока, что чуть не касалась неба. Внутри Майев ощущала силу наару, и ее злость брала оттого, что эти существа отказали в помощи. С ними она скорее бы свершила суд над Иллиданом.

Рядом с лифтом парил в облинии буревестника Сарий. Майев узнала его по приметному оперению. Друид собрался понаблюдать за встречами. Майев, конечно, не ожидала от Алдоров подлости, но и целиком им тоже не доверяла. Иногда предательство настигает в самых неожиданных местах.

— Говорят, — сказала Аниндра, — Сломленные порой поднимаются на этом лифте, просто чтобы сброситься вниз. Как могут часовые такое допустить?

— Может, с их стороны это жест милосердия? — ответила Майев.

Она подумывала взять с собой побольше Стражей. На Возвышенности они окажутся в меньшинстве, но с большей свитой Майев продемонстрирует собственную важность. Впрочем, по здравому размышлению, она решила отправиться на встречу с Алдорами как проситель.

Наконец подъемник плавно остановился. Майев напоследок глянула на город и подумала о тех несчастных Сломленных, что кидались вниз на его мостовые.

Вверху парило еще два островка: они напоминали изваяния в стиле дренейской архитектуры и светились огнями, так чтобы ни в кого не осталось сомнений в их магическом происхождении. От посетителей явно ждали восторгов и восхищений.

Стены построек на вершине были унижены огромными кристаллами, свет которых был виден по ночам в небе над городом — как напоминание всем о чистоте Алдоров и Света, которому они служат.

Майев фыркнула.

Ее приветствовали стражи Алдоры в тяжелой броне и пурпурных плащах. Враждебности они не выказывали, но сразу дали Майев понять, что за каждым ее шагом следят. Когда она представилась и сказала, зачем пришла, ее проводили к Источнику Бесконечного Света.

Навстречу Майев вышла высокая и красивая дрениейка в бело-голубой мантии. Майев в знак почтения поклонилась.

— Да благословит тебя Свет, Страж Песнь Теней, — приветствовала ее дрениейка. — Я Ишана, верховная жрица Алдоров. Мне передали, что ты желаешь поговорить.

В ее голосе Майев уловила тонкую нотку враждебности.

— Я пришла просить помощи у тех, кто следует за Светом.

— Мне также передали, что за тобой уже следует некоторое количество таковых.

— Я говорю об Алдорах.

— Ты ищешь смерти того, кого называют Предателем?

— Или его заключения.

— Для чего?

Майев так и открыла рот от удивления.

— Он — воплощенное зло.

— Мы не можем позволить себе штурм Черного Храма. Сил хватает лишь удерживать эти земли, к тому же служим мы иным целям.

Майев пригляделась к богатой мантии Ишаны, потом ее взгляд скользнул по прекрасному убранству святыни.

— Вижу.

— Не все должны ступать во тьму, чтобы бороться с ней.

— Иногда, не замаравшись, зла не победишь.

— А иногда, замаравшись, сам становишься злом. — В улыбке Ишаны Майев разглядела насмешку. — Служить Свету можно лишь с чистым сердцем.

— По-твоему, мое сердце не чисто? — закипая от гнева, спросила Майев.

— По-моему, ты делаешь то, во что веришь.

Майев нахмурилась: неужели есть разница?

— А верю я в правое дело.

— Не сомневаюсь. Не сомневаюсь.

— Ты не поможешь мне?

— Сейчас не могу.

— Не можешь или не хочешь?

– Твоя война – не единственная, Страж. Есть и другие, более важные.

– Нет ничего важней, чем свергнуть Иллидана.

– Для тебя – может, и нет. У нас, Алдоров, другие задачи и ограниченные ресурсы. Нам нужно время на восстановление сил.

Майев недоумевала: почему так трудно убедить жителей Запределья, что ее миссия невероятно важна?!

В грудь кольнуло. Это ожил камешек, оставленный Акамой. Странно, в это время они обычно не встречались с Майев. Должно быть, произошло нечто важное. И может, это даже к лучшему: Майев не собиралась больше препираться с Ишаной. Все равно без толку.

– Благодарю, что уделила мне время, – сказала она. – И прошу дозволения идти.

Не дожидаясь, впрочем, официального разрешения, Майев развернулась и, сопровождаемая Аниндрой, направилась к лифту.

Нужно было уединиться в укромном месте, чтобы поговорить с Акамой. Майев надеялась, что проку от него будет больше, чем от Алдоров.

С каждым днем народу на улицах Шаттрата прибавлялось: все больше жителей Запределья бежало от войны Иллидана за господство над миром и от последствий его поражений в схватках с Легионом. Беженцы верили, что ша'тар защитят их – они были единственными, кому до сих пор удавалось противостоять как демонам, так и натиску Предателя.

Обернувшись, Майев увидела, как следом та ней торопится эльфийка крови: на голове капюшон, нижнюю половину лица скрывает шарф. Вроде бы Майев ее где-то видела... Может, это шпион? Неважно: Сарий смешался с толпой и прикрывает тылы. Возможно, в одну из ближайших ночей Майев прикажет ему схватить кого-нибудь из тех, кто следует за ней попятам. А пока у нее есть дела поважнее.

Когда она вошла в Убежище Сломленных, некоторые из калек глянули на нее поверх чашек с кислым разбавленным вином; прочие продолжали слепо пялиться в потолок. Пахло дешевым табаком и немытыми телами. Майев сразу прошла в комнату, где до этого встречалась с Акамой, и не удивилась, застав его на месте. У двери стояло два стражника из числа пеплоустов-телохранителей. Они без вопросов открыли перед Майев дверь.

При виде главы Стражей Сломленный встал и поклонился. Ну, хотя бы этот выказывает какое-то почтение. За прошед-

шие годы они с Майев научились худо-бедно понимать друг друга.

Майев кивнула, принимая поклон.

– Какие новости? – спросила она, ожидая чего-то получше, чем известия о крохотной победе Иллидана над Легионом, о которой Акама сообщил в прошлый раз.

– Новости отличные, – произнес Акама, и его возбуждение передалось Майев. – Принц Кель'тас пропал вместе с частью своих войск. Похоже, он бросил Предателя.

Майев не сдержала победной улыбки.

– Если так, то Иллидан лишился одной из важнейших опор. – Она сделала красноречивую паузу. В прошлом Акама отказывался помогать ей, потому что Иллидана поддерживали Кель'тас и леди Вайш.

Впрочем, улыбка Акамы быстро угасла.

– Однако Иллидан, возможно, нашел иной источник силы.

Майев похолодела. Должно быть, Предатель затеял новый обман, с него станется.

– Что за источник?

– Я не уверен и потому решил посоветоваться с тобой. Этих солдат Иллидан набирает целиком из твоего народа...

– Моего народа?

– Это эльфы. Отчаянные, беспощадные эльфы, закаленные бойцы, которых объединяет ненависть и жажда мести Пылающему Легиону. Иллидан берет их и убивает.

– Что?!

– Насыщает Скверной. Большая часть эльфов гибнет во время ритуала, а те, кому посчастливилось выжить, меняются – и совсем не в лучшую сторону.

– Как это понимать?

– Их тела напитываются злой силой, и в них зарождается нечто демоническое.

Лицо Майев исказилось гримасой ужаса.

– Он обращает эльфов в демонов?

– Если я верно понимаю, то Предатель уподобляет их себе. Творит над ними обряд, потом их помечают татуировками. Мои шпионы доносят, что Предатель обучает новеньких владению магией. И все это происходит в закрытых частях храма, куда никто больше не ходит.

«Какую еще мерзость задумал Иллидан? – Зная Предателя, ничего хорошего Майев не ждала.

– Разузнай об этом побольше.

– Я стараюсь, как могу, но это тяжело и опасно. Предатель сильно постарался, чтобы утаить истинную цель создания новой армии. Если я стану интересоваться новыми солда-

тами, меня могут раскрыть. А если Иллидан узнает о нашем союзе, мне грозит нечто по страшнее смерти. Действовать надо очень осторожно.

– Осторожно, осторожно... Только об осторожности от тебя и слышу.

– Тебе легко говорить. Если что-то пойдет не так, гнев Предателя падет на меня. За мной и так уже следят. — Акама хрипло вздохнул. — Ты не представляешь, каково это: всякий раз, как я покидаю храм Карабор, приходится лгать Иллидану. Искать предлоги... А он каждый раз задает все больше вопросов. По-моему, он что-то подозревает...

И правда, в своей поспешности Майев рисковала выбрать неверный путь. Акама же боялся, и не без причины... Сделав глубокий вдох, он заговорил снова, уже спокойнее:

– Татуированные бойцы и прежде появлялись в храме, но их видели по одному, по двое, и никогда они не задерживались надолго. Теперь Иллидан собирает их в стенах Карабора, создает их больше и больше.

– Те первые — скорее всего, лишь плоды опытов. На них Иллидан только пробовал магию, превращающую эльфов в демонов.

– И я так подумал. Теперь же этих обращенных больше, намного больше. Создавая солдат, Иллидан швыряется их жизнями, точно пьяный наемник — кровавым серебром. Из десяти эльфов сокрытые дворы покидает в лучшем случае один.

Услышав об исчезновении Кель'таса, Майев порадовалась, но вот сейчас от доброго настроения не осталось и следа. В глубине души Майев знала: Иллидан затеял новое черное коварство.

– Мне это совсем не нравится, — сказала она.

Акама пожал плечами.

– Новые создания обладают большой силой. Мне приходилось лечить их — и я чувствовал в них мощную темную энергию. Должно быть, Иллидан рассчитывает с помощью армии мутантов изменить расклад сил в свою пользу.

– Такое возможно?

– Он хочет создать сотни таких существ, если не тысячи. И если все они окажутся столь же сильны, как их предшественники, то это и впрямь изменит расклад. Пока что я знаю одно: Предатель спешно собирает всех эльфов. Неважно, что он задумал — время на исходе.

– Для него — да, — ответила Майев, пытаясь вернуть себе прежнее расположение духа. — Если Кель'тас больше не поддерживает Иллидана, есть шанс свергнуть тирана.

- Согласен. Я вернусь в храм Карабор и начну приготовления. Если хотим действовать, то следует поторопиться, пока не готова армия полудемонов.

Ну наконец-то, Сломленный решился действовать. Похоже, не один Предатель чувствовал, что время выходит.

Акама через портал перешел в храм Карабор. Пусть святиня и была осквернена, он будто вернулся домой. Акама потер ладони, глубоко вздохнул и постарался прогнать чувство тревоги.

Споры с Майев выматывали. Стража переполняли гнев и ненависть, а еще решимость поквитаться с Иллиданом. Она сама не замечала, что превратилась в его зеркальное отражение.

Сломленный поспешил коридорами храма к себе в покои. По пути один из жутких безглазых солдат обернулся и проводил его «взглядом». Акаме всегда становилось не по себе, когда эти мнимые слепые следили за ним.

Храм гудел: туда-сюда ходили строем солдаты, маги плели защитные заклинания. Оборону храма укрепляли денно и нощно.

Когда Акама достиг прибежища своего племени, стражник сделал ему предупредительный жест. Входя в покои, Сломленный, понял, в чем дело: его дожидался Иллидан. Предатель держал в руке драгоценную хрустальную статуэтку, которую Акама с таким трудом уберег. Предатель вертел ее и так и этак, разглядывая на свет, словно видел в ее сверкающих гранях свое отражение.

Не оборачиваясь, Иллидан произнес:

- А, Акама. Тебя сегодня нелегко найти.

Прежде это замечание вызвало бы у Акамы смятение, однако вождь пеплоустов привык к этой уловке хозяина.

- Я навестил Прибежище Оребор. Там хорошо думается, а мне было о чем поразмыслить.

- Что-то ты зачастил туда в последние несколько лет.

У Акамы внутри все сжалось. Предатель заподозрил неладное? Разгадал измену?

Рука Иллидана легла Акаме на плечо, когти легонько впились в ткань туники.

- Пройдем со мной в Трапезную. Мы давненько не беседовали. Заодно расскажешь об этих своих прогулках.

Твердой рукой он направил пеплоуста к выходу и повел в Святилище Теней. Там уже построились демоны. С высоких почерневших столпов свисали толстые цепи. Акама взирал на них как на предвестников рока.

А вскоре из Трапезной раздались вопли, как будто из кого-то выдирали душу.

Глава тринадцатая

За три месяца до падения

Вандель прыгнул сквозь пылающее кольцо, перекатился, поднырнул под лезвие — оно прошло всего в волоске над ним, — поднялся и перемахнул через яму с огнем. Снова пришел первым; миновал полосу препятствий, не получив и царапинки.

Сразу за ним пришла Циана — она даже не запыхалась. Циана улыбнулась, хотя победа Ванделя и уязвила ее гордыню. Третьим был Раваэль, гибкий и быстрый. Следом, по одному, подтянулись и остальные.

За прошедшие после ритуала недели случилось много потерь: Мавелит, Селедан и Истет сбросились со стен, не вынесли того, кем они стали. Но если Мавелит и Селедан с каждым днем становились только страшней и уродливей, то Истет сохранила красоту, которую Вандель отметил еще в первые дни. Пострадал ее разум. Вандель надеялся только, что теперь она обрела покой рядом с ушедшими детьми.

Надежды, что ритуал отсеет всякого, кто не свыкнется с преображением, развеялись. Больше половины погибло в процессе: остановилось сердце или повредился рассудок (несчастных приходилось умерщвлять). Еще больше сошло с ума после ритуала, не в силах выносить видения или жить с тем, кто поселился у них в душе.

Вандель не сомневался: это демоны толкали эльфов за черту. То, что сидело в нем самом, напоминало о себе ежедневно, однако Вандель был уверен, что в конце концов одержит победу. Случались дни, когда его переполняли невыносимые тоска и отвращение к себе. Или гнев обуревал его настолько, что он готов был нестись по коридорам храма и рубить товарищей направо и налево.

Точно так — пав от руки демонов — ушли Селение, Бамбор и Туранис. С собой они прихватили еще многих, но все, кто прошел обряд, прекрасно понимали их чувства. Вандель и сам был на волосок от того, чтобы сделаться берсеркером. Наверное, он просто еще не так близко подошел к грани. Впрочем, он каждый день напоминал себе, зачем без усталости борется с демоном. Напоминал, сжимая в руке амулет Харизеля и повторяя про себя: «Отмщение, сынок. Придет день, и я отомщу за тебя».

В голове раздался глумливый смех, но сегодня Вандель уже мог его не слушать.

С тех пор, как начался сверхъестественный этап обучения, все сделалось только хуже. Варедис, Аландиен и Нетариель учили, как управлять энергией Скверны внутри себя, как пускать ее в дело.

С другой стороны, это возбуждало: Вандель теперь умел подкреплять собственные силы, многократно увеличивать скорость. Ему ничего не стоило вонзить кинжал в камень или ствол дерева или ударить стрелой Скверны, способной прожечь любую броню. Он исцелялся, выпивая души павших врагов.

Убивать Вандель учился на призванных демонах. Сперва претенденты бились группами, потом, с течением недель, их стали разделять. Они гибли десятками, а в одну ночь страж Скверны вырвался на свободу и кровавым вихрем пронесся по коридорам Карабора, пока Варедис его не остановил. Вандель коснулся шрама справа на груди: топор демона рассек плоть вместе с татуировкой, и теперь некоторые чары давались эльфу с трудом.

За краткий срок он усвоил многое, но, несмотря на успехи, учителя требовали стараться лучше, учиться прилежней. Они были одержимы, как и сам Иллидан, и Вандель чувствовал: у них есть некая великая цель, и близится день, когда все его навыки и знания послужат делу Предателя. Новичков гнали вперед. Каждый день проводился великий ритуал, каждый день ненасытной утробе преображения и тренировок скармливали свежее мясо. Тех немногих, кто выжил, сразу отправляли на учебу, губившую слабых и укреплявшую сильных.

«Губить слабых, слабых губить, губить слабых, — шептал демон, и перед мысленным взором замелькали образы: истерзанное тело Хариэля. — Убить всех. Они все слабы».

Снились Ванделю сплошные кошмары. Однажды он очнулся, стоя посреди комнаты, сжимая в руке нож. Неужели демон научился управлять им во сне? Табелий так бродил по кельям, перерезая плотки эльфам, пока Игла не прекратил его хождения раз и навсегда — проткнув обе пустые глазницы металлическим стержнем.

Порой Ванделю казалось, будто он заперт в клетке с хищниками, причем сам он — один из самых смертоносных зверей.

Он огляделся. Иллидан не обманул: Вандель снова видел так, будто и не лишался глаз. Даже лучше. Тьма

больше не мешала. В мозгу что-то изменилось, мир теперь воспринимался иначе. Должно быть, демон поработал с чувствами Ванделя: тварь будто хотела помочь ему овладеть новой силой. Наверное, чтобы легче было искушать ночного ловца.

И ладно. Вандель жаждал этой силы и радовался, что может видеть, что слух у него теперь острее, чем у любого другого эльфа. Радовался, что он теперь крепче огра и быстрее саблезуба. Плоть тоже изменялась: в минуты опасности Вандель выпускал когти. В местах, где он порезал себя ножом, остались толстые рубцы. На месте глаз пылал зеленый огонь Скверны. Он разгорался сильнее, когда Вандель применял магию.

– Неужто устал, старичок? – спросила Циана, кладя руку ему на плечо.

Вандель мотнул головой.

– Только вошел во вкус.

– Надеюсь, – сказал Раваэль. – В этом поединке я тебя побью. Смотри, не поддавайся. Когда ты борешься изо всех сил, победа только слаще.

«Победа сладка, – произнес голос в голове; с каждым днем он все сильнее походил на собственный голос Ванделя. – Но плоть еще слаще».

Претендентов окружали массивные и похожие на тюремные стены Карабора. Татуированные эльфы собрались на площадке, между тренировочными зонами, ожидая своей очереди сразиться в учебном поединке. Сияющие зелено-желтые руны образовывали из малых кругов один большой. Очертаниями магические символы напоминал узоры, вытравленные на коже эльфов.

В каждом малом кругу, под наблюдением наставника, сражалось по два претендента. Их клинки окутывала магическая аура, и вместо смертельных ран эльфы получали синяки и ушибы.

Вот один из бойцов сбил напарника с ног.

– Я победил! – вскричал он, тогда как поверженный эльф остался лениво сидеть на плитах.

Варедис кивнул и в знак окончания боя вскинул руку. Бойцы освободили круг, и наставник жестом велел Раваэлю и Ванделю занять их места.

Раваэль сжимал в каждой руке по косе, лезвия которых светились защитной аурой. Той же аурой Варедис

окутал и рунный кинжал Ванделя и второй клинок, прихваченный ловцом в арсенале.

Косой в правой руке Раваэль изобразил непристойный жест.

– Сегодня ты узнаешь, что значит поражение.

Сказав это, он молниеносно прыгнул на соперника. Пройдя ритуал, Раваэль намного превосходил Ванделя в скорости и силе, обрел длинные когти и витые рога. Сейчас, в кругу для поединков, когда он призвал демоническую энергию, эти его черты сделались только заметней.

Удар косой пришелся в плечо, и рука онемела.

– В настоящем бою ты потерял бы руку, – с издевкой заметил Раваэль.

«Так нечестно!» – все внутри Ванделя заклокотало от гнева... Впрочем, ни один демон не станет сражаться честно.

– В настоящем бою я бы уже вырвал тебе сердце.

Вандель хотел раздражить Раваэля, но вышла угроза, а угрозами он разбрасываться не привык. Раваэль обрушил на него яростный шквал ударов, но на сей раз Вандель был готов. Коса наткнулась на кинжал. Звон эхом разлетелся по двору. Каждый следующий удар изогнутых лезвий Вандель отводил в сторону. Когда же Раваэль закончил серию выпадов, – уколол его кинжалом в грудь, прямо в сердце. Окажись Вандель чуть быстрее и смог бы обозначить смертельный удар, а так он лишь ранил противника.

– Царапина, – сказал Раваэль.

В груди Ванделя полыхнуло пламя безудержного гнева. Он не позволит издеваться над собой, только не этому жалкому слабаку. Раваэль уловил эту перемену в настроении противника и ответил. Воздух искрился от напряжения. Вандель бросился на Раваэля, метя кинжалом ему в голову. Раваэль скрестил оба своих клинка и отвел удар, и в этот миг Вандель вторым клинком поразил его в живот.

Ты мертв, – произнес он, в душе желая, чтобы так оно и было. – Я снова победил.

Он уже собрался покинуть круг, когда за спиной у него Раваэль глухо зарычал. С губ его капала слюна, кроваво-алые глаза озарились жутким огнем, а на кончиках рогов танцевали шарики красного света.

– Я не побежден! – гортанно, с ненавистью проревел Раваэль.

В воздухе вокруг него стусилась магическая энергия. По телу промелькнула тень: кожа сперва посерела, а после сделалась чернее ночи. За спиной у Раваэля распростерлись огромные темные крылья. Ударил волна вытесненного воздуха, как никогда сильно запахло серой; сильнее пахло только от истинных обитателей небытия.

Излучая ауру демона, Раваэль кинулся на Ванделя и полоснул его по рукам. Будь это настоящий бой, охотник точно остался бы калекой или вовсе погиб. Но Раваэлю было мало: он продолжал осыпать противника могучими ударами. Вандель сумел отразить один, зато второй пришелся чуть выше виска, в бровь. В ноздри ударил металлический запах крови.

Косы Раваэля окутывала тень, ослабляющая защитные чары: его сила превзошла охранные заклятия, вновь сделав клинки смертоносным оружием. И Раваэль собирался пустить его в ход.

Никто не пожелал вмешаться: зеваки облизывались, а Варедис небрежно отмахнулся, мол, продолжайте. Ему стало интересно. Замелькали косы, пролилась еще кровь. Раваэль улыбнулся: на фоне его черной кожи сильно выделялись белые клыки.

– На этот раз победа будет за мной.

Мешать Раваэлю никто не думал – до тех пор, пока он оставался в пределах круга. Вандель мог бы сам покинуть площадку и так признать поражение, но запах собственной крови и боль заставили передумать. Гнев застил глаза багряной пеленой, злоба придавала сил. Вскинув руки, он сплел стрелу Скверны; она сорвалась с кончика указательного пальца – и ударила в Раваэля. Неистовая сила разбила оболочку тени, разорвала ее в клочья.

Вандель добавил заклинанию мощи, и опаленный Раваэль вскричал. Казалось бы, пора остановиться, но Вандель не хотел, и дело было вовсе не в происках демона. Раваэль должен был ответить за причиненную боль, и потому Вандель продолжал напивать стусок Скверны силой. Его сердце барабаном грохотало в груди, дыхание сделалось неровным и судорожным. Остановился Вандель, лишь когда Раваэль умер.

Он проглотил оскверненную душу убитого противника, направляя украденную силу на исцеление.

Ванделю полагалось стыдиться, но он, напротив, ликовал. Сожалел только, что приходится сдерживаться: хотелось отведать жареной плоти демона; от ее запаха так и текли слюнки.

Вандель отглядел лица собравшихся. Вот бы сейчас обрушить на них всю свою мощь; поединок распалил жажду разрушения, хотелось сечь и рвать. Однако тогда убьют и самого Ванделя, а умереть он не был готов. Охотник смирил порыв; сердце постепенно унялось, дыхание выровнялось. Вандель ждал, что скажет наставник.

Варедис же только покачал головой, как будто и прежде видел подобное, и зрелище его не тронуло.

«Он пытался убить тебя, — сказал демон в голове. — И преуспел бы в этом, не воспользуйся ты моей силой. Теперь ты обязан мне жизнью».

Он говорил верно. Вандель убил одного из рекрутов, и ничего ему за это не будет.

— Я победил, — сказал он, покидая круг.

— Ты победил, — ответил Варедис.

Глава четырнадцатая

За три месяца до падения

Иллидан сделал девять шагов по комнате, развернулся и прошел еще девять. Он немного успокоился: наказание Акамы помогло остудить гнев. Сговор с Майев Песнь Теней чуть было не стоил вождю пеплоустов жизни. Подумать только, Майев! Иллидан готов был отплатить за измену смертью, но пеплоусты и их вождь еще пригодятся, и потому он приготовил для Акамы наказание получше. Предатель позаботился о том, чтобы Сломленный впредь не мог предать его. Более того, придумал, как руками Акамы заманить Майев в ловушку. И все это прекрасно укладывалось в план возмездия Пылающему Легиону. Осталось решить одну задачу, и Иллидан был уже близок к ответу.

Он перевел взгляд на массивный дубовый стол: на нем, придавленные черепом Гул'дана, лежали карты и схемы. Пометки на них Иллидан сделал сам, кровью демонов, и зашифровал так, чтобы никто не смог прочесть. Геомантические руны обозначали потоки энергии между порталами Запределья и их конечные точки в разных частях Круговерти Пустоты.

Иллидан сосредоточенно потер лоб. Он был близок к прорыву, почти ощущал вкус открытия. Он годами собирал сведения, крал их из библиотек и частных собраний у колдунов по всему Запределью. Побывал во всех указанных на карте местах, использовал геомантию, выведывая магические жилы и точки их выхода в Круговерть Пустоты.

Он допросил тысячи демонов, искал намеки в речах Магтеридона и дюжины натрезимов, так называемых повелителей ужаса. При помощи заклинаний отслеживал магические пути, по которым прибывали призванные демоны. Пытал и ел бесов, подчинял себе суккубов. Убил годы на то, чтобы сложить кусочки головоломки в цельную картину. И, наконец, был готов.

Его направляли наполовину пробужденные воспоминания, почерпнутые из черепа Гул'дана вместе с силой этого орка. Видения Гул'дана дали намек на то, как осуществить самые смелые устремления. Иллидан видел такое, чего не видел ни один смертный, и эти воспоминания не давали покоя.

Радостное возбуждение росло. Долгое ожидание все-таки оправдалось: Иллидан увидел путь. Старый

чернокнижник был прав, сила протекала запутанными тропами, образуя сеть, которая подпитывала саму себя и черпала энергию из земли и воздуха. Она не давала закрываться порталам, хотя сама реальность стремилась запечатать их. Сеть троп открывала пути между десятками миров. Кое-какие проходы оставались незавершенными, но и они куда-то вели. Вооружившись нужными знаниями, Иллидан при помощи сложных астрономических вычислений мог определить, куда именно.

Он мог, в конце концов, создать провидческое заклинание и выведать, что ждет по ту сторону. Найти то, что искал.

Нужно было действовать быстро, пока о его планах не проведали повелители ужаса. Они чудовищно умны и если им удастся предвосхитить действия Иллидана, то годы жертв, десятилетия, что он строил планы, пропадут напрасно.

Усталый, но невероятно довольный, Предатель начертил на листе пергамента символы могущественного заклинания и отложил перо. Он был готов и всегда будет готов. Пришло время действовать.

Иллидан прошел в глубь круглой комнаты, туда, где на полу, начерченные кровью демонов, эльфов и дрениев, пульсировали точные копии символов, которые до этого он вывел на схемах — только в сотни раз крупнее. Рунические символы по краям сияли, придавая форму втекающей в комнату энергии Скверны.

Предатель пошел вдоль края композиции, бормоча охраняющие заклинания. Не хотел, чтобы кто-то подслушал, подглядел ритуал или отвлек его, нарушив сосредоточенность. Произнес слово силы — и двери закрылись. Печати обладали такой крепостью, что в конце концов собственное дыхание Предателя должно было отравить воздух. Если он слишком углубится в ритуал, задержится, то эта комната станет его склепом.

Через прореху в рисунке Иллидан прошел в центр комнаты, стараясь не наступать на линии — малейший разрыв будет стоить ему жизни.

Оказавшись посередине, он расправил крылья и воспарил. Подобрал ноги и, сев в позу лотоса, завис, удерживаемый силой магии. Произнес еще слово, и расставленные на каждой стороне света жаровни озарились пламенем. Воздух наполнился ароматом благовонных эс-

сенций и галлюциногенным дымом, щупальца которого, проникая в круг, коснулись ноздрей Иллидана.

Он сделал три глубоких вдоха, насыщая легкие дымом. Сомкнул губы и задержал дыхание, впитывая всю до последней капли силу благовоний.

Большой опыт в алхимии позволил распознать составляющие: кость стража ужаса, растертая в ступке пестиком из драконьей кости; высушенная кровь гончей Скверны; очищенная эссенция скверноцвета и еще тысяча других — подобранных и соединенных особым образом, чтобы открыть нужные части разума и освободить дух чародея.

Древняя жажда, пробудившись, призывала окунуться в эту злую энергию. Кожу покалывало, волосы на голове встали дыбом, язык распух. Сила наполняла Предателя, и он ощущал себя богом — казалось, стоит чего-то пожелать, и оно сбудется.

На мгновение Иллидан позволил силе задержаться, наслаждался моментом, когда он встал на грани. Последним моментом спокойствия. Потом все изменится.

Медленно, аккуратно, точно поднося скальпель к крылу бабочки, Иллидан произнес оставшуюся часть заклинания. Дух отделился от тела, и Предатель ощутил небывалую легкость. Взглянув на зависшее внизу тело, пустой сосуд, он испытал мгновение страха, головокружение.

Дух его был уязвим, и если с ним что случится, Иллидан умрет. С оболочкой его связывала тонкая, едва заметная серебристая нить. Если она оборвется, дух навсегда рассоединится с телом.

Сердце больше не билось, не текла по венам кровь, не врывался в легкие воздух. Не ощущал Иллидан и тяжести плоти, костей.

Иллидан умел заглядывать в Круговерть Пустоты с тех самых пор, как Саргерас лишил его глаз, когда он еще только примкнул к Легиону. Ушли века, прежде чем он понял истинную силу этой способности. Десятки лет его терзали кошмары, доводя до грани безумия, заставляя с криком просыпаться по ночам. В темнице это стало одной из самых жутких пыток.

Вряд ли кто-то еще сумеет выдержать то же, что пережил, подчиняя новообретенную силу своей воле, Иллидан. Тот, кто не владеет чародейством так, как владеет он, просто неспособен на это.

Но иначе было никак: Иллидан обрел способность посылать душу в Круговерть Пустоты и Великую потусто-

роннюю тьму, видеть иные миры, иные Вселенные. Так он сумел разгадать жуткие планы и цели Пылающего Легиона. Теперь, дабы достичь конечной цели, ему нужно было проникнуть еще дальше, углубиться в бездну.

Вокруг, захваченная огромным узором, бушевала энергия Скверны. Иллидан присматривался к ее токам — к карте и ключу одновременно. С их помощью он проникнет куда ему нужно.

Прежде он и не замечал, как телесные ощущения помогают управляться с потоками Скверны, и теперь работа продвигалась медленней. Трение о воздух не сковывало движений, слова слетали с губ без усилий. Энергия, подчиняясь воле Предателя, лениво закручивалась, а он придавал ей форму, направляя изгибами магического узора, подталкивая к крохотной брешу в созданной им же обороне. Как ручеек на дне ущелья, заклинание просочилось в небольшое отверстие, разрывая саму ткань реальности.

Иллидан сосредоточил внимание на этой прорехе. Если по ту сторону ждет нечто враждебное, оно атакует сразу, как только проход сделается достаточно широким. Уязвимый в бестелесной форме, лишенный части силы, Иллидан отчаянно надеялся на лучшее. Он не мог позволить себе отвлекаться и тратить время и силы на отражение атаки.

Когда ничего не произошло, Иллидан позволил потоку энергии увлечь себя в проход между мирами, в Круговерть Пустоты. Она возникла, приняв его в себя, в мгновение ока.

Воспринималось это место всеми по-разному, каждый странник видел ее как-то иначе — все зависело от обстоятельств и настроения. Иллидан увидел вокруг безвоздушную пустоту и мириады мерцающих звезд. Далеко-далеко внизу сиял мир, откуда он прибыл. След призванной энергии змеился сквозь бездну, уводя в бесконечность. Он обозначал сетку силы, что связывала ведущие в Запределье порталы Пылающего Легиона.

Усилием воли Иллидан послал себя вперед: быстрый и легкий, как сама мысль, он летел, пока не достиг первого портала. Спустился из Круговерти и понесся над миром, осматривая по пути пустыни на месте некогда цветущих полей, города-призраки, где на улицах лежали горы трупов. Из сломанных порталов вырывалось злобное зеленоватое свечение. По руинам, выкрикивая проклятия, скакали бесы. Учувяв его близость, один или два из них

принялись близоруко озираться по сторонам. Где-то вда-
ли бродил инфернал: пылающая ходячая глыба камня.

Иллидан метался с места на место, нигде не находя
признаков жизни. Кругом царило разрушение. По пути он
замечал убежища, где лежали скелеты существ меньше
эльфов, в обнимку с оружием, которое явно им не помог-
ло. Он видел проржавевшие панцири и останки сожженной
боевой техники.

Вторжение косой срезало вершины холмов, обратило
плодородные поля в зеркальные равнины. Безумные при-
зраки были песни поражения и отчаяния. Здесь не оста-
лось жизни, кроме разве что нескольких демонов, отбив-
шихся от армии, когда та перешла в следующий мир, или
оставленных присматривать за вехами на пути Пылающего
Легиона.

Из скал вырезали статуи повелителей ужаса. Ров во-
круг мертвого города размером с целую страну, до краев
набили костями. Из этого моря выбрался гигантский ске-
лет. Он карабкался по ребрам, черепам и берцовым кост-
тям, пока в нем не угасла искра оживившей его некро-
мантии, и тогда он свалился обратно.

Следуя по пути, указанному заклинанием, Иллидан
оказался в новом мире. Океан, что некогда покрывал его
поверхность, обогрился от яда, убившего морских обита-
телей размером с китов. На волнах гнили массивные пло-
ты, сплетенные из водорослей и обвязанные трупами. На
дне разлагались тела существ размером с города, в ок-
ружении скелетов их защитников. Ничто не выжило, даже
планктон. Сам воздух оборачивался ядом — без растений,
которые бы очищали его.

Иллидан влетел в другой портал.

Он оказался в мире пустынь и пламени. Тут и там он
наткнулся на кости кочевников и вьючных животных. Ко-
лодцы в оазисах были отравлены. Солнце беспощадно пек-
ло обдуваемые ветром дюны. Иногда они осыпались, являя
скелеты исполинских, закованных в броню червей и изъе-
денные кислотой развалины латунных башен-небоскребов.

Дух Иллидана летел все дальше, проникая во все но-
вые погибшие миры — один за другим он миновал их, эти
памятники вечной жажде разрушения. Всюду Предателя
встречали руины. Та же судьба ждала Азерот, Запределье
и другие, немногие, уцелевшие миры. Сколько Иллидан ни
искал следов жизни, он не находил даже таракана или
крысы. Армия Саргераса постаралась на славу, зачищая
миры от всего живого.

Иллидан знал, что его ожидает, и тем не менее, ужасался результатам бессмысленной и чудовищной бойни, ненависти к жизни и жажды истребления. Он и сам был воином, сражался, убивал и ненавидел, однако мотивы Пылающего Легиона оставались для него загадкой.

Тут и там он натыкался на развилки: пути разделялись, и бесчисленные тропы уводили дальше в бесчисленные миры. Верный путь указывало заклинание; следуя подсказкам, Иллидан продолжал искать, искать и искать...

Он совершенно потерял счет времени. Там, где осталось тело, пройти могло хоть сто мгновений, хоть сто лет. Возможно, он умер, а дух продолжает витать по этой сети пустынь неприкаянным призраком, как свидетель рока бесконечного числа миров.

Отчаявшись и потеряв надежду, уверенный, что в расчеты вкралась ошибка, Иллидан проник в очередной мир: странное место, сплошь напитаанные могущественной энергией, парящие посреди бездны в Круговерти Пустоты камни. Каждые несколько минут их облетало крохотное солнце, а вслед за ним — десятки миниатюрных лун. Удерживаемые силой магии, витали в воздухе осколки камней. Этот мир просто бурлил энергиями, которые пронизывали саму ткань реальности, однако кроме них здесь присутствовало еще кое-что. Вдалеке, среди летающих скал Иллидан почувствовал демонов особого рода: натрезимов.

Неужели он все-таки отыскал то, к чему так стремился: Натрезу, дом повелителей ужаса?

Здесь точно были сотни повелителей ужаса и тысячи их прислужников. Иллидан осторожно направился к ним. Натрезимы — существа силы, обладают несравненными магическими способностями. Если Иллидан не будет очень и очень осторожен, они в два счета учуют его дух. За ним, кстати, и правда кто-то наблюдал.

Предатель замер.

Ничего не произошло, повелители ужаса, видимо, так и не заметили его. Наверное, Иллидан переутомился, и ему просто мерещится...

Бестелесный, Иллидан переживал возбуждение иначе: не участился бой сердца, во рту не пересохло. Нет, он лишь исполнился спокойного ощущения победы. Он достиг цели. Нашел место, о существовании которого давно подозревал.

«Откуда такая убежденность? — одернул он себя. —

Точно ты еще ничего не знаешь. Добудь подтверждение». Окружив себя чарами невидимости и запутывания, Иллидан скользнул вдоль рельефа одной из скал к повелителям ужаса. Дух Предателя был силен, но часть подлинной силы осталась с его телом. В На грезе водились существа, способные разом оборвать его жизнь.

Проверяя, не действуют ли поблизости сигнальные заклятия, Иллидан летел дальше. Наконец он увидел впереди город базальтовых башен, озаренных светильниками Скверны. Вдоль стен поднимались диски из той же горной породы. По небу летали огромные повелители ужаса. Странно было видеть сразу столько разумных существ — после множества опустошенных миров.

Иллидан увидел место, где натрезимы планировали уничтожение миров, порабощение цивилизаций, где преданные Саргерасу создания замыслили убийство всего сущего. Прислужники демонов гнали куда-то непонятные машины, а посреди токов энергии высилась гигантская башня без окон, стены которой светились зловещими руническими письменами. Врата ее не закрывались: легионы прислужников приходили и уходили. Теперь уж точно, никаких сомнений: Иллидан нашел искомое. Видения Гул'-дана не обманули.

Предатель тщательно просчитал расположение и схему врат, приведших его сюда, изучил созвездия на местном небе, а после, уверенный, что добыл и запомнил все важные сведения, прервал высвобождающее дух заклятие. Серебристая нить туго натянулась и с немыслимой скоростью понесла его назад к телу.

Он снова оказался в темнице плоти и костей. Воздух ворвался в легкие. Иллидан потянулся, наслаждаясь ощущением того, как повинуются воле мускулы. Глубоко вдохнул напоенный запахом дурмана воздух, и на губах его промелькнула улыбка.

Вот теперь он готов идти войной на Пылающий Легион. Вот теперь он призовет к ответу врагов. Всех до единого.

Глава пятнадцатая

За три месяца до падения

Майев ушла от удара огра и ответным выпадом вспорола твари брюхо. Глупо рассмеявшись, огр зажал рану мясистой лапой, чтобы не вывалились кишки, и отмахнулся дубиной размером с дерево — Майев перепрыгнула через нее. Порой ей начинало казаться, что слухи правдивы, и эти великаны правда не чувствуют боли.

Аниндра, отскочив в сторону, запнулась о корень и упала в мутную воду. Сарий в кошачьем обличье с ревом выпрыгнул из тени и вцепился огру в спину. Из-под когтей брызнула кровь. Майев сосредоточилась и совершила скачок вплотную к огру. Ударила в яремную вену — кровь хлынула фонтаном. Огр наконец-то рухнул. Аниндра едва успела откатиться в сторону — иначе ее придавило бы тушей — и поднялась на ноги. С головы у нее свисали водоросли, туника сделалась мутно-бурой.

Майев огляделась: ее воины добивали огров. Зачем великаны пошли на такую глупость и устроили засаду? В последние месяцы они сделались особенно агрессивными и нападали на всякого, кто шел тропами Зангартопи. Наверное, вступили в стовор с нагами Вайш. Что бы эти змеи ни строили на болотах, работа их близилась к завершению, и попытка сорвать ее обернулась провалом. Майев сумела только освободить рабов из числа Сломленных, да и те оказались бесполезны как воины.

Песнь Теней сосчитала павших: два дренея лежали в воде, лицом вниз. Эти уже не поднимутся. Сарий тем временем принялся лечить раненых. Майев тут же ощутила приток друидической энергии, когда целительная сила коснулась сломанной руки.

Аниндра потрянула головой, подняв фонтан бесцветных брызг. Майев утерла пот со лба и прихлопнула огромного комара, что сел ей на тыльную сторону ладони. Комар успел насосаться крови, и она окрасила руку Стража. Элуна свидетель, порой она ненавидела этих мелких монстров даже больше, чем тех, кто уродует магию!

— Мы преподали им урок, и больше они к нам не сунутся, — сказала Аниндра и присмотрелась к туше огра. Тот весил, наверное, в десять раз больше эльфа, хотя ростом превосходил его всего раза в полтора. Плотный, коренастый, он порядочно заплыл жиром, под слоем которого бугрились огромные мускулы. Огр лежал в бурой с

красным воде. Пробегавший мимо паук-водомерка испачкал лапки в крови, но тут вынырнула рыба и ловко проглотила насекомое.

— Эти тупицы не усваивают уроков, — возразила Майев. Присев у кромки воды, она ополоснула руки. От грязи не избавилась, но хотя бы смыла кровь. — Неважно, сколько огров мы убьем, — они продолжают нападать на нас.

— Интересно, что затеяли наги? — спросила Аниндра, и Майев покачала головой. Помощница приставала к ней с вопросами так, словно у главы Стражей на все имелись ответы.

Не знаю, но если эти работы так важны для Иллидана, мы обязаны их сорвать.

Аниндра разочарованно отвернулась. Жаль, но лучшего ответа у Майев просто не было. Хотела бы она пойти войной на Иллидана, но за те недели, что прошли после встречи Майев с Акамой, Предатель ни разу не покидал крепости. Должно быть, чувствовал себя уязвимым без помощи Кель'таса. Однако исчезновение эльфийского принца нисколько не помогло Стражам.

Майев поспешила прогнать мрачные мысли. Уж больно легко она поддается отчаянию. Ну нет, уж она — то изыщет способ, как свершить над Предателем суд. Надо только не прекращать попыток, и возможность представится. Будучи ночным эльфом, Майев привыкла думать так, будто у нее впереди вечность, однако после гибели Древа Мира Нордрассила ее народ утратил бессмертие. Впрочем, от старых привычек запросто не избавишься...

Правый бок начало покалывать. Отойдя в тень, Майев достала из кошелька камень Акамы и сосредоточилась на нем. Перед мысленным взором возник образ вождя пеплоустов: он еще сильнее усох, лицо его избородило больше глубоких морщин, а глаза превратились в крохотные щелочки.

— В чем дело? — спросила Майев. В этот момент никто ее не слышал.

— Увидимся в Прибежище Оребор. События развиваются очень быстро: пришло время отомстить. — Голос Акамы звучал как никогда устало и глухо. Должно быть, что-то создавало помехи. Или Майев это просто казалось...

— Что? Как?

— Жди меня там, где мы встретились впервые. Надо многое тебе рассказать, и потом лучше сразу же приниматься за дело. Пусть твои воины готовятся к бою.

– Что происходит?

– Объяснять нет времени. Мне пора. Будь готова и жди.

Связь прервалась неожиданно. Майев недоумевала: что это было? Неужели заветный час и правда настал?

Она спрятала камень и вышла на свет.

– Седлать саблезубов, – распорядилась она. – Отправляемся в Прибежище Оребор.

Некоторые из солдат застонали: они-то хотели передышки после схватки, а тут такая спешка. Но шанс наконец-то схватить Предателя был для Стража куда важнее их желаний или возможности добиться хоть чего-то, уничтожив магические машины наг на болотах. Майев приказала:

– Ходу.

Воины вскочили в седла и последовали за ней, оставляя трупы врагов на поживу обитателям топей.

Майев нетерпеливо расхаживала по дому Акамы в Прибежище Оребор. Солдаты пристально следили за ней. По опыту они знали, что в таком настроении Стража лучше не беспокоить.

«Ну, где же этот проклятый Сломленный? Сам торопил ее, а теперь даже не думает появляться».

Майев остановилась и подбоченилась. Оправила плащ. Не дело показывать солдатам свое нетерпение, она ведь пример для них. Углубившись в собственные мысли, она снова стала расхаживать по комнате, но уже медленней, размеренно.

Опаздывать – не в духе Акамы. Прежде он ни разу встреч не пропускал и даже приходил заранее. Только бы с ним ничего не случилось. Если Предатель казнит его за измену, Майев лишится ценного шпиона.

Нет, такое попросту невозможно. Акаме годами удавалось обманывать своего хозяина, а это говорит о многом: вождь пеплоустов куда хитрей и изворотливей обычного соглядата. Он провел самого Иллидана, и теперь ему надо продержаться чуточку дольше.

Какая ирония судьбы: самый большой союзник Майев в Запределье – мутант, прислуживающий ее злейшему врагу. Он оказался куда надежнее многих других, так называемых вождей сил Света. Майев упрекнула себя за то, что не умеет доверять союзникам, но так уж она была устроена.

Горячий и влажный воздух задрожал. Открылся пе-

реход, из которого хлынули клубы пара. В хижину, еле волоча ноги, вошел Акама: плечи ссутулены, взгляд опущен.

– Приветствую, – сказал он. – У меня печальные известия.

Он посмотрел на Майев глубоко запавшими тусклыми глазами.

– Надеюсь, они приблизят нас к победе? В отличие от предыдущих новостей? Принц Кель'тас, может, и бежал, но это не принесло нам пользы.

Акама проковылял к столу и дрожащей рукой налил себе вина. Он заметно постарел.

– Что-то ты плохо выглядишь.

Акама пожал плечами и широко развел руки.

– Предатель заставлял денно и ночно творить заклинания, и это меня вымотало. Его планы близятся к завершению, и кажется, я понял, что он задумал.

– Говори!

– погоди немного, – попросил Сломленный, выливая в вино магический эликсир из небольшой фляжки. Залпом осушив кубок, он словно на глазах помолодел и выпрямился. Майев прищурилась: она и не подозревала, что Акама пользуется стимуляторами.

– С тобой все хорошо?

Акама медленно кивнул. Движения все еще давались ему с трудом, и жест получился не слишком убедительный. Выглядел Акама очень больным: похоже, годы двойной игры все же сказались на его здоровье.

– Предатель все-таки раскрыл карты: он задумал открыть новый портал.

– А если конкретнее?

– По храму гуляют слухи, а однажды мне удалось заглянуть в святая святых Иллидана. По отдельным деталям я догадался, что он готовит некий крупный ритуал.

– Это нам ничего не дает, – разочарованно и зло проговорила Майев. – Пока Предатель прячется в храме, мы ничего не сможем с ним поделать. Там он надежно защищен.

– Губы Акамы растянулись в улыбке, похожей на выглянувший из-за темных туч полумесяц. В глазах его мелькнул странный блеск.

– Ритуал он сможет провести только вне храма.

– О чем ты?

– Портал можно открыть лишь в определенном месте и в определенное время. Нужное место – далеко за стенами

Карабора.

– Откуда такая уверенность?

– Мне удалось взглянуть на свитки с расчетами и картами.

«Неужели это правда? – подумала Майев. – Неужели, наконец, представилась долгожданная возможность?»

– Карты? Карты чего?

– Руки Гул'дана.

– Вулкана в Долине Призрачной Луны? Почему именно там?

– В этом месте сосредоточены невероятные силы. Там Гул'дан разорвал связь народа орков с духами стихий.

– У Иллидана надежная охрана.

И вновь Акама загадочно и холодно улыбнулся.

– Все говорит о том, – покачал головой Сломленный, – что ему предстоит действовать в глубокой тайне. Предатель готовится выйти в поход небольшим числом.

– Откуда ты знаешь?

– Есть польза от того, что я – Сломленный. Большая часть рабов и прислуги в храме – из моего племени и говорит на моем языке. Ничтожных Сломленных почти никто не замечает, и нам открывается многое. Мало что происходит в храме без моего ведома.

– Значит, Иллидан готовит тайный ритуал?

– Он говорил мне, что через несколько дней ему предстоит совершить некий поход.

– С какой стати он говорил об этом тебе? – недоверчиво спросила Майев.

– С тех пор, как исчез принц Кель'тас, Иллидан еще больше приблизил меня к себе. Он не может оставить дела в храме без присмотра, а члены Совета Иллидари – сплошь эльфы крови. Предатель считает, что мне недостает амбиций для козней и предательства, – в голосе Акамы послышалась горечь.

– Значит, он и правда уезжает из храма, – проговорила Майев.

– Я никогда прежде не видел его таким. Предатель очень возбужден, как будто давняя задумка наконец принесла плоды. Сильно подозреваю, что это как-то связано с эльфами, которых он набирал и учил.

Майев стало любопытно. Она давно ломала голову над загадкой татуированных полудемонов.

– Иллидан берет их с собой?

– Акама покачал головой.

Их командирам велено быть в полной готовности. Думаю,

приказ выдвигаться поступит, если ритуал завершится удачно. Иллидан не хочет попусту рисковать бойцами вне стен храма.

– Он так высоко их ценит?

– Бережет как зеницу ока. Он больше времени проводит с ними, чем на военных советах. Странно: эти эльфы ему так нужны, но для чего? Не могу понять. Впрочем, похоже, тайна раскроется в ближайшие несколько дней.

– Кто помогает Предателю с ритуалом?

– Я видел служебные расписания: почти каждый день храм покидают небольшими группами чародеи. Все сильные, и все владеют ритуальной магией.

– Предатель собирает их на Руке Гул'дана?

– Вывод напрашивается сам собой.

– По-твоему, он держит затею в тайне, потому что...

– Иллидан боится шпионов, и не без причины, – мрачно улыбнулся Акама.

– Сколько чародеев он уже отправил на гору, и сколько еще готовится выступить?

– Будет тринадцать групп по тринадцать магов. Число имеет мистическое значение и связано с количеством узлов на рисунке, который создает Предатель.

– Даже если Предатель возьмет мало телохранителей, эти колдуны сами по себе – значительная угроза для нас.

– Только если не вовлечены в сложный ритуал. – Слова Акамы повисли в воздухе. Решающий момент наступил: сейчас или никогда. Лучшего шанса напасть на Предателя у Майев не будет... если, конечно, Акама не лжет.

– Ты уверен? – спросила она.

– Учитывая обстоятельства – да, уверен. Как никогда. Предатель будет на склоне Руки Гул'дана в окружении чародеев. Он намерен свершить ритуал и открыть проход в иной мир. Должно быть, хочет скрыться от возмездия Пылающего Легиона там, где демоны еще не закрепились.

– Не уйдет, – невольно возразила Майев. Она не позволит Предателю снова ускользнуть. Бросить защитников крепости на растерзание служителям Саргераса – вполне в его духе. Однако это не объясняет, зачем ему армия татуированных эльфов.

– Позволь дать тебе совет, – сказал Акама. – Возьми воинов и обследуй склоны вулкана. Если я ошибся, ты ничего не потеряешь, а если прав – получишь наилучшую возможность схватить заклятого врага.

- А как насчет тебя? Где будешь ты сам?
- С тобой. Хочу видеть, как ты свергнешь Предателя.
Приведу своих воинов, и мы поможем.

- Акама... — помедлив, произнесла Майев.

- Да?

- Я была слишком строга к тебе и твоему племени в прошлом, не доверяла вам, но сегодня ты доказал, что я вела себя недостойно. Вместе мы уничтожим Иллидана.

Глядя ей прямо в глаза, Акама судорожно вздохнул.
Молюсь, чтобы это было так.

- Прикажу своим воинам готовиться, — сказала Майев.
- путь предстоит долгий, а времени осталось мало.

- Я открою для вас портал, а сам пока вернусь в храм — готовить своих солдат. Пришло время для возмездия.

Майев покачала головой:

- Пришло время свершить суд.

- Как ни называй, а это наш шанс достичь собственных целей. Мы уничтожим Иллидана. Освободим от него Запределье, и храм Карабор снова будет принадлежать моему племени.

- Так тому и быть.

Глава шестнадцатая

За три месяца до падения

Все кругом озарялось зловещим свечением от Руки Гул' дана. Гора дрожала, точно высеченный пес: народилось землетрясение. Фонтаны зеленой лавы били вверх и, падая, собирались в озера расплавленного камня. Кругом подрагивали и пульсировали жилы проводников магической энергии.

Похоже, заклинание, которое плели на склонах вулкана, и пробудило огненную гору. Акама оказался прав: тут и правда затеяли великий ритуал. Мощь примененной магии потрясала.

С неба, чертя зеленоватые линии, падали метеоры — словно мрачное предзнаменование... но чего?

Ночные эльфы, тихо, точно подосланные в королевскую опочивальню убийцы, скользили в тенях между камнями. Дренеям же и Сломленным такой скрытности не доставало: слишком они были крупны, крепки и неуклюжи.

Акама заметно побаивался, и Майев его прекрасно понимала: для существа вроде Акамы, чувствительного к настроениям мира, дрожь горы — поистине тревожное явление. Майев и сама ощущала сильную тревогу вблизи от места, где творили такую сильную магию. Неподалеку притаились солдаты из числа пеплоустов — Акама привел немало телохранителей.

На горе, как и обещал пеплоуст, стояли группы по тринадцать чародеев, плетущих могущественное заклинание, и среди них — эльфы крови, наги. Все — сильные колдуны. Между кругами, соединяя их, простреливали магические разряды. Маги пели и жестикулировали, и что-то отвечало на их призыв. Чародеев окружали иллидари в мантиях: не то охрана, не то слуги, — однако их было меньше, чем колдунов.

Группы магов распределились по склонам; каждая символизировала точку на большом рисунке, место сосредоточения силы, направляемой на алтарь в центре. Разглядывая место действия, Майев усмехнулась: Предатель уже был здесь, направлял ход ритуала. Он горделиво стоял в самом центре, сплетая великие чары, как истинный магистр магии, и закручивая энергию в вихрь.

Майев попыталась вообразить потенциал будущего прохода. Столько энергии, сосредоточенной в одной точке... Иллидан либо собрался призвать демона небывалого могущества, либо переход должен был связать Запределье

с невообразимо далеким миром.

Впрочем, неважно. Майев не позволит завершить ритуал. Ее воины уже должны были занять места. Сарий и его группа возьмут на себя чародеев, стоящих ближе всего к Иллидану. А после Предатель ответит за все причиненное зло. Правосудие свершит острый клинок Стража.

Майев провела пальцем по лезвию и задрожала в предвкушении, а потом еще раз глянула на Акаму. Сломленный облизнулся и кивнул. Он не хуже Майев знал: время пришло. Закованной в латную перчатку рукой глава Стражей дала сигнал к атаке.

Вдалеке раздался крик. Из тени выпрыгнуло похожее на пантеру создание и вцепилось в глотку магу син'дорай. Тот с криком повалился на землю. Прочие маги этого почти не заметили — они слишком углубились в сотворение чар.

Майев идеально подгадала момент. Даже Иллидан не сразу понял, в чем дело. Солдаты-дренеи и Сломленные выскочили из укрытий и мчались вниз по склону, размахивая оружием и творя на ходу атакующие и защитные заклинания.

Иллидари, стороживших круги чародеев, застали врасплох. Некоторые, правда, успели обнажить оружие и разбиться на небольшие группы, встав спиной к спине. Майев, конечно, презирала их за то, чему они служат, но не могла не признать их храбрости.

Однако храбрости тут было мало: численный перевес оказался на стороне Майев. Она могла бы даже обойтись собственными силами, без подкрепления пеплоустов, которым не хватало закалки и опыта. Это не они годами наносили армии Иллидана удары исподтишка.

Майев перенеслась за спину чародею-наге — тот опомниться не успел, как свалился с перерезанным горлом. Песнь Теней шагнула к стоявшему поблизости магу син'дорай и молниеносным ударом отсекла ему руку.

Воздух задрожал — это пресекся на мгновение ток магической энергии. Оставшиеся чародеи удвоили усилия. Они явно боялись утратить контроль над заклинанием, опасаясь отдачи — высвобожденная магия такой мощи и разрушения принесет соответствующие.

Вот только Майев это не заботило: ее собственная смерть будет не напрасной, если погибнет Иллидан. Конечно, Предатель мог и бежать. Он — скользкий змей, и с его талантом выживать соперничать могло лишь умение

предавать.

Значит, Майев должна была сразить Предателя собственноручно. Иначе цели ей не достигнуть.

Иллидан так и стоял у алтаря. Он наконец сообразил, в чем дело и, вращая клинками, озирался по сторонам.

Майев устремилась к нему, надеясь подобраться поближе — а там перескочить Предателю за спину и ударить.

Иллидан обернулся и посмотрел прямо на нее. Вскинул клинки и принялся творить заклятие, мощное и... никак не связанное с ритуалом.

Полыхнул магический сигнал.

Вокруг Майев начали открываться порталы. Пар и холод хлынули из разрывов в ткани реальности; туман скрывал тех, кто пришел на подмогу Предателю.

К Майев бросились сотни сотен наг и орков Скверны. Порталы открывались между кругами чародеев; прибывшие враги сцепились со Стражами.

Нужно было отбросить войско Иллидана обратно, пока не подоспели его основные силы. Порталы открылись малые — просто подарок для Майев. Она легко устроит в них живые заторы.

Песнь Теней принялась выкрикивать приказы, веля солдатам атаковать выходящих из порталов иллидари. Это была временная мера, и рано или поздно враг задавил бы их числом. Однако Майев не собиралась побеждать всех: она хотела лишь выиграть время и добраться до Иллидана, чтобы положить конец его злу навсегда.

Предатель учел этот ход: порталов открылось слишком много, и солдаты Майев просто не успевали всюду. Иллидари заходили с флангов.

Тогда Майев ускорила бег. Если ничего не выйдет, то за нее хотя бы отомстят. Иллидан словно прочел ее мысли и, как бы дразня врага, расправил крылья, а потом взлетел.

Ощувив дополнительный приток магической энергии и оглядевшись, Майев заметила среди чародеев наг саму леди Вайш. Та сотворила могущественные заклинания, и Стражи рухнули как подрубленные.

Эльфийка ощутила горький вкус поражения.

Перед ней возник здоровенный орк Скверны. Он махнул секирой, но Майев поднырнула под удар, перекатилась орку за спину и перебила ему подколенные сухожилия.

К ней бросилась целая толпа сородичей упавшего. Майев подобралась, готовая драться, но тут ее пара-

лизовало внезапным ударом чистого холода. Это леди Вайш выстрелила в нее сгустком энергии. Орки с безумным воем накинулись на Майев. Замороженные, мускулы не слушались, и эльфийка поняла: сейчас она умрет, а Иллидан вновь останется на свободе.

Одно ужасное мгновение — и вот уже орки рядом. Один, брызжа слюной, занес секиру. Майев не стала закрывать глаза... и вдруг в горло краснокожей твари вонзилась стрела. Вторая — в плечо. Орка раскрутило и бросило на землю. На остальных обрушился целый дождь из стрел, отмеченных красно-зеленым оперением. Один орк споткнулся о трупы товарищей. Через груды тел перемахнул берсеркер и понесся на Майев. Она кое-как пошевелила рукой, но парировать удар не успевала.

Сбоку на берсеркера прыгнул Сарий в облики гепарда — вцепился орку в руку и, повалив его, когтями вспорол шею. Другие орки набросились на друида, хотели задавить его массой. Сарий принял форму медведя и стал подниматься. Из-под клинков летели шерсть и кровь, но окружающая Сария магическая аура тут же затягивала раны.

Аниндра схватила командира за плечо.

— Надо убираться отсюда! — в ужасе прокричала она. Аниндра сорвала голос — видимо, когда приняла командование на себя и раздавала приказы оставшимся бойцам.

А уцелело их немного — горстка дрениев и Сломленных, да Аниндра с Сарием. Врата тем временем открылись полностью: на склон вулкана хлынули полчища орков и наг. То была не гвардия, а настоящая армия.

Сперва Майев и правда думала бежать, но потом решила: другого такого шанса уничтожить Предателя не представится; она обязана им воспользоваться, пусть даже это будет стоить жизни ей и товарищам. Такую цену Майев готова была заплатить.

В этот момент Майев накрыло гигантской тенью, и она взглянула вверх: с неба, расправив крылья, пикировал Иллидан. Зловещий хохот Предателя эхом разнесся над полем битвы, и его не в силах были заглушить даже звон металла, боевые кличи Сломленных и вопли орков.

Майев снова ощутила прилив магической энергии: чароплеты наг и син'дорай вернулись к прерванному ритуалу. Над склоном горы закружились черные сферы, к мертвым и умирающим потянулись длинные щупальца тьмы. Раненные, которых они касались, кричали и старели и на глазах, как будто из них высасывали жизненную силу. А

под конец мерцающие нечестивые сферы вытягивали из тел черные искры. Души жертв.

Не избежали этой участи и мертвые. От прикосновений тьмы кожаная броня лопалась, кольчуги и сверкающие клинки тускнели, покрываясь ржавчиной. Искрящийся черным дух покидал тела.

С каждой поглощенной душой сферы разбухали, становясь еще темнее. Между ними, образуя энергетические цепи, замелькали разряды черных молний. Над алтарем разверзлась мерцающая дыра, и души воинов потекли в нее.

Акама стоял чуть выше на склоне и с ужасом взирал на то, чем завершался обряд. Майев стала с боем прорываться к Сломленному. Неужели он знал о западне? Рядом с Майев молча билась Аниндра. Следом, волоча за собой дюжину визжащих орков, бежал Сарий в облике медведя. Он истекал кровью — магия не справлялась одновременно с десятками ран.

Майев оглядела сотни павших: ночные эльфы, Сломленные; больше всего погибло дрениев, куда меньше — орков, наг и эльфов крови. Как ни странно, полегло очень много пеплоустов.

— Ты не сказал, что будет бойня! — вопил с валуна Акама. — Ты же хотел просто схватить Майев!

Выходит, Иллидан и коварный Сломленный вместе устроили западню. От этой мысли Майев преисполнилась гнева.

— И мы схватим ее, Акама! — прогремел усиленный магией голос Иллидана. — Но прежде завершим другие дела. Он говорил, как настоящий демон.

Потрясая кулаками, Акама завопил. Между пальцами у него метались молнии. Казалось, пеплоуст вот-вот швырнет их в Иллидана, но тут он увидел Майев и, махнул рукой, пропал в дрожащем мареве.

— Все на этот подъем! — закричала Песнь Теней. — Будем биться здесь!

Аниндра кивнула и тут же потрясенно округлила глаза: из груди у нее торчал орочий клинок. Из рта эльфийки хлынула кровь. Мускулистой рукой орк схватил Аниндру за шею и одним рывком сломал ей хребет. Помощница Майев повалилась ничком.

От горя и гнева Сарий взревел так, что задрожал воздух, и на мгновение не стало слышно рокота вулкана. Скинув с себя орков Скверны, друид кинулся на убийцу Аниндры и, точно крысу, схватил его зубами. Встал на

дыбы и, мотнул головой, ломая орку шею.

Вокруг медведя вспыхнули магические огни. Заклинания замедлили Сария, и орки Скверны один за другим стали сечь его клинками. Полилась кровь. Враги прибывали, и даже силы друида не хватило отбиться от них. Сария порубили на куски.

Гнев затмил разум Майев, превратив ее в берсеркера. Она прыгнула в самую гущу врагов и принялась кромсать их: одному снесла голову, второму отрубила руку, третьему вспорола брюхо... Взгляд ей застила кровавая пелена. Гора трупов росла, и даже орки уstraшились ярости Майев. Но вот один из них, храбрее прочих, бросился в атаку, и за ним последовала армия. Майев рубила и рубила, пока руки не налились тяжестью. Из тысячи ран на теле сочилась кровь. Она приготовилась погибнуть, прихватив с собой как можно больше мясников Предателя — раз уж не его самого.

Ослепленная усталостью, кровью и потом, глава стражей продолжала биться. Она уже не чувствовала рук, силы ушли. Орки пятились от нее в благоговейном ужасе. Майев убила десятки их сородичей, а ей все было мало. Ей всегда будет мало.

В воздухе над полем брани кружились черные сферы, между ними простреливали молнии, а души павших по-прежнему засасывало в дыру над алтарем. Майев с ужасом осознала, что только помогает Иллидану в ритуале: заклинание подпитывалось душами воинов, расширяя дыру в пространстве. Повеяло холодом, из бесконечности с воем вырывался ветер. Довольный Иллидан завис над склоном, раскинув крылья, окруженный аурой темной силы. Встретившись взглядом с Майев, он сделал жест, и с кулака у него копьём разгневанного бога сорвалась черная молния.

Охваченная дикой болью, эльфийка покачнулась и упала.

Приблизились орки. Майев попыталась подняться, но силы покинули ее. Захлопали огромные крылья, и эльфийка, подняв голову, увидела над собой Иллидана. Его тонкие губы изогнулись в улыбке, полной ненависти и злобы.

— Ну вот, Майев, теперь ты — моя пленница. Я позабочусь, чтобы ты не меньше моего наслаждалась заключением.

Он пролаял приказ оркам. Майев попыталась встать и ударить, но тут его кулак обрушился на нее, подобно

кувалде. Майев снова рухнула на землю.

— У меня еще есть дело, — сказал Предатель, — однако твой новый дом ждет. Эта клетка удержит даже тебя, Страж.

Глава семнадцатая

За три месяца до падения

Акама следил за тем, как среди камней высоко на склоне вулкана открывается портал. Он видел много переходов, но такого — никогда. Устрашали не размеры портала, а его мощь. Проход вбирал души сотен убитых и раненых, всасывая всю магическую энергию на лиги вокруг. Даже с большого расстояния Акама ощущал исходящие от него волны зла. Что задумал Иллидан? Совету он сказал, что готовит ловушку для врага. Зная о его ненависти к Майев, все поверили на слово, а оказалось, что хитрость таит в себе иное ухищрение: поимка Майев была просто уловкой, призванной сокрыть куда более коварный план. В этот момент Акама почти восхищался Иллиданом: Предатель способен был использовать для достижения целей даже собственную злость.

Однако он обещал пощадить воинов Акамы и не сдержал слова. Воистину предатель! Он не просто погубил дренеев и Сломленных, он забрал и пустил в дело их души. Акама задавил в себе ярость. После того, что сотворили с его духом, он себе подобных чувств позволить не мог.

Акама боялся, как бы заклинание портала не задело и его. В наказание за стовор с Майев Иллидан забрал часть его сущности. В темноте Трапезной Предатель наложил на душу Акамы омерзительное заклятие — обратил ее частичку в тень. Дух Акамы, самая великая его ценность, стала оружием против него же. Инструментом, при помощи которого Иллидан подчинил вождя Сломленных — а заодно и его племя — своей воле. Предатель мог в любой момент спустить тень с цепи, и та пожрет Акаму изнутри. Более того, погибнут и его последователи, ведь они связаны с вождем духовными узами. Поэтому на кону стояла не только жизнь пеплоуста, но жизнь и души его племени.

Акама тяжело вздохнул. Он лгал, якобы встречался с Майев лишь затем, чтобы заманить ее в ловушку и преподнести хозяину в подарок старого недруга. Акама сочинил эту легенду и так долго и часто повторял ее про себя, с самой первой встречи с Майев, что сам почти поверил в нее. Однако Предателя убедить не удалось: он заставил Акаму заманить Майев в настоящую ловушку, и Сломленный тяжело переживал это свое предательство. Майев доверяла ему, а он отдал ее в руки заклятого врага.

И вот Иллидан стоял победителем над главой Стражей. Похоже, он и не думал убивать Майев. Нет, он приготовил для нее нечто иное. Слишком долго Предатель провел в плену у этой женщины, и сосредоточил на ней гнев и ярость; он не даст Майев умереть быстро и легко.

Ритуал тем временем подошел к концу.

Акама переживал боль и ужас каждой поглощенной порталом души дреenea и Сломленного. Разрыв ткани реальности напоминал озеро, по поверхности которого разлилось пятно земляного масла. А когда проход завертелся, и пленка на его глади разделилась, сквозь разрыв Акама разглядел пейзаж иного мира, парящие в пустоте скалы и стустки зеленой энергии. Сломленный видел много порталов, но такого — никогда: казалось, он связал Запределье с невообразимо далеким миром. И судя по тому, сколько потребовалось энергии на открытие, туда не заглядывал даже сам Гул'дан.

Что же задумал Предатель? К portalу подтягивалась армия, разбившая Майев. Зачем? На случай, если сюда проникнет нечто извне.

Из храма через меньшие порталы подоспели свежие силы: десятки татуированных эльфов. Наконец армия, которую Иллидан готовил лично, вступит в бой.

Акама взирал на происходящее с восхищением и страхом. В новоприбывших он ощущал огромную силу, и в то же время они были порчены злом. Особенно хорошо это стало заметно вблизи светящегося зеленым портала: что-то в его природе подпитывало солдат Предателя, давало им еще больше сил.

Сходство татуированной армии с ее создателем прежде ни разу так не бросалось в глаза, но сейчас оно поражало. Все эти эльфы напоминали детей Предателя. Они были его творением, выкованным из плоти, переделанным в нечто иное. Вот только зачем?

Вокруг Ванделя кипела энергия. Кожу покалывало, голова кружилась. Портал, разверзшийся в воздухе, манил, как манит голодного эльфа еда на пиру. То же наверняка ощущали и соратники Ванделя.

Кругом лежали скелеты и иссохшие тела в ржавой броне. Если бы Вандель не знал Иллидана, то решил бы, что оказался на поле давно минувшей битвы.

Правду открывало призрачное зрение: тут и там стояли раненные и умирающие; щупальца темной энергии из

портала тянули души из тел — призраки, распахнув глаза и рты от ужаса, летели навстречу парящим в воздухе черным сферам, а достигнув их, распадались. Вандель сразу, без объяснений, понял: заклинание, что держит портал открытым, подпитывается душами павших.

Вандель обернулся на ведущий в Черный Храм переход. Ему не верилось, что всего час назад он поднялся с лежанки в келье, готовый к очередному дню тренировок. Иллидан затеял нечто масштабное: много дней в храм стоняли войска, их готовили к войне. Впрочем, эльфов это как будто и не касалось. Больше походило на то, что проводят очередные учения, а их Вандель успел навидаться с тех пор, как примкнул к рядам иллидари.

Судя по слухам, это было как-то связано с чародейками, которые несколько дней группами по тринадцать покидали храм. И все равно Вандель не понимал: при чем тут армия охотников на демонов? Они только и делали, что упражнялись целыми днями... пока однажды не затрубили рога, и Варедис не велел во всеоружии собраться в главном дворе.

Выйдя из портала на склоне вулкана, Вандель удивился: казалось, бой тут продлился очень недолго. Армия, которую готовили столько дней, успела сразиться с кем-то и даже понесла небольшие потери.

Заклинание, поддерживающее портал открытым, не разбирало, кто на чьей стороне: с равным успехом оно поглощало души воинов Иллидана и его врагов. Оно, скорее всего, забрало бы и душу Ванделя, если бы его успели ранить. Наверное, поэтому охотников на демонов переправляли на место последними. Их явно готовили не к битве, что отгремела на склоне вулкана.

Однако, заглянув в мерцающий и подрагивающий зев портала, Вандель понял, к чему.

Сквозь проход охотник чуял следы Скверны и демонов. Как будто бы он стоял недалеко от кухни в ветреный день и слышал запахи еды. Вонь демонов была в ноздри. Облизав губы, Вандель словно ощутил слабый привкус самой Скверны. Никогда еще при нем не творили столь могущественного заклинания, и по-настоящему оценить его размах позволяли новообретенные чувства.

Вандель, который когда-то жил в Ясеновом лесу, содрогался, как содрогались бы его домочадцы и соседи. Вандель, который пожирал демонов и следовал за Иллиданом, наслаждался.

Он коснулся амулета Хариэля, проверил рунное ору-

жие. Он был готов, готов как никогда.

«Скоро, уже скоро», — прошептал в голове чужой голос.

Копытом Иллидан перевернул закованное в броню тело Майев. Без сомнений, эльфийка была опытным и сильным бойцом: орков Скверны она убивала десятками. Иллидан чуть было сам не вмешался в бой — из опасения, как бы Песнь Теней снова не ускользнула из ловушки и спряталась в мертвых землях Долины Призрачной Луны.

Предатель похвалил себя за предусмотрительный ход — отправить к будущему portalу армию орков. Оказалось, не зря.

Майев чуть было не удалось отвлечь его в самый важный момент от ритуала — как раз, когда Иллидан готовился соединить потоки силы и привести заклинание в действие.

Чуть было...

Теперь это было не важно. Теперь Майев сама стала пленником Иллидана и не мешает ему. Предатель позволил себе довольную ухмылку. День уже задался; какие бы силы ни приглядывали за этими древними мирами, они благоволили делам Иллидана.

«Не будь столь самоуверен, — сказал он себе. — Силой воли мы создаем порядок из хаоса. Глупо видеть в цепочке случайностей нечто большее». Он еще некоторое время взирал на Майев, мысленно обещая себе, что Песнь Теней будет страдать так же, как и он. Десять тысяч лет боли стали бы соответствующим наказанием, но она попросту не проживет так долго. Надо изыскать способ уложиться в более короткий срок. Однако всему свое время, Иллидан еще подумает над наказанием для Майев.

Портал пульсировал и подрагивал. Широко разведя поднятые к небу руки, Иллидан произнес заключительные слова могущественного заклинания. Узлы энергии сплелись, структура устоялась; мерцающая завеса отошла, и путь в Натрезу, на родину натрезимов, открылся. Сила магии лезвием вспорола ткань реальности по периметру портала, и сквозь дыру в Запределье хлынул поток энергии Скверны. Татуировки на теле Предателя впитывали ее и направляли, даруя ему еще больше власти.

Ритуал увенчался успехом, чему Иллидан радовался даже больше, чем поимке Майев. Ему удалось открыть портал в мир, куда не забирался никто из Запределья. Такое свершение и Гул'дану далось бы с трудом. С самой

катастрофы, после которой родилось Запределье, здесь никто не творил столь великого чародейства.

Создания Предателя купались в зловещем зеленом свечении, отчего их облик становился еще ужаснее. Это оружие он долго ковал, и теперь предстояло испытание: выдержат ли они или сломаются, точно сработанный кузнецом-подмастерьем худой клинок? Этих эльфов наделили силой, их обучали мастера. Они из тех, кого больше других сжигала жажда мести Пылающему Легиону. Они жили там, где умирали другие.

Однако это еще ничего не значило. Охотники могли погибнуть в следующие несколько часов. Погибнуть мог и сам Предатель. Волей случая вся его жизнь могла обернуться шуткой Вселенной.

Впрочем, поздно о таком беспокоиться. Придется рассчитывать на то, что вычисления верны, и план сработает, как было задумано.

Воздев руку кверху, Иллидан расправил крылья и воспарил. Взгляды воинов обратились к нему, как он и хотел. Иллидан опустился в открытый портал, ощутил покалывание, вдохнул воздух чужого мира.

Он сделал жест охотникам на демонов следовать за ним и сам устремился навстречу судьбе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

За три месяца до падения

Следуя за Иллиданом, Вандель прошел в портал. Взбежал на вершину гребня и затаился. Он чувствовал: где-то вдалеке — демоны. Тысячи тысяч демонов.

В этом неизвестном мире по небу облаками проносились скальные острова. Каждый камень здесь излучал зеленый свет — как и крохотное солнце. Внизу, за гребнем, простиралась изрытая кратерами равнина, над которой парили обсидиановые обелиски. Портал, ведущий обратно в Запределье, так и зиял дырой в ткани реальности.

Ванделя накрыло огромной тенью — это рядом на гребне встал Иллидан. Предатель выпустил когти; каждый мускул на его покрытом татуировками теле бугрился от напряжения, на плечах плащом лежали массивные кожистые крылья, а голову венчали изогнутые рога. Пустые глазницы скрывались за полоской рунной ткани.

Иллидан тоже чувствовал близость демонов. Скривив губы в кровожадной ухмылке, он обнажил блестящие клыки.

Часть Ванделя заливалась безумным смехом, и он поспешил задавить в себе демоническую сущность, хотя и знал: долго он ее сдерживать не сможет. Скоро, чтобы выжить в грядущей битве, ему потребуется сила демона.

Поскрипывая крыльями и высекая копытами искры, Иллидан переступил с ноги на ногу.

Рядом в тени, укрытые мощными заклинаниями, притаились еще охотники, из числа иллидари. Вандель молился всем богам, какие могли услышать его, чтобы заклинаниям хватило силы. Во тьме этого мира скрывались невероятно могущественные враги.

Пройдет несколько часов, и иллидари выяснят, так ли ценны дары Иллидана: сохранят ли они жизнь охотникам на демонов? Окупятся ли месяцы сурового обучения и жертв?

И все же часть эльфа стремилась служить армии Черного Титана, Саргераса, и Вандель опасался, что дело вовсе не в засевшем в его душе демоне. Некая часть его собственной эльфийской души не слабее иного инфернала приветствовала колоссальную мощь и славу Пылающего Легиона.

Учувяв слабость Ванделя, Иллидан зарычал. Ноздри его раздулись.

«Он падет, — прошептал демон в голове Ванделя. — Он

всегда проигрывал. Не ему противостоять воле Саргераса. Саргерасу никто не смеет противостоять».

Вандель глубоко вдохнул и очистил разум. Не могло. Он лишь острее ощутил окружающие его магические токи. Хотелось вобрать эту энергию, использовать. Обрушить подобную извержению вулкана разрушительную волну на демонов. Убить их и забрать силу. Насытиться ими.

«Да, — шепнул демон в голове. — Ты станешь сильнее и сможешь бросить вызов даже Иллидану».

Пытаясь отвлечься от безумного голоса, от наущений, Вандель сосредоточился на окружающем его мире. А он, казалось, целиком состоял из магической энергии, сгущенной и застывшей в форме пульсирующего и светящегося камня. К чему ни прикасался Вандель, кожу покалывало.

Сердце грохотало в груди. Он постарался сосредоточиться на подступающем враге, убедить себя, что готов к схватке.

Иллидан следил за тем, как приближаются демоны. Пока что это были просто тени — ауры, которые он воспринимал призрачным зрением. Числом они превосходили охотников, но Предателя это не волновало. Исход битвы решит магия.

Кругом вихрились потоки энергии Скверны. Иллидан едва сдерживался, чтобы не зачерпнуть из них силу. Пальцами он провел по шраму от раны, которую нанес ему Артас. Рубец покалывало, точно в нем застрял осколок Ледяной Скорби, коварного клинка Короля-лича. Иллидан поспешил отдернуть руку, чтобы лишний раз не вспоминать о былых неудачах: сейчас было не время для таких мыслей.

Иллидан чувствовал, как волнуются и сомневаются охотники. Его улыбка превратилась в оскал: ученики уподобились гончим, учуявшим добычу. Такими он их и создал. Пришло время последней проверки. Время убедиться, что не зря он столько веков вынашивал планы. Если бойцы подведут и сгинут, он погибнет и сам, а все затеи пойдут прахом.

Нет, не бывать этому! Охотники возьмут последний барьер. Он слишком долго готовился, чтобы сейчас проиграть.

Иллидан расширил границы восприятия, сознанием как волной накрыв приближающегося противника. Миг — и он узнал их число. Десятки повелителей ужаса. Каждый — со

свитой из сотен гончих, инферналов и прочих демонических сущностей.

«Сильны. Пожалуй, даже чересчур сильны».

Иллидан потрянул рогатой головой, желая прогнать назойливую мысль. Расправив крылья, он поймал восходящий поток воздуха.

«Ты ошибся в расчетах. Не первый раз».

Нет, он не мог ошибиться. Он готов, как и его армия.

Враг был уже совсем близко: армия демонов неслась по равнине, будто волна, готовая подняться и захлестнуть гребень, на котором расположился Предатель с охотниками. Среди меньших демонов шествовали гиганты — повелители ужаса; их крылья трепетали даже в полном безветрии. Они озирались, высматривая врага. Среди свиты они выделялись не только размером: броню их украшали светящиеся символы — знаки отличия.

Тут были даже порочно прекрасные суккубы: помахивая хвостами в сладострастном танце, они шелкали плетью. Море гончих принюхивалось, подергивая антеннами и сверкая акульими зубами. Облаченные в броню стражи Скверны размахивали гигантскими секирами в ожидании приказов. Мерцали на грани восприятия шестирукие гиганты шиварры, почти неуловимые даже для невероятно острых чувств Иллидана.

Такова была армия Пылающего Легиона, сила, пожирающая бесконечные миры Вселенной, которую вознамерилась обратить в пепелище во имя своего господина Саргераса.

Для них Иллидан стоял на гребне скалы один. Его армию скрывали защитные чары, и снять он их хотел не раньше, чем будет готов. Враги увидели открывшийся портал и поспешили наказать того, кто дерзнул вторгнуться в их пустынный мир. Нечасто бой случался во владениях Пылающего Легиона. Такое происходило считанное число раз.

На равнине у подножия скалы армия демонов остановилась. Самый крупный из повелителей ужаса указал на Предателя и расхохотался. Прокатившийся над пустыней злой издевательский смех подхватили остальные командиры. Они развеселились: кто-то, наверное, даже решил, что это — шутка. Они собрали армию и выслали ее на перехват одного-единственного чужака.

Скрестив на груди руки, Иллидан шире расправил крылья и взглянул на врагов с не меньшим презрением. Хо-

хот повелителей ужаса застыл у них в глотках — только эхо гуляло меж скал. Огромная армия демонов погрузилась в молчание; тишину нарушал только треск горящей плоти inferналов. Предводитель опустил сжатый кулак, и с неба рухнул гигантский метеор. Грянул гром; над полем предстоящей битвы прокатилось эхо, и задрожал воздух.

Вандель только порадовался, что укрылся за гребнем скалы, — пока что демоны их не заметили. От армии врага накатывали волны злобы, этакая дымка, сгустившиеся в воздухе частички энергии, несдерживаемой ненависти и агрессии.

«Примкни к демонам, — советовал голос. — Примкни, и тебя ждет награда, какой не знала ни единая душа в истории Вселенной».

Он искушал, но говорил правду — по-своему, разумеется. Вандель коснулся рукоятей кинжалов. Сейчас было проще простого вогнать рунные клинки в спину Иллидана. Разве он не Предатель? Какой другой эльф в истории больше других заслуживал смерти?

«Убей, — нашептывал демон. — Убей Иллидана и покрой себя вечной славой. Убей Предателя и стань темным богом».

Когда гром стих, армия демонов перешла в наступление. Из воронки от метеора выбрался inferнал и вместе со всеми это пылающее создание побрело к скале.

Вандель едва справлялся с искушением: убей он Иллидана, и братья-демоны приняли бы его с распростертыми объятиями. Тогда он забудет о смерти, о муках совести и страхе. Забудет навсегда о погибшей семье и горе, о сожалении, обо всем, что когда-то связывало его с этими слабыми, хрупкими созданиями из плоти и крови.

Он мог бы превзойти себя, примкнуть к Пылающему Легиону и жить вечно как завоеватель, очищая Вселенную от заразы жизни. Он мог бы предварить конец мироздания и создать новую Вселенную — по образу, который задумает сам.

Какое-то время Вандель еще колебался, прислушиваясь к голосу демона — а точнее, к собственному. Он осквернил свою душу, сожрав плоть гончей. Суть монстра въелась в дух и извратила его. Иного демона в душе Ванделя никогда и не было.

Поддаться увещаниям значило бы предать клятву отомстить, разорвать узы с женой и сыном.

Вандель не желал убивать Иллидана. Он хотел убивать сделавших Иллидана тем, кто он есть. Увидев, чему противостоит Предатель, охотник понял, за что тот сражается. Пусть Иллидан и совершал непростительные ошибки, он единственный понял, с чем все борются, и был готов на все, лишь бы остановить угрозу. Может, он и безумец, может, его планы и обречены на провал, но иного выбора, чем следовать за ним, Вандель для себя не видел.

Демоны Легиона приближались к гребню. Вот и пришла пора сразиться с подлинным врагом.

Армия натрезимов начала подъем, который вымотал бы смертных, но демоны усталости не знали. Впереди неслись гончие Скверны, следом брели инферналы; десятки крылатых повелителей ужаса выкрикивали приказы.

«Пора!» — прогремел в голове голос Иллидана. Охотники на демонов единым строем покинули укрытие и устремились вниз, к добыче.

Армия Легиона на мгновение замерла — видно, не в силах поверить, что им противостоит армия столь малых существ, которая к тому же уступает им числом. Снова раздался хохот повелителей ужаса.

Две армии сошлись с грохотом, с каким волна ударяет в скалы. Демоны стремились добраться до портала и закрыть его. Охотники хотели одного: убивать, убивать, убивать.

На Ванделя прыгнула гончая. Сверкнули острые треугольные зубы. Охотник выстрелил ей прямо в пасть ступком зеленовато-желтой энергии. Голова демона лопнула; на землю посыпались обугленные шматы плоти. Устояв перед искушением полакомиться ими, Вандель бросился вперед и обнажил клинки. Нырнул и прокатился между двух мо'аргов, подрезав им сухожилия на ногах, пока демоны не успели пустить в ход оружие. В прыжке поднялся и вонзил ножи в глаза — сперва одному, потом второму.

Тут перед ним вырос повелитель ужаса: вдвое выше Ванделя, шире ограда и намного его сильнее. Эльф ушел от удара булавой, оголовком которой расколол камень. В воздух поднялось облако зеленой мерцающей пыли.

Вандель встал на ноги, но демон сбил его ударом крыла. В ушах зазвенело. Вандель, крутясь, отлетел на валун. Впрочем, он успел сгруппироваться и оттолкнулся ногами. Ушел от другого удара, перекатился и встал.

Повелитель ужаса развернулся с невероятной для соз-

дания таких пропорций быстротой и побрел на Ванделя. Тогда он выстрелил в натрезима сгустком энергии. Демон прикрылся крылом — прожженное стрелой Скверны, оно повисло разорванной накидкой. Повелитель ужаса этого как будто и не заметил.

Краем глаза Вандель увидел, как Циана расправилась с мо'аргом, перемахнула через труп и напала на стража Скверны. Справа полыхнула вспышка, и Вандель инстинктивно подскочил в воздух — внизу под ним пролетела огненная стрела Скверны, пущенная бесом. Падая, Вандель извернулся, так чтобы не угодить в зеленое пламя, и оказался прямо перед массивным блестящим копытом раненого повелителя ужаса. Демон хотел раздавить его, но промахнулся. Вандель зашел ему за спину и ударил кинжалом под колено. Существо фыркнуло — не то от боли, не то презрительно — и обрушило булаву охотнику прямо на плечо.

Будь эльф смертным, он пал бы — сломанные ребра пронзили бы сердце и легкое. Но Вандель только использовал силу удара и, отлетев, перекатился. По ходу он успел отомстить бесу, который пытался поджарить его: выстрелил в хихикающего демона стрелой Скверны, оставив от того лужицу кипящей слизи.

Подскочив, Вандель вонзил один кинжал в нагрудник демона, подтянулся и воткнул второй ему в глаз. Демон хватил ладонью по лицу, надеясь прихлопнуть эльфа, но тот уже выдернул клинок и пронзил врагу второй глаз. Затем спрыгнул на землю и обрушил на ослепленного противника град стрел Скверны.

Без сомнения, будь у повелителя ужаса время, и он учуял бы Ванделя, как Вандель чуял его самого, но времени охотник демону давать не собирался. Он снова принялся колоть ослепшего натрезима. Заговоренные клинки пронзали плоть, оставляя гниющие незаживающие раны. Сталь чиркала о кость, рассекала сухожилия и мускулы: стояли хруст и чавканье, как на скотобойне.

Демон бросил попытки достать Ванделя и отшатнулся, хлопая крыльями. Взлететь он уже не мог, и Вандель продолжил кромсать его. Бил он жестоко, испытывая болезненное наслаждение. Он знал: тварь внутри него тоже подпитывается агонией повелителя ужаса. Ну и пусть, сейчас их желания совпадали. Пусть монстр становится сильнее — Вандель употребит его растущую мощь, прямо сейчас. Оба они — и Вандель, и его демон — наслаждались убийством.

Когда от повелителя ужаса осталась куча освеженного мяса, Вандель сообразил, что тратит драгоценное время и что поблизости полно другой добычи: пора ему взять свое.

Неподалеку Игла оседлал поваленного стража Скверны и небрежно колот его длинными иглами, прямо в дыру на нагруднике — словно хотел сшить края доспеха заново. Эларизизель догнала раненую гончую, которая пыталась спрятаться за камнем, и прервала ее страдания.

Выжившие натрезимы, отступая, взобрались на огромный валун. Они даже не испугались, а, скорее, удивились: не могли сообразить, что происходит. Битва пошла не так, как они ожидали.

Охотники на демонов выкосили ряды их армии, словно острые серны — спелые колосья. Поле боя усеивали трупы демонов. Погибло и несколько эльфов, но куда меньше, чем ожидал Вандель.

На скальный выступ позади повелителей ужаса приземлился Иллидан. Вандель думал, что сейчас Предатель сам уничтожит их, но он просто стоял и смотрел.

Иллидари разом обернулись к хозяину, взглянули на повелителей ужаса и живой рекой нахлынули на демонов, а те приготовились дать последний бой.

На глазах у Иллидана охотники на демонов растерзали последнего натрезима. Сомнения развеялись: охотники превзошли все его ожидания. Да, на их стороне была неожиданность: демоны никак не думали встретить такой свирепый отпор, да еще на своей территории. Излишне самоуверенные, они слепо бросились в бой и поплатились за это, но так будет не всегда.

Однако ничто не могло омрачить радости победы. Каждый повелитель ужаса, павший сегодня, умер навечно и больше не причинит зла Вселенной. В родном мире они гибли безвозвратно. Долго же Иллидан не мог осознать этого, открыть эту тайну. Сколько он убивал врагов, наивно полагая, что и правда уничтожает их? Ответ ему дали видения. В плену, длившемся сотню веков, он ничего не мог поделать, зато теперь все изменилось. Иллидан заставит владык Пылающего Легиона страдать, как они заставляли страдать других.

Он сосчитал своих павших бойцов — менее двух десятков. Сейчас эти потери были катастрофическими, однако скоро Иллидан создаст еще охотников. Легион посеял драконьи зубы промеж его рядов: все эльфы Иллидана

стремились отомстить демонам. Впрочем, над этим можно будет поработать позже. Пришло время забрать то, зачем Иллидан явился в Натрезу.

Нужно было торопиться: Иллидан разгромил лишь песчинку от песчинки подлинной мощи Легиона. Как только владыки города сообразят, в чем дело, то призовут помощь. К тому времени Иллидану нужно будет убраться в Запределье. Охотники сильны, однако их можно взять числом.

Предатель приказал эльфам двигаться дальше.

Охотники на демонов устремились к городу натрезимов. Гигантские обсидиановые башни сияли отраженным светом энергии Скверны. Сияли и черные улицы города. Армию Иллидана окружало все больше и больше демонов — тех, кто отстал, или кого оставили на посту. Иллидари сметали всех на своем пути, точно гончие — настигнутых кроликов. Против такого множества свирепых воинов не устоял ни один, даже самый сильный повелитель ужаса.

Иллидан поборол искушение присоединиться к боине: открытие портала лишило его большей части сил, и остатки он решил приберечь на случай, если произойдет нечто непредвиденное.

Впереди маячила высочайшая башня города — великие архивы натрезимов. Там повелители ужаса хранили все секреты, добытые за время службы Саргерасу.

По бокам от входа, который внезапно замерцал и исчез, перекрывая захватчикам доступ в святая святых, стояли стражи Скверны. Татуированные бойцы быстро расправились с ними и, озадаченные, встали у преграды. То, что мгновения назад было аркой, превратилось в мерцающую стену из камня.

— Взрывайте, — приказал Иллидан. Имелся и более изящный способ, но времени подбирать магический ключ не было.

Охотники обрушили на стену шквал огня Скверны. Камень, хоть на нем и остались следы, выдержал.

— Сосредоточьтесь на одной точке! — прокричал Иллидан, и все стрелы ударили в самый центр. В конце концов барьер не выдержал и рухнул грудой осколков. Иллидан перемахнул через нее и посмотрел на уводящий в подземелья башни долгий спуск. Пока что видения Гул'дана не лгали. Предатель ухмыльнулся, когда двадцатка иллидари устремилось в недра архива.

— Вниз, — приказал Иллидан, и его солдаты пошли в подземелье. Под ногами у них загорались странные

огоньки. Воздух гудел и вибрировал, насыщенный чарами, пронизанный потоками магической энергии, которые сплетались в мощные заклятия; дрожал от витающей в нем силы, отзывавшейся на каждый шаг. Все в этом необычном мире существовало благодаря ей, от нее питались сложные магические агрегаты.

Иллидан близко подобрался к цели. Очень близко.

Глава девятнадцатая

За три месяца до падения

– Умри, осквернитель! – прокричал мо'арг, бросаясь вперед и поднимая ствол странного оружия. Полыхнула струя магического пламени.

Ударом клинка наотмашь Иллидан походя обезглавил приземистое создание и прошел в главный архив. Всюду высились блестящие башенки, сложенные из бесчисленных обсидиановых дисков и похожие на стопки монет. На каждом диске содержались хроники, однако Иллидану нужен был всего один из них.

Предатель обернулся к застывшим в дверях просторного зала охотникам.

– Не входите. Что бы ни случилось в следующие пять минут, никого не впускайте.

Охотники согласно кивнули, и Предатель снова посмотрел на стопки дисков. Скрестив руки на груди, он сплел заклятие. К башенкам устремились щупальца магии: всякий раз, как они касались какого-либо диска, в голове у Иллидана мелькали образы, обрывки знаний.

Здесь было сердце мира натрезимов, их монумент – запись о каждой победе, завоевании, заговоре. Здесь натрезимы оставляли свои имена. Это была живая память об их расе. Память о бесчисленных походах в бесчисленных мирах, имена давно забытых предателей, отдавших родные миры Пылающему Легиону и павших жертвами его коварства; память о каждом портале, через который Легион отправлялся в иные миры; названия и координаты тех миров.

Все записи располагались по порядку: чем ближе к центру зала, тем более древние знания хранили башенки. Туда, в самое сердце хранилища, Иллидан и направил щупальца энергии. Нужный ему диск хранился, скорее всего, ближе к ядру. В голове у Предателя проскальзывали сцены из незапамятных времен, старых даже по меркам демонов.

Иллидан торопился: где-то вдали открывались врата. Натрезимы готовились ответить на вторжение в свой мир.

Послышались звуки сражения. Они доносились как будто издалека, но Иллидан знал: это заклинание, связавшее его с архивом, искажает восприятие. Охотники вступили в бой с подкреплением из города демонов, и Предатель молился, чтобы его бойцы продержались, пока

он не закончит дело. Он спешил, понимая: если эльфов задавят числом, библиотека станет для него смертельной ловушкой.

Иллидан сделал глубокий вдох и усилием воли успокоил сердцебиение. Он был так близок к завершению всех планов, что не мог позволить себе ошибиться.

И вот, наконец, он отыскал первый барьер — сложное и едва-едва заметное заклятие. Его оставили, чтобы предупредить хозяев каждый раз, когда кто-то попытается подделать хроники, переписать историю. Нет, такое вероломство Иллидана не интересовало. Он жаждал получить одно необходимое знание и убраться восвояси.

Предатель разрушил чары, и сразу же вспыхнули защитные руны, кругом начали открываться порталы. Между башенок с дисками, мерцая, возник огромный страж Скверны. Тут же раздался магический сигнал — громopodobный и отчетливый, словно звон колокола, для любого чародея. Издалека прозвучало еще множество подобных ему.

Теперь натрезимы точно узнали, где Иллидан.

Страж Скверны атаковал, и Предатель разрубил его надвое ударом клинка. На смену павшему стражу явилось много других; Иллидан расправился и с ними. Однако с каждой секундой демонов прибывало.

Призрачным зрением Иллидан попытался прочесть рисунок защитных чар: в основании каждой башенки было начертано по знаку, и каждый был связан с одной из трех главных печатей под центральной колонной.

Иллидан метнул клинок в ближайшую из печатей. Прорыв в воздухе, оружие выщербило камень и разрушило часть заклинания, а затем, отскочив от столпа, вернулось к владельцу. Но главное — порталы, связанные с уничтоженной руной, закрылись, и поток стражей ослаб.

Убегая от демонов, Иллидан обогнул колонну и достиг второй светящейся печати на полу. Убив очередного стража Скверны, он устремился вперед на крыльях. Нарушил охранный знак. Побежал дальше, к третьему и последнему. Вокруг него уже струдились оставшиеся стражи. Иллидан взмыл к потолку и спикировал прямо на них. Клинки его пели, когда он прорубался сквозь ряды демонов и уходил от ударов секир и от когтей стражей.

Наконец Иллидан вонзил клинок в руну прямо по центру, и его отбросило ударной волной высвободившейся силы. Порталы схлопнулись, и демоны негодуя взвыли. Иллидану осталось расправиться с теми, кто успел прой-

ти в архив, и все подкрепления им больше не будет.

Предатель снова заметался меж врагов, подлетая и раскидывая их в стороны. Клинки его срубали головы, отсекали руки. У центрального столпа Иллидан остановился, чтобы перевести дух. После стольких веков он как никогда близко подобрался к цели.

Вытянув руку, он снова коснулся дисков магическими щупами: нахлынули образы, но внимание Иллидан обратил лишь на один — Печать Аргуса. Поверх нее накладывались другие, очень яркие видения, — аура тех, с кем Иллидан столкнулся в прошлом и кого не забудет: Архимонда и Кил'джедена, двух самых могущественных военачальников Саргераса, подлинного повелителя Пылающего Легиона.

Даже воспоминания о них грозили сломить Иллидана, хотя он тщательно подготовился. Предатель ощущал чистейшую ярость Архимонда и слышал тонкий, изворотливый разум Кил'джедена. Иллидан готов был броситься бежать, словно смертельные враги его внезапно оказались рядом, но он напоминал себе: самих повелителей демонов здесь нет, это — лишь воспоминания о них.

Одним могучим рывком Иллидан вынул диск из стопки — башня пошатнулась, но не осыпалась. Предатель произнес новое заклинание, и диск, повиснув в воздухе, принялся медленно выписывать круги. На его поверхности загорелись зловещие зеленовато-желтые руны.

Иллидан скривился в жестокой усмешке. Он кое — что оставит на память о себе... Вложив в удар все силы, он рубанул по столпу клинком Аззинота. Полетели искры магической энергии, в воздухе запахло озоном и серой.

Взлетев, Иллидан принялся рубить колонны, повреждая сплетение чар и уничтожая хроники, которыми так гордились повелители ужаса. То-то они разъярятся! Иллидана переполняло просто дьявольское ликование. Часть его горевала по утрате стольких знаний, другая часть верила, что никакое воспоминание о повелителях ужаса не имеет права на жизнь. Они не заслуживали монумента.

У входа иллидари продолжали биться, сдерживая натиск демонов. Иллидан спикировал в самую гущу боя, опустился на спину натрезиму и ударом клинка обезглавил его.

— Ко мне, мои воины! — вскричал Предатель. — Пора убраться из этого поганого мира. Мы получили то, за чем пришли.

Они с боем шли назад к portalу. Вокруг открывались и открывались проходы, через которые хозяева Пылающего

Легиона слали подкрепление своим бойцам. Казалось, они так еще и не поняли, что же происходит на самом деле, и отвечали на вторжение сдержанно. Но не стоило обольщаться: скоро в дело вступит какой-нибудь полководец Легиона, и тогда Иллидану придется по-настоящему туго. Пока этого не произошло, надо было бежать из Натрезы.

Вандель зарезал мо'арга, который приготовился выпустить в него поток пламени. Сверху, с гребней скал охотников поливали огнем бесы.

– Варедис, возьми эльфов и очисти эти хребты, – приказал Иллидан.

Наставник кивнул и жестом позвал за собой группу охотников. Совершая немислимые скачки через огненные потоки, иллидари устремились вверх по склону. Бесы завопили и изрыгая проклятия на своем наречии, бросились наутек.

Впереди маячило несколько демонов бездны: безногие и закованные в блестящую черную броню, они парили в воздухе. Страшные противники, но, по счастью, медлительные.

– Обгоняйте их, – велел Иллидан. – Бегите к порталу.

Предатель огляделся: во время схватки в подземелье его войско понесло новые потери, и эльфы все еще продолжали гибнуть. Вот упала Эларизиэль, и Иллидан устремился к ней. Вандель подоспел раньше и помог ей встать. Иллидан одобрительно кивнул. Он никого не хотел бросать здесь: раненых можно было исцелить, а безнадешных Предатель сам избавлял от мучений.

Впереди пылал проход в Запределье. Там уже разгорелась битва: силы Легиона устремились к вратам, желая перекрыть врагу путь к отступлению. Армия же Иллидана стояла наготове в Запределье: сама не пересекала границы, но и не впускала никого на свою сторону.

– Построиться клином, – приказал Иллидан. – Будем пробиваться.

Охотники на демонов с боевым кличем устремились в бой. В сражении они ничем не отличались от демонов: покрытые шрамами и татуировками, изуродованные мутацией. Некоторых окружал теневой покров, другие свободно, точно иное порождение Круговерти Пустоты, швыряли во врага стустками энергии Скверны.

Какое-то время демоны еще держались, но вот их заслон пал, и путь домой был свободен. Иллидан велел своим бойцам уходить, а сам обернулся: вдали, озаряя

тьму, открылись гигантские порталы. Из них на склоны гор хлынул нескончаемый поток демонических воинов, и, глядя на них, Предатель рассмеялся.

«Ну, подходите, подходите», — думал он. Демоны опоздали — он украл то, за чем приходил.

Иллидан перешел в Запределье; охотники на демонов уже отбежали от портала на безопасное расстояние и встали в общий строй. Иллидан последний раз обернулся: по ту сторону не осталось в живых никого из иллидари; тогда он произнес заклятие разрыва, и портал схлопнулся. Отдачу Предатель направил в родной мир натрезимов: его прощальный подарок — шквал высвободившейся энергии — мог расколоть целый континент. Предатель молился, чтобы в этот миг по ту сторону у врат успели собраться полководцы — повелители ужаса.

Сегодня он нанес Пылающему Легиону крупнейшее поражение за многие тысячи лет и гордился этим.

Когда портал закрылся окончательно, Иллидан осмотрел свою армию. Почти наверняка в ее ряды затесались шпионы. Однако, вспомнив события ушедшего дня, Иллидан широко улыбнулся.

Сегодня он одержал безоговорочную победу, впервые за долгие века: пленил Майев, вторгся в мир повелителей ужаса и украл у них самую заветную тайну. Уничтожил армии, присланные на защиту Натрезы, и — если расчеты верны — расколол мир демонов, как магия Нер'зула некогда расколола Дренор.

Вглядевшись во внимательные лица воинов, Иллидан произнес:

— Сегодня мы нанесли Пылающему Легиону поражение, какую он не знал десять тысяч лет, — его усиленный магией голос гремел над стройными рядами. — Мы убивали повелителей ужаса, разрушили их мир. Показали, что им не уйти от возмездия, что мы заставим их ответить за злодеяния!

Осознав, чем завершился дерзкий поход в мир демонов, охотники одобрительно загудели. Горячка боя прошла, и вот они в полной мере ощутили вкус победы. Эльфы, которые более не думали смеяться, улыбались. Демонический гнев в их сердцах на мгновение утих, сменившись подобием умиротворенности.

— Мы уничтожили тысячи демонов и заманили в гибельную ловушку во сто крат больше их собратьев, а еще до были это! — Обеими руками Иллидан поднял над головой

диск из архива. Артефакт засиял отраженным светом. Охотники на демонов и чародеи ощутили его мощь, а самые чувствительные даже уловили, как из него сочатся демонические ауры.

«Среди моих бойцов могут быть шпионы», — напомнил себе Иллидан, но радость развязала ему язык.

— Мы нашли ключ к родному миру Килджедена и Архимонда. Туда, где их можно убить раз и навсегда. Раскрыли местонахождение Аргуса. Легион уничтожал миры за мирами, стирал с их лиц народ за народом, и вот ему пришла пора пожать плоды своих дел. Сегодня мы убивали натрезимов, но это только первый шаг. Мы на пути к окончательной победе. Узнали, как отрубить голову врага. Ныне мы объявляем войну Кил'джедену! Покажем ему, что такое поражение!!!

«Пусть здесь шпионы, — думал Иллидан. — Пусть они донесут обо всем Пылающему Легиону. Пусть знают, чего я добился сегодня, и дрожат».

Глава двадцатая

За три месяца до падения

Майев проснулась. Тело по-прежнему ныло. Ее держали где-то в подземелье: в темноте капала вода, в воздухе пахло серной вонью демонов и потом Сломленных.

Встав на ноги, Майев проверила решетки на прочность. Нет, слабее они не стали. Их и так сработали, чтобы они могли сдержать существо вроде властителя преисподней, а теперь еще и усилили рунами и многослойными заклятиями.

Эльфийка распознала чары подпитки и восстановления. Значит, она не сможет уморить себя голодом, а стоит ей пораниться, как плоть тут же исцелится. Эти заклятия Майев хорошо знала — точно такие некогда оплетали камеру Иллидана. Эльфийка догадалась об этом, когда попробовала пробиться на свободу голыми руками: боль заставляла бить яростней и сильнее, хотя кости срастались, а края разорванной плоти сходились сами собой.

Скорее всего, ее дух тоже пленили. Майев не сможет наложить на себя руки — тут же воскреснет. Из темницы ее выведут только сами тюремщики.

Поначалу Майев в любой момент ждала, что явится Предатель и станет пытаться ее, но он все не приходил и не приходил. Должно быть, занимался чем-то более важным или просто давал Майев время испугаться как следует. Подобные издевательства — вполне в его духе.

Впрочем, ей хватало мелких издевок со стороны надсмотрщиков: ее оплеывали, кололи острыми кольями, кормили из мисок, в которые мочились пеплоусты. Демоны осыпали ее бранью, которая ранила не слабее клинка. Один особенно надменный повелитель ужаса по имени Вагат в больших подробностях расписал, каким пыткам подвергнет пленницу — только бы приказали. Майев держалась спокойно и с достоинством, портя надзирателям удовольствие. Иллидан, видимо, запретил им всерьез вредить пленнице — хотел отомстить сам.

Были и другие пытки: в жаркие дни ей не давали пить; порой вообще не кормили, и тогда в животе как будто рычал разъяренный саблезуб. Заклинания подерживали в эльфийке жизнь, не давая умереть, однако голода и жажды не утоляли.

Но страшнее всего были муки совести: Майев привела тех, кто верил ей, на убой. Ища возмездия, потеряла Аиндру, Сария и остальных преданных воинов.

Песнь Теней тщетно пыталась убедить себя, что Стражи пошли на смерть добровольно. Закрывая глаза, она видела перед собою их лица: эльфы смотрели на предводительницу с укоризной. Во сне Майев снова и снова видела, как они погибают. Она проклинала всех, кто отказался помочь: наару, Алдоров, Арехрона из Телаара. Если бы они послушали Майев, беды не случилось бы, и Предатель уже гнил бы в тюрьме или в могиле, где ему самое место.

Утешения это не приносило.

Она знала, чья воля гнала Стражей в поход против Предателя. Знала, в кого они верили. Это она подвела свой отряд. Она могла валить вину на кого угодно, однако в конце концов признавала, что за все отвечать лишь ей.

От этого становилось больнее всего. Майев потерпела неудачу: Иллидан не просто остался на свободе, он еще и укрепил свои силы. Это действовало на Майев хуже, чем яд, чем голод, чем все пытки вместе взятые. Она обречена была сидеть в этой клетке, пока Иллидан не соизволит убить ее. Пленнице дали ясно понять: ее жизнь и смерть целиком во власти Предателя.

И вот он как будто позабыл о ней: мол, ты ничто, незначительный пункт в моих масштабных задумках.

Бывали дни, когда Майев еще надеялась, что кто-нибудь из Стражей уцелел и придет за ней, и бывали дни, когда она отчаивалась. Даже если несколько ее воинов сумели бежать из ловушки, зачем им спасать предводителя, который погубил войско? Она потчевала их обещаниями победы и славы, а привела к поражению. И потом, Майев сама видела, как все погибли.

Будь проклят Акама! Майев поверила вероломному вождю пеплоустов: он убедил ее, что ненавидит Иллидана не меньше, чем она, что так же сильно желает ему смерти. Сейчас, наверное, потешается: как он провел Стража! Как она купилась на его ложь! Будь проклят день, когда они встретились!

Как Майев сразу не распознала предателя? Как не догадалась, к чему ведет Акама? Может, он с первого же дня планировал заманить эльфов в ловушку? И уже тогда они с Предателем смеялись над тем, как она покорно шла в западню? Майев отказывалась верить, что ее удалось провести так легко. Должно быть, Акама солгал не во всем: он ведь и правда ненавидит Предателя за осквернение Карабора.

Кажется, эльфийка, заметила, когда Акама пере-менился: на последнюю встречу в Шаттрате он пришел сильно постаревший и ослабленный. Наверное, Иллидан его все-таки раскрыл и пытал. Применил к нему мощное подчиняющее заклятие. А может, просто предложил нечто, перед чем не устояла продажная душонка Сломленного. Предатель умеет убеждать, скрывая коварство медоточивыми речами. Что же он такого мог предложить?

Нет. Если Майев не ошиблась, то на склоне вулкана, когда открывался портал, Акама удивился не меньше, чем она сама. Пеплоуст искренне, забыв о страхе смерти, возмутился, когда Иллидан скормил portalу души Сломленных. Выходит, все не так просто.

Забывшись этими мыслями, Майев не сразу заметила, что надсмотрщики притихли. Оказывается, к ней, хромая, шел Акама — еще больше постаревший и изможденный.

— Вероломный пес! Клятвопреступник! — выругалась Майев.

— Я не приносил тебе клятв, Майев Песнь Теней, — усталым голосом напомнил Акама. — Как и ты мне.

Караульные молча слушали. Акама жестом велел им отойти от клетки, и те, явно побаиваясь вождя пеплоустов, подчинились.

— Так значит, ты умудрился заново втереться в доверие к Предателю.

— Я жив.

— Чего не скажешь о многих из твоих воинов.

— И о твоих, — поморщившись, парировал Акама.

Майев ничем не выдала мук совести.

— Мои воины сложили головы за правое дело, стремясь воздать Иллидану по заслугам. Я завершу их труды.

Акама жестом обвел прутья клетки, и в воздухе, проявившись, мерцали защитные чары.

— Взгляни, куда завели тебя страсть, ненависть и гнев. Нравится?

— Я хотя бы не стояла в стороне, наблюдая, как убивают моих воинов.

— Подумав немного над ее словами, Сломленный сказал:

— Однако их убили. Из-за твоей прихоти.

Теперь поморщилась Майев. В темнице она уже не могла контролировать свои чувства так хорошо, как прежде.

— Они отдали жизни за дело, в которое верили. Скажет ли кто-нибудь такое о тебе?

– Мне достался сложный выбор, и мне жить с его последствиями. Тебе ли не знать, каково это?

– Ты выбрал свою шкуру и отдал на закланье тех, кто тебе верил, – горько произнесла Майев.

– Ты даже не представляешь, что со мной сделали. Иллидан вырвал у меня часть души и подчинил ее себе при помощи магии. Теперь эта тень в любой момент, по его приказу, может сожрать меня изнутри.

Неужели он говорит правду? Если да, то это многое объясняет. А может, это лишь очередная ложь.

– Не желаю выслушивать твои причитания.

Акама надолго умолк.

– Я рисковал не только собственной жизнью, – мягким голосом заговорил он наконец, – но и жизнями своего племени. Предатель настолько же беспощаден, насколько всесилен.

– И ты отверг шанс уничтожить его?

– Шанса у нас не было. В тот раз – точно.

– А сейчас, значит, есть?

Акама постоял, раскрыв рот. Казалось, пеплоуст хочет что-то сказать, но вот он облизнул губы и едва заметно покачал головой.

– Ты даже не представляешь, насколько сильным стал Иллидан. На моих глазах он творил магию, которая, как я считал, доступна лишь богам. Предатель открыл портал, пронзивший Вселенную насквозь.

Голос Акамы странным образом переменился: Сломленный боялся чужих ушей. Так за ними следят? Ну разумеется, куда в темнице без слежки? Неужели Акама все еще планирует свергнуть Предателя и отводит в своих кознях место Майев?

– Зачем он открыл переход? – спросила эльфийка.

– Иллидан вернулся в Запределье, победив армию демонов, разрушив их мир. Так он сказал.

– Ты ему веришь?

– Верю, что он искренне ненавидит натрезимов. Ненавидит весь Пылающий Легион.

В его голосе Майев как будто уловила нотку сомнения. Может, Акама – просто лицедей, исполняющей роль, только бы отвести от себя подозрения?

– Зачем ты пришел? – спросила она. – Позлорадствовать?

– Хотел убедиться, что с тобой все хорошо. У владыки Иллидана на тебя планы.

Во рту у Майев пересохло, сердце забилось чаще. Яс-

но, что именно уготовил ей Иллидан. Он не зря стремился сохранить ей жизнь и здоровье, вот только это совсем не к добру. Иллидан спросит с Майев за все сто веков заточения...

Эльфийка поспешила избавиться от этих мыслей. Любую пытку она встретит достойно. Не покажет тюремщикам страха, не доставит им наслаждения.

— Он тебя проверяет, — сказала она, позволив себе насмешливый тон. — Не верит тебе.

— Вряд ли он вообще кому-то доверяет. Ты бы на его месте как поступала?

— Я бы не оказалась на его месте.

— Ты похожа на него даже больше, чем смеешь представить. Жестока и одержима под стать ему. Во имя цели, без лишних раздумий, пожертвовала друзьями. Пожертвовала жизнями последователей.

Если бы не решетка, Майев ударила бы Акаму.

— Твои суждения мне безразличны, — зло глядя в морщинистое лицо Сломленного, ответила эльфийка. — Я более не верю ни единому твоему слову.

— Можешь лгать себе сколько угодно, но загляни в свою душу — и убедишься, что я прав.

Майев схватилась за прутья решетки, словно стремясь погнуть их, развести в стороны и, выйдя, добраться до Акамы.

— Ты все еще сильна, — рассмеялся пеплоуст. — Это хорошо. В будущем силы тебе понадобятся.

— Меня не пугают твои угрозы, старик.

— По-твоему, это угрозы? Не только у владыки Иллидана есть на тебя виды, Майев Песнь Теней. Подумай над этим.

— О чем ты?

— У меня тоже есть планы. — И снова в его голосе Майев уловила непонятный тон: замаскированная угроза или нечто иное, поданное как таковая?

— Не желаю участвовать в твоих интригах, коварная ты тварь, — ответила Майев, надеясь вытянуть из Акамы побольше сведений.

— Скоро у тебя может не оказаться выбора.

Акама похромал прочь. Майев невольно пожалела о его уходе: впервые после пленения ей удалось хоть с кем-то пообщаться. К тому же, кроме Акамы, она здесь больше не знала никого.

А может, все это — часть плана Иллидана? Может, Предатель издевается над ней, выматывает? Если так, то

Майев с этим ничего поделать не сможет, и остается ждать и терпеть, копить силы.

Времени у Майев было много, и она поклялась, что Предатель ответит за все убийства, и что Акама тоже поплатится. Эльфийка принялась составлять сложное заклинание-ловушку для Иллидана. Если она когда-либо вырвется на свободу, то непременно опробует эти чары.

Глава двадцать первая

За два месяца до падения

Под беспощадным солнцем кровь едва успевала окропить выжженную землю Полуострова Адского Пламени — так быстро она высыхала. Вандель зарезал последнего демона и перешел к другому, которого убил, метнув ему нож в глаз.

Оглядевшись, понял, что цель достигнута: в отчаянной схватке они отбили у демонов паланкины с грузом. Владыка Иллидан стоял над трофеями, скрестив руки на груди и победно расправив крылья.

Кругом лежали тела убитых врагов. У самого Ванделя демон в голове шептал, не умолкая; охотник с трудом поборол искушение полакомиться плотью врага. Он влез на крупный валун и осмотрел поле боя. Кивнул одному из новеньких, пополнивших ряды охотников после памятной битвы с натрезимами. За прошедший месяц они почти восполнили потери, понесенные в большом бою при архиве повелителей ужаса.

Охотники продолжали гибнуть и после того дня. Порой казалось, что бьются они, не прекращая, хотя на какое-то время Иллидан заперся у себя в покоях — продумать следующий ход. Несколько дней охотники только и делали, что тренировались да приглядывали за новобранцами. А после наступила черед сражений, молниеносных вылазок и атак на Пылающий Легион.

Они прошли десятка два боев. Нападали на лагеря в Награнде и караваны, проходящие через Пустоверть. Снова и снова перехватывали армии демонов, идущие полуостровом Адского Пламени.

Несколько раз охотники бились, чтобы закрыть порталы, и тут Ванделю все было ясно: хозяева Пылающего Легиона жаждали отомстить Иллидану, поэтому присылали армии все чаще и с каждым разом все крупнее.

Одновременно открылись новые переходы в Азерот — в Зимние Ключи и Азшару. Иллидан потребовал закрыть их и достать некие магические кристаллы, без которых переходы не заработают. Он сказал, что Легион нападает на Азерот из Запределья, и что с этим надо покончить.

Увы, демоны затеяли новое масштабное наступление, и не все их порталы можно было закрыть. По слухам, Легион установил мощные маяки в Острогорье и на самой окраине Награнда. Такого числа лагерей эльфы Иллидана еще никогда не видели.

Иллидан явно искал материалы для некоего обряда. Если бы у Ванделя спросили, он сказал бы, что Предатель намеревается соорудить еще один большой портал — вроде перехода в Натрезу. Об этом поговаривали те, кто разбирался в подобных вещах, и Ванделю их слова казались не лишенными смысла.

Он нисколько не удивился бы, если бы в металлических гробах, отбитых сегодня у эскорта демонов, обнаружилось еще больше магических кристаллов и прочего оборудования.

После памятной речи на склоне вулкана владыка Иллидан не считал нужным посвящать охотников в свои планы. Он лишь рассылал отряды туда и сюда, приказывая нападать на войска Легиона. Порой он вел солдат сам, а порой доверял это дело Эларизизель или Ванделю. В действиях Предателя не было смысла: иногда он сопровождал охотников в мелких бойнях — когда требовалось расправиться с орками Скверны, все еще преданными Пылающему Легиону, а порой предоставлял их самим себе в сражениях против крепчайшего противника. Поговаривали, будто Иллидан вершит сложные обряды — если тому благоволят звезды — и готовит некое заклинание, которое поможет окончательно разбить врага.

Владыка тем временем рассматривал останки паланкинов. Каждый металлический гроб несло с полдюжины демонов, и все контейнеры теперь лежали в пыли, утратив блеск.

Перед Иллиданом в воздухе завис орк Скверны — воин Легиона, которого Предатель уже сковал заклятием.

Вандель понесся вниз, перепрыгивая с валуна на валун, через расселины. Один неверный шаг, и он мог исчезнуть в пропасти, погибнуть.

Наконец он спустился к подножию холма и, кувырнувшись, вскочил на ноги. Подошел к Иллидану.

— Докладывай, ночной ловец, — произнес владыка. Он как обычно, даже не оборачиваясь, узнал о приближении Ванделя. Теперь, когда подобное было под силу и самому Ванделю, это всеведение уже не пугало.

— Периметр зачищен, владыка, и нам пока ничто не угрожает.

— На твоём месте я бы не был так в этом уверен.

— Владыка?

— По-моему, Пылающий Легион все же раскусил мой план.

— Как им это удалось, владыка?

– Наверное, в наши ряды затесался шпион. Только в одном из этих контейнеров лежат камни Скверны. Остальные набиты булыжниками.

– Откуда ты знаешь?

Взгляни сам — новыми глазами.

Вандель сосредоточился на металлических цилиндрах и сразу понял, о чем говорит хозяин: сквозь стенки одного из ящиков, набитого мерцающими кристаллами проби- вался яркий свет. Прочие оставались тусклыми: в них не было носителей столь нужной Иллидану магической энергии.

Тут же Иллидан вскрыл один контейнер, и из него на песок высыпались сверкающие драгоценные камни вперемешку с обычным стеклом. Не обладающий призрачным зрением купился бы на уловку, но только не тот, кто был способен видеть магическое излучение.

– Так это ловушка?

– Возможно. Или отвлекающий маневр: пока мы здесь, настоящий груз перевозят другим путем. Похоже, этот владыка Круул, о котором я слышан, умнее прежних полевых командиров Легиона.

– А кто он? — спросил Вандель.

– Вот это мы сейчас и выясним, — ответил Иллидан и обернулся к орку Скверны. Тот висел, закованный в магические цепи, и дерзко усмехался.

– Я тебя знаю, Предатель. Прозвище ты заслужил.

– Если бы каждый раз, как я это слышу, мне платили по медяку, я давно бы выстроил башню из монет до ближайшей луны, — сказал Иллидан. — Моим врагам пора придумать что-нибудь более оригинальное.

Орк плюнул в него, но слюна зашипела и испарилась, едва попав на магические цепи.

– Расскажи мне о владыке Крууле. Хотелось бы узнать побольше о вашем новом генерале.

– Ничего я тебе не скажу, — ответил орк. — Мне твои пытки не страшны.

– Как скажешь. — Иллидан только повел рукой, и с кончиков его пальцев сорвались ручейки энергии. Они ударили орку в голову, и тот заорал, цепи засветились ярче. Иллидан вытянул из тела орка душу.

– Расскажи о владыке Крууле, — приказал Предатель. Труп орка рассмеялся в ответ:

– Незачем, Предатель. Незачем. Он уже идет за тобой. Вот сам все и узнаешь.

Металлические цилиндры вспыхнули светом, когда в

них ожила энергия и хлынула наружу, образуя мерцающую воронку. Все это Вандель видел призрачным зрением. Там, где энергия стустилась, через секунду открылся портал. Из него ударила волна жара, точно из горна: труп орка сторел, а Иллидан попятился.

Из портала вышел настоящий великан в сопровождении двух пылающих инферналов.

Этот демон напоминал стража ужаса, только необычайно крупного: с рогами, как у таурена, крылатый. Наручи его светились желтыми демоническими символами. В правой руке он сжимал гигантский черный клинок, покрытый бледно-голубыми рунами. Мечом такого размера можно было с легкостью, в один удар повалить любой дуб в Ясеновом лесу.

— Так это ты победил Магтеридона, — заносчиво про-
рокотал Круул. — По виду не скажешь.

Когда он шел, за ним тянулся пламенный шлейф — как будто сама земля не в силах была выдержать поступи генерала Легиона и вспыхивала.

Круул явился на бой в сопровождении всего двух инферналов, а значит, был уверен в себе. При этом свои силы владыка-демон отнюдь не переоценивал: окруженный мощными потоками энергии, он сам излучал ослепительную ауру магической силы.

— А ты с виду обычный страж ужаса, — ответил Иллидан. — Пришел попытать удачу и отомстить за гибель мира твоих братьев?

Круул громоподобно рассмеялся.

— Это ты ловко придумал: уничтожить разрушителей. Однако нет, я пришел не мстить. Я здесь, чтобы убить тебя.

Иллидан выхватил клинки.

— И до тебя пытались. Я посажу тебя в клетку рядом с Магтеридоном, и твоя кровь подарит мне еще больше солдат.

— Моя кровь сожжет твоих питомцев, и ты получишь армию обугленных пустых сосудов.

Пока Круул говорил, из портала выходило все больше инферналов. Их кожа излучала нестерпимый жар; рядом с генералом они как будто становились сильнее.

Тем временем Иллидари на холмах заняли позиции, готовые к бою.

— Я составил карту твоих порталов, — сказал Иллидан. — Ты времени даром не теряешь: Стальгорн, Штормград, Оргриммар, Силитус, Чумные земли... Хочешь

снова захватить Азерот?

Владыка Круул оскалил огромные зубы.

– А я изучил твои действия и вижу, зачем ты нападаешь на наши караваны и лагеря: хочешь построить новый портал. Вот только куда? Ты, говорят, хвастал, что ищешь доступ в Аргус. Неужто ты и правда так одержим?

– Обсудим это, когда я посажу тебя в темницу Цитадели Адского Пламени?

– Боюсь, время для разговоров истекло.

В этот момент из портала вышла двухголовая гончая недр: ее красная кожа пылала огнем, мощные плечи и передние лапы покрывала металлическая броня. По сравнению с пастью этой твари, челюсти гончей Скверны казались хилыми.

Гончая бросилась в атаку, а Круул послал в Иллидана сгусток черной энергии. Владыка Запределья взлетел, и стрела, пройдя снизу, ударила в камни. Те обратились в пыль, как будто для них разом минуло несколько эпох.

Вандель оказался лицом к лицу с чудовищным питомцем Круула. Гончая разинула полную бурлящей магмы пасть.

В бой пошли инферналы. Вандель подпрыгнул и, упершись ногой в панцирь гончей, подскочил еще выше. Он едва не сжег стопы о раскаленный металл. В полете Вандель сам ударил в демона стрелой Скверны. Получив по одной из голов, гончая коротко взрыкнула. Шкура ее в месте удара потемнела и начала гнить.

Со склона вниз устремились охотники на демонов. Они обрушили шквал огня Скверны на гончую и инферналов, высасывая из них жизнь.

Круул вскинул меч и призвал собственную силу – на иллидари обрушился град стрел темной энергии. Кого-то ранило, кого-то убило. Впитав энергию погибших, Круул как будто вырос. За спиной у него так и светился портал.

Вандель сделал сальто и на пике выхватил ножи. Упал на спину гончей, и ноги ему пронзила боль: шкура демона пылала и жгла. Вандель вогнал клинки в щель между пластинами брони, под чешую. Раздался сладостный хруст. Брызнул раскаленный иxor, и несколько капель попало на кожу. Вандель соскочил на землю и откатился в сторону. Прощмыгнул между ног инфернала, стараясь не обращать внимания на опаляющий жар. Круул был совсем близко, но как будто не видел Ванделя. Страж ужаса полностью сосредоточился на Иллидане.

Властителя Запределья окружал вихрь энергетических

потоков, они гудели и полыхали, точно грозовые тучи. С холмов набежало еще больше охотников: иллидари сцепились с инферналами и гончей, а кое-кто осмелился наброситься на самого Круула.

Страж ужаса расправил гигантские крылья — раздался грохот, подобный громовым раскатам. Тех, кто успел приблизиться к демону, отбросило; движения их замедлились. Эльфы, особо полагавшиеся на скорость, сделались уязвимы. Одного Круул рассек надвое чудовищным мечом. Руны на клинке впитали кровь — ни капли не упало на землю, — и страж ужаса вырос еще больше.

При виде стольких смертей, демон внутри Ванделя зашевелился. Ему хотелось насытиться, как насыщался Круул, и Вандель, используя гнев, выпустил в генерала Легиона стрелу Скверны. Ступок силы распался, отскочив от ауры, что окружала демона, а тот снова поднял меч и, нацелив острие на Иллидана, сотворил очередной шквал темной энергии. Предатель отразил выпад защитным заклинанием.

За спиной послышался утробный рык, и Вандель, сообразив: «Снова гончая!» в прыжке развернулся к ней лицом.

Одну из голов адского пса развалили надвое, из ран сочился иxor. И все же демон отказывался умирать. Разинув пылающую пасть, он шел на Ванделя, а тот прыгнул прямо на монстра и вонзил клинки в глаза на невредимой голове. Потом отпрыгнул на слепую сторону чудовища и побежал вокруг него. Тварь обернулась; потянула носом воздух.

Охваченный гневом, Круул врубился в ряды охотников. Те поспешили рассредоточиться, но страж ужаса достал еще двоих своим клинком. Удары же эльфов были демону, что комариные укусы.

Гончая уткнулась мордой в землю и пошла по следу Ванделя, и он выпустил в нее луч Скверны, вытягивающий жизнь. С неба, когда Иллидан закончил сплести заклятие, обрушился колоссальный поток силы: Круула захлестнуло адским пламенем, прибило к земле.

— Нет! Это невозможно! — вскричал страж ужаса. В его голосе, что эхом разнесся над пустыней, слышалась боль. Пробоина в его нагруднике исходила зловонным чадом от пульсирующей изъязвленной плоти.

Круул поднялся на ноги и побежал к portalу. Едва он исчез в переходе, как тот закрылся. Вандель вонзил нож в сердце гончей да там и оставил. Инферналы рассыпа-

лись грудами камней.

Иллидари собрали своих раненых и мертвых и готовились покинуть место сражения.

Иллидан внимательно осмотрелся. Круул, без сомнений, был силен и коварен. Он тщательно приготовил ловушку, и ускользнуть из цепких лап стража ужаса Иллидану помогло лишь то, что генерал Легиона недооценил его.

Вскоре на Азерот нападут снова, это вопрос времени. Возможно, оно и к лучшему: Легиону будет не до Иллидана, и он успеет подготовиться. Плохо было, что Круул узнал о его намерении достигнуть Аргуса. Не стоило похвастаться тогда перед армией, но опьяненный победой, Иллидан позволил радости затмить рассудок.

К тому же он чувствовал, что тут кроется что-то еще. Это не давало покоя.

Надо было вернуться в Черный Храм, как можно скорее завершить приготовления. День клонился к закату, и Иллидан не мог позволить себе отвлекаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

За два месяца до падения

Вандель укрылся от глаз эльфов крови за кустами в саду наслаждений. Син'дорай смеялись, потягивая из хрустальных бокалов Небесный мед. Один молодой эльф обнимал двух девушек и целовал каждую по очереди. Другой помахивал короткой плетью, изображая суккуба из Приюта Земных Наслаждений внизу. Высокая красивая син'дорай играла на семиструнной лютне, напевая импровизированную песенку о вожде орков Скверны и страже ужаса — песенку далеко не хвалебного содержания.

Центральная Аллея, казалось, находится в ином мире — вдали от войны, что бушевала за стенами Черного Храма. Поэтому Вандель и пробирался сюда вечерами. Дворы внутреннего храма разительно отличались от остальных уголков крепости, где царила строгая военная атмосфера. Здесь верные Иллидану эльфы крови отдыхали, развлекались. Аллея осталась прибежищем, наградой тем син'дорай, которые сохранили преданность владыке даже после ухода принца Кель'таса.

Компания гуляк расположилась на ухоженной лужайке. Одетые в шелка девушки кормили мужчин кусочками каракатиц.

Охотникам на демонов не воспрещалось приходить в Черный Храм, но никто их сюда и не приглашал. Они держались особняком от других воинов иллидари: от орков, дренеев, демонов и даже от эльфов крови. Никто не приходил к ним на руины Карабора, и они не общались ни с кем.

Порой Ванделю не хотелось видеть даже товарищей-охотников. Ему нравилось оттачивать навыки скрытности: проникать, обходя караульных, в нечестивые уголки храма.

Он взбирался по толстым цепям Святилища Теней и с удивлением взирал на его гигантские статуи. Стражники-сатиры испуганно дергались, как будто чуяли его голод.

Он облазил сумрачные казармы орков на Посту Кровожада, умудряясь проскочить даже мимо самых бдительных часовых из клана Призрачной Луны. Он облазил их магические мастерские, видел, как чародеи оживляют кости мертвых. Видел обширные полигоны, на которых, среди

огромных военных механизмов, вышагивали демоны, а орки клана Драконьей Пасти натаскивали питомцев. Перебравшись через крепостные стены, он видел Клетку Стража, в которой держали Майев Песнь Теней. Но излюбленным местом для Ванделя оставалась Центральная Аллея.

В фонтанах журчала вода. Именно этот звук впервые привлек Ванделя, а еще — аромат цветов и травы. Какие-то запахи эльф узнал, он помнил их еще с тех пор, как жил в Ясеновом лесу. В сердце сладко щемило. Иногда он чувствовал покой и, срывая цветок, вдыхая аромат бутона, вспоминал, как дарил беременной жене букеты.

А порой воспоминания пробуждали демона, и Вандель полнился яростью, жадой отмщения. Сегодня, слыша беззаботный смех предающихся пороку эльфов крови, он завидовал.

Протянув из кустов руку, Вандель стащил у них бутылку меда. Гуляки так увлеклись, что не заметили пропажи. Вандель тем временем откупорил бутылку и сделал глоток. На языке защипало, и охотник ненадолго расслабился.

В голове мелькнула мысль: не демон ли заставил его совершить кражу? Впрочем, сегодня Ванделю было все равно. Сегодня он не хотел вспоминать недели битв и слухи о новом наступлении Пылающего Легиона. Он хотел вспомнить другое.

Горячий ночной ветер принес мускусный запах суккуба с нижней террасы. Рот наполнился слюной, проснулась жажда крови. Пусть эти демоны и связаны, пусть присягнули на верность Иллидану и воюют на его стороне, но они враги. Для Ванделя они — добыча.

На тропинке вдоль лужайки показался Акама: Сломленный шел от зала совета обратно в недра храма. Он, несомненно, возвращался с позднего разговора с самим Иллиданом. Шел, низко свесив голову и глядя в пустоту. На плечи ему словно давил тяжелый груз.

— Иди к нам, старик Сломленный! — крикнул один из эльфов крови. — Выпьем!

— О, Лузен, — захихикала одна из эльфиек, — он такой страшный.

— Рядом с тобой, Алеша, все страшные. Эй, старик Сломленный, стой же. Выпей с нами! Бес тебя возьми, Алеша! Где бутылка меда? Ты что, все выпила, пока я не видел?

Вандель, надежно скрывшийся в тени, насмешливо отсалютовал бутылкой.

Акама хромал себе дальше.

— Эй ты, старое чудовище! Что, слишком хорош? Боишься, что увидят, как ты пьешь в нашей компании? — В голосе Лузена звучал едва сдерживаемый гнев.

Акама остановился и посмотрел на син'дорай. Он не сказал ни слова, просто вдруг перестал быть изможденным стариком. Сломленный обернулся кем-то большим и сильным, внушающим ужас.

Почувяв нешуточную угрозу, эльфы замерли, точно кролики в тени совы. На некоторое время воцарилась тревожная тишина, а потом Акама пожал плечами и улыбнулся. Сделал жест рукой, точно благословляющий детей жрец, и пошел дальше.

Эльфы крови еще долго сидели в тишине, а Вандель украдкой двинулся прочь, гадая, что же гнетет Акаму.

Акама шел по тропинке в Святилище Теней. Как всегда, проходя через Трапезную, он подавил желание ускорить шаг: в этом страшном месте его переполнял ужас. Он не хотел видеть томящееся тут, связанное чародеями пеплоустов создание. Оно было частью Акамы, темной стороной его души, впитавшей гордыню, амбиции и волю. Тень подкармливали нечистыми магическими энергиями; вырвавшись на волю, она пожрала бы Акаму и заняла бы его тело, отняв голос и направив пеплоустов по пути тьмы.

И так слишком многие отдались ей: преданные Иллидану, отступники забыли идеалы племени. Демоны исковеркали их души, и потому прозвище «Сломленные» подходило этим несчастным как нельзя лучше. Они давно привыкли плыть по течению и готовы были слушаться любого властного голоса, но больше всех власти над ними обрел Иллидан. Они страшились нового хозяина, как хлыста. Подчинялись сразу, беспрекословно, самоотверженно. Совсем разучились думать и готовы были выполнить любое темное дело, перекладывая вину и ответственность на повелителя.

Акама взглянул, как сатиры оскверняют то, что некогда было святыней его племени. Хотелось рыдать; при виде же чванливых эльфов крови, праздно смеющихся на лужайке некогда прекрасного храмового сада, хотелось выть от ярости.

Судьба, постигшая храм Карабор, зеркально отражала участь самих дренеев: все беды начинались отсюда, но главным бичом племени стал Иллидан.

Демоны при виде Акамы надменно посмеивались. Они знали, что Предатель сотворил с ним, и видели в старике всего лишь дряхлого Сломленного, скованного той же чудовищной волей, что и они.

Видели то, что позволял им видеть Акама.

Заглянуть в тайные чертоги его разума им было не под силу. Свои истинные помысли Акама оберегал и во сне. Даже Иллидан не мог их прочесть.

Так говорил себе сам Акама. Бывали мгновения, когда он сомневался: вдруг заклинание Предателя не просто сковывает, но еще и обманывает, вводит в заблуждение, дарит иллюзию свободы, чтобы окончательно покорить его? Вдруг он и не подозревает, насколько сильно уподобился другим, покорившимся Иллидану, Сломленным? Вдруг он стал совершенно сломленным вождем окончательно сломленного племени?

Нет. Придет день, и Акама восстанет против Иллидана. Это столь же верно, как то, что солнце еще восходит над Запредельем. Акама должен был в это верить. Под самым носом у Предателя он плел интриги, всюду внедряя шпионов. Он заручился поддержкой новых союзников, и Предатель еще пожалеет, что так увлекся безумными планами и не обращал внимания на смиренного слугу Сломленного. Акама стиснул зубы. Иллидан заплатит за то, что сотворил с душами Сломленных на склоне Руки Гул'дана. Покается, что сохранил жизнь Майев Песни Теней.

Акама остановился, разжал кулаки и приоткрыл рот. Вновь притворился покоренным Сломленным.

Ощущение пустоты в душе вернуло его на землю. Возможно, Акаме позволяют так поступать. Возможно, он — лишь приманка для тех, кому Иллидан не верит, ловушка для скрытых врагов, вроде той, что он устроил Майев.

Старик сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Этот прием он усвоил, еще когда сам был послушником в храме Карабор. Он помнил времена, когда здесь царили чистота, спокойствие и умиротворение, когда здесь был приют для больных и слабых. На некоторое время Акама успокоился, но тут заметил собственную исковерканную тень. Его так же изуродовали, как и храм, и оставалось надеяться, что однажды наступит очищение.

«Будь ты проклят, Иллидан. Будь прокляты все твои планы. Что ты еще задумал?»

Поблескивая латными перчатками, Верховный пустомант Зеревор вертел в руках Печать Аргуса. Он наклонил

увенчанную серебряной короной голову, и в его глазах зажегся подобный лужицам энергии Скверны огонек любопытства.

– Теперь я понимаю, зачем нужна была эта вещь, владыка. Она укажет путь к Аргусу, который ты так давно ищешь.

Иллидан хлопнул крыльями, расправив их и снова сложив за плечами.

– Правда? – с иронией спросил он. – Ты уверен? Зеревор вздрогнул.

– Уверен, как и всякий, кто имеет дело с магией Пылающего Легиона.

Под сводами зала совета зазвенел смех леди Маланды.

– Ты, как всегда, стараешься заранее оправдать ошибку, Зеревор.

Гатиос Изувер в роскошной броне паладина открыл было рот, но передумал говорить и смолчал. Он редко высказывался на совете, если дело не касалось военных действий. Сейчас он лишь обменялся многозначительным взглядом с Верасом Глубоким Мраком, и стройный убийца улыбнулся в ответ. Похоже, они снова плели какие-то интриги против своих же соратников.

Иллидан нетерпеливо сжал кулаки.

– Пусть говорит, Маланда.

Миловидная жрица удостоила Предателя обиженного взгляда. Ее красота пленяла многих эльфов, и безразличие Иллидана казалось ей оскорбительным.

На губах Зеревора мелькнула холодная улыбка.

– Компас может провести через сеть порталов Пылающего Легиона. Направить нас напрямик к Кил'джедену, в легендарный Аргус.

– Это мне известно, – ответил Иллидан. – Всегда было известно. К чему ты заговорил об этом сейчас? Выкладывай.

Верховный пустомант взглянул на схемы, разложенные на столе. Иллидан, работая над ними, создал шедевр, однако что-то в этих картах смущало, внушая беспокойство.

– До Аргуса можно добраться, используя собственные порталы демонов. В новом портале нужды нет. Это просто гениальная работа, владыка, но зачем заново изобретать колесо? Достаточно внести простое дополнение в твоё заклинание, и мы сможем манипулировать порталной сетью Легиона.

– Так нам придется рисковать, минуя множество врат,

— демоны сумеют запереть нас в любом из миров. Новый же портал доставит войско напрямик в Аргус. Позволит нанести неожиданный удар. Короткий путь проще поддерживать.

Другие три советника кивали, соглашаясь с каждым словом Иллидана, но Зеревор не уступал:

— Это если портал заработает, владыка. Ты идешь на колоссальный риск: еще ни одно наше заклинание не требовало таких затрат энергии. Не проще ли воспользоваться тем, что уже есть?

— Проще и намного опаснее. Силы Легиона превосходят наши в тысячи раз. Они рассредоточены, но если дать им время собраться, нас сокрушат.

Пряча взгляд, Зеревор присмотрелся к печати.

— Если заклинание сотворить не идеально, если в расчетах есть малейший недочет, то попытка отворить такие врата может снова расколоть этот мир.

Иллидан забрал у него печать.

— В моих расчетах нет ошибок, и заклинание мы сотворим идеально. Я сам все сделаю.

— А если ошибаешься, владыка?

— Не ошибаюсь. — Покачивая крыльями, Иллидан навис над советником.

— Как скажешь, владыка. Как скажешь... — Зеревор ссутулился и отвел взгляд. Потом он вдруг побледнел, покрылся потом и, закрыв глаза, сосредоточенно нахмурился.

— В чем дело? — требовательно спросил Иллидан.

— Сработали сигнальные чары на Темном Портале. Проход работает — кто-то открыл путь между Запредельем и Азеротом. Его достаточно, чтобы провести армию. Как раз это сейчас и происходит.

Глава двадцать третья

За два месяца до падения

С гребня холма открывался отличный вид на Темный Портал, и вид этот приводил в смятение. Врата в Азерот горели черным пламенем, заключенным в огромную арку на вершине гигантской Лестницы Судьбы. Впрочем, не сам портал внушал трепет, но армия на подступах к нему.

После поражения Круула в Запределье хлынул неудержимый поток демонов. И многие из них сейчас маршировали внизу по долине, к Темному Порталу: тысячи монстров в сопровождении десятков тысяч прислужников. Одновременно заработало множество переходов, запечатать которые было никак не успеть. Легион как будто доказывал Иллидану тщетность его попыток воевать с Легионом.

Воины Легиона маршировали по дороге от Зангартопи к полуострову Адского Пламени нескончаемым потоком. Все они шли уничтожать Азерот, мир Ванделя: вот уже несколько дней войска демонов отправлялись туда через вновь открывшийся Темный Портал.

Чудовища, воины, механизмы внушали ужас, однако Вандель, вспоминая видения во время ритуала, понимал, что это множество — лишь капли сил Пылающего Легиона.

С каждым днем захватчиков становилось больше. Ванделю не хватало воображения, чтобы представить, через какие расстояния, из каких миров они сюда пришли.

Ошеломляли и сами врата: по бокам от исполинской арки стояло два каменных гиганта в мантиях; они напоминали статуи в Черном Храме. Оба опирались на огромные клинки, способные обрушить стены самого Штормграда. В зеве перехода пойманными звездами мерцали огни.

На дороге показался очередной конвой: солдаты и груз снаряжения. Иллидари пытались остановить караваны, устраивали засады, атаковали в лоб — все тщетно. Враг превосходил их и мощью, и числом, и лучше было не растрачивать силы. Они еще могли понадобиться в последней обороне Черного Храма.

Выходило, что Иллидан впустую грозился пойти войной на Кил'джедена. Его обещания выглядели теперь не страшнее, чем выпады мальчишки в отцовской броне — для бывалого солдата.

Вандель пригляделся к лицам товарищей. Иллидан ух-

мылялся, будто армии внизу не стоили даже его презрения. Джейс Темный Ткач насмешливо выгнул бровь и вслед за этим тревожно нахмурился. Безумная улыбка Иглы грозила порвать швы на губах. Элариизиэль испуга не скрывала; может, демон взял верх и управлял ее разумом?

Собственный демон Ванделя лучился довольством. Он радовался при виде мощи Легиона. Его бы там, внизу, встретили с распростертыми объятиями. Он мог примкнуть к неистребимым рядам и играть с мирами, пока Вселенная не сторит и не воскреснет.

«Зачем мы здесь?» — спрашивал себя Вандель. Неужели Предатель привел сюда охотников, чтобы они утратили боевой дух? Это не было на него похоже. Он явно чего-то дожидался, и Ванделя посетила одна догадка.

Он вспомнил, как Иллидан поступил с воротами в Натрезу. Возможно, Предатель и сейчас затеял нечто подобное?... Броситься в самоубийственной атаке на портал, сотворить разрушительное заклинание — чтобы ворота взорвались, и армия внизу погибла? Но ведь погибнут и охотники на демонов. Плающий Легион всегда может восполнить потери, и кто тогда встанет у него на пути?

«Зачем вставать у него на пути? — прошептал внутренний демон. — Зачем пытаться? Ты сам из их числа. Навеки».

В этот момент поток энергии вокруг портала усилился в тысячу раз. Из Азерота в Запределье хлынула армия: люди и орки, эльфы калдорай и син'дорай. В небо над воротами взмыли грифоны, а рядом с ними — виверны.

Сверкали выпущенные заклятия, магические клинки рубили демонскую плоть. На ступени Лестницы Судьбы взбежал отряд стражей скверны, но огромный орк смел их ударами гигантского молота. Спину ему прикрывал человек со щитом. Поразительно было видеть, как эти двое бьются бок обок. Такие разные, их народы сплотились перед угрозой вторжения владыки Круула. Альянс и Орда сами вторглись в Запределье.

Стоило передовому отряду героев пробиться сквозь заслон, как следом из портала показались еще бойцы. Закрепляясь на лестнице, она встали плотными рядами.

Вот строй людей прорвал огромный страж гнева в сверкающей броне, с двумя секирами, и наперерез ему бросился отряд орков. Сверкнула молния, и демон замер — орки поспешили добить его. Азеротцы несли ужасные потери, но продолжали биться. На место каждого павшего

человека, орка или тролля вставал новый боец.

Должно быть, по ту сторону Темного Портала собралась огромная армия: королевства Альянса и Орда бросили на Легион все силы. Оставалось молиться, чтобы Азероту хватило мощи.

В самом центре лагеря владыка Круул выкрикивал приказы. Было непонятно: то ли он рад грянувшей битве, то ли жалеет, что разворошил осиное гнездо.

Иллидан, расправив крылья, припал. Озадаченно наклонил голову и тихо произнес себе под нос:

– Этого ли Круул ждал? Этого ли он хотел?

– Зачем ему провоцировать объединенную атаку Орды и Альянса? – спросил Вандель.

– Наверное, чтобы стянуть силы Азерота в одно место, – по-прежнему глядя на битву, ответил Иллидан. – Выманить в чужой мир, где с ними проще разделаться.

– Думаешь, это ловушка, владыка Иллидан?

– Похоже на то. Однако меня терзают сомнения: для кого эта западня?

Вандель прекрасно понимал, о чем говорит владыка. Его собственный внутренний демон радовался – должно быть, о чем-то догадался. И если встревожился Вандель, то каково тогда приходилось Иллидану? Ведь он куда сильнее и чувствительнее.

Охотник ощутил крохотный укол вины, когда внизу ночные эльфы набросились на строй демонов. Вандель мог бы присоединиться к ним, помочь. В конце концов, он охотник на демонов, а там, в долине как никогда много добычи.

Но что скажут калдорай, увидев его таким: в татуировках, отмеченного Иллиданом, их заклятым врагом? Вряд ли примут как друга и товарища. Скорее, сочтут еще одним демоном.

Вандель не знал, как поступит, если Предатель пошлет его вниз сражаться с ночными эльфами. Вдруг среди них есть знакомые?

Он – охотник на демонов, преданный Иллидану, и сражается с Пылающим Легионом, никак не с бывшими родичами. Пусть даже для них он теперь враг.

Что же тогда делать?

Ответ был простой: прикажут – Вандель будет биться. Если калдорай нападут на него – он убьет их. А так постарается не попадаться им на глаза.

Армия Азерота стекала по ступеням Лестницы Судьбы потоком плоти и стали. Убийственной приливной волной,

сметающей все на своем пути. Вандлю даже начало казаться, что лагерь демонов вот-вот падет, но тут в бой вступил владыка Круул, и атака захлебнулась. Шаг за шагом генерал Легиона постепенно оттеснял армию Азерота обратно к воротам, сея в рядах врагов смерть и разрушение. Об изящных маневрах речи и не шло: это была мясорубка, обмен заклятиями и ударами.

Наконец, когда ни одна из сторон уже не могла потеснить другую, началось яростное топтание на месте.

И тут над войском Азерота нависла новая угроза: на дальней стороне лагеря демонов собралась армия стражей Скверны, повелителей ужаса, стражей ужаса и стражей гнева. Они двинулись вдоль подножия холма, в обход гущи сражения. Демонов вел сам владыка Круул, сопровождаемый гончими недр. Он задумал нанести неожиданный удар с фланга.

Непонятно было только как. Некоторые из слуг Круула умели летать, и, возможно, он хотел подняться на ступени Лестницы Судьбы. Но тогда демоны утратят элемент неожиданности. Скорее всего, их отряд до поры до времени затаится у холмов. Или откроет еще порталы и подтянет остальную часть войска.

То же заметил и Предатель.

– Если эти демоны ударят по оркам с фланга, битва будет проиграна, и Азерот отступит. Большую часть его армии отрежут от врат и уничтожат.

Говорил он задумчиво, как будто взвешивал в уме шансы, подробно рассматривал каждую возможность, решая, какая из них наиболее выигрышна.

– Нельзя этого допустить, – к собственному удивлению, произнес Вандель.

Иллидан пристально посмотрел на него. Плотно завернулся в крылья и, немного подумав, наклонил голову, произнес:

– Конечно же, ты прав, Вандель. Бери отряд охотников и перехвати демонов, пока они не добрались до лестницы. Останови их.

Вандель так и не понял, что это: награда или наказание за смелые слова? Впрочем, это было неважно. Он жестом велел Эларизизель и группе других охотников следовать за ним. Рядом бежал Игла. Стараясь оставаться незаметными для сражающихся на Лестнице Судьбы, эльфы устремились в долину Круулу наперехват.

Ловко и быстро, словно пантеры, охотники на демонов сокращали расстояние до отряда Круула. Демоны, как и

догадывался Вандель, затаились в тени ступеней. Крылатые монстры уже поднимались в воздух. Отряд был невелик, но силен и, подоспев вовремя, мог изменить ход битвы.

Вандель издал боевой клич, и пылающие взгляды демонов обратились в его сторону. Тогда он метнул в ближайшего противника стрелу Скверны, а всего через несколько мгновений оказался в толпе врагов. Он рубил и колол, уходя от ударов и перекатываясь, уворачиваясь от выстрелов из странных орудий, что гнездились в груди стражей гнева.

Взглянув на Ванделя, владыка Круул выпустил в него сокрушительную стрелу тьмы. Перепрыгнув через нее, охотник приземлился перед гигантским демоном.

— А, это ты, малявка. Твой хозяин побоялся прийти лично? — прогремел Круул.

— Нет. Он посчитал меня достойным сразиться с тобой.

Шаг в сторону, и Вандель избежал удара мечом Круула. Из-под клинка брызнул фонтан каменного крошева, оцарапав Ванделя бок. Охотник вонзил кинжал Круулу в ногу, позади наголенника. Затем выдернул клинок и перекатился, рассчитывая зайти стражу ужаса за спину.

В тени под лестницей разразилась жестокая схватка, невидимая для тех, кто дрался на ступенях. Вскочив на ноги, Вандель оказался в самой ее гуще. На Круула набросилось еще больше охотников. Одного из них демон разрубил надвое, а на остальных обрушил град магических стрел. У его ног рычали гончие. Вандель хотел ударить Круула сзади, но не успел он прыгнуть, как его окружили демоны. Потребовались все силы и умения, чтобы просто выжить.

Вандель убил одного стража Скверны, второго, но на замену павшим приходили другие. Конечности налились тяжестью, и даже магические клинки притупились. Вандель сражался, окруженный трупами врагов и эльфов. Он убивал и убивал, пока вокруг не осталось больше ни частички магии — неоткуда было черпать энергию. Даже голос в голове умолк.

Пришла пора погибать, но Вандель не боялся. Он готовился дорого продать свою жизнь, забрать с собой как можно больше демонов. Впервые за последние месяцы он снова ощутил себя смертным эльфом: усталым и медлительным. Демоны все нападали, тесня Ванделя; он не заметил, как вновь оказался лицом к лицу с Круулом.

Вандель пригнулся — над головой у него просвистел гигантский меч.

Пшатнувшись, охотник уже не смог вернуть равновесие, упал. Круул навис над ним, занес клинок. Вот и настал последний миг жизни. Блеснув на кровавом солнце Запределья, меч Круула пошел вниз.

Отворачиваться Вандель не стал. Он лишь вскинул оба ножа в отчаянной попытке отразить удар, но тут грудь Круула взорвалась. Сквозь дыру в ней Вандель увидел Иллидана с обнаженными клинками в руках. Страж ужаса покачнулся, и Вандель едва успел откатиться в сторону — гигантское тело рухнуло в пыль рядом с ним.

— Ты его убил, — произнес Вандель.

— Возможно, — загадочно улыбнулся Иллидан.

Оставшихся демонов атаковали пришедшие с Предателем охотники — напали с фланга, как думали напасть на воинов Азерота сами демоны.

Застигнутые врасплох, лишившись предводителя и не успев понять, каким числом напал противник, демоны позволили разбить себя на небольшие группы и уничтожить.

Вандель с трудом поднялся на ноги. Демоны погибли, но его сжигал изнутри страшный голод. Убей Вандель хоть тысячу прислужников Легиона, этого не хватило бы, чтобы утолить жажду. Сожги он хоть целый мир демонов — и того было бы мало.

Та же тяга вела и сам Легион. Ванделю хотелось только убивать и убивать. Скривив губы в оскале, он снова приготовился к охоте.

— Довольно, — сказал Иллидан, кладя руку ему на плечо. — Пока не время. У нас еще есть дела.

Вандель чуть было не ударил его, но вовремя сдержался, сумел подавить в себе жажду мщения. Медленно выдохнул, избавляясь одновременно от излишнего гнева.

— Мы спасли Альянс и Орду, но они об этом не узнают, — сказал охотник.

— Им и не надо знать. Достаточно того, что они тут, — довольно улыбнулся Иллидан. — Пусть отвлекают Легион, а мы спланируем его поражение. Враг моего врага...

Иллидари покинули поле битвы и устремились обратно на гребень холма. Вандель обернулся напоследок: из портала со стороны Азерота спешило подкрепление — колоссальная живая волна бойцов и заклинателей. Они рассредоточились по флангам и принялись стогнать врагов со ступеней. Азерот вновь обернул ход битвы в свою поль-

зу. Похоже, его армия закрепились в Запределье.

Иллидан победно расправил крылья.

– Надеюсь, Альянс и Орда сдержат демонов, пока мы заняты своим делом. Пора искать Трон Кил'джедена.

Глава двадцать четвертая

За два месяца до падения

По расколотым базальтовым скалам стекали потоки зеленой лавы. Воздух дрожал. Иллидан вдохнул горячий и напитанный Скверной воздух; кожу покалывало. На каждом валуне, на каждом уступе и на каждом крупном камне стояло по караульному – охотнику на демонов.

Они перебили демоническую стражу, но ритуал еще мог привлечь внимание командиров Легиона, тогда как, сам Предатель, войдя в транс, станет уязвим и не сможет бежать. Если вдруг среди охотников окажется изменник или тот, кто мечтает занять его место, Иллидану конец. Однако он готов был рискнуть, ибо предприятие того стоило.

Трон Кил'джедена. Само это название звучало как заклятие, что устанавливало резонанс между владыкой-демоном и местом его обитания. Воздух на горе был пропитан энергией – недаром Гул'дан еще до Первой войны творил здесь ритуал, обязав кланы орков служить Пылающему Легиону. Поглотив его воспоминания, Иллидан узнал: здесь и надо плести чары, поскольку именно тут пролегает великая брешь в ткани Вселенной. Она вела к логову самого Искусителя, а сегодня ночью потоки энергий из Круговерти Пустоты будут сильны как никогда за последние годы.

Иллидан прошелся по периметру огромного узора, начертанного огненными рунами в черном камне. На ходу Предатель нараспев произносил заклинание, связывая силы, которые он мог удерживать на месте лишь небольшим усилием воли. Вокруг туго закручивались чудовищные энергетические вихри. Иллидан потратил недели, чтобы подготовить чары, и сотворить он мог их только здесь, в этот час, когда тому благоволили знаки.

Он всмотрелся в черные облака на пылающем небе. Истрадавшиеся недра земли извергли фонтан лавы, похожей на бьющую из раны кровь демона.

Иллидан достал диск, который выкрал из архива в Натрезе, и целиком сосредоточился на нем. Диск по-прежнему излучал омерзительную ауру владык Легиона. Призрачное зрение открыло Иллидану их образы: Саргерас – суровый, беспощадный падший титан; от него веяло страданиями и отчаянием. Его правая рука Архимонд –

безумный полководец, сжигаемый огнем ярости и гнева. Кил'джеден — стратег и мастер обмана.

Кто такой Иллидан, чтобы бросать вызов этой не знающей себе равных троице? Он провел когтем по вырезанным в диске рунам. Удивительно, как вблизи яростно бушующей огненной стихии поверхность артефакта оставалась холодной.

Иллидан обошел вокруг узора, проверяя охранные чары, убеждаясь, что энергия течет по нужным каналам, что нет ошибок. Сейчас поистине было не время для оплошностей.

Предатель чувствовал, что медлит, тянет, и корил себя за это: окно времени, в которое он может сотворить заклинание, вот-вот закроется, а следующего придется ждать несколько лун. Он торопил себя и в то же время сдерживал, не способный решиться на последний шаг. Скоро, если все пройдет гладко, он предстанет перед теми, кто может уничтожить его, не оставив и следа. И предстанет он перед ними в одиночку. Жизнь выдалась не простой, и все же, когда час настал, он не спешил с нею прощаться.

Иллидан ходил вдоль круга, обследуя его при помощи крохотных магических зондов. Иллидан отнюдь не торопился повторить судьбу Нер'зула. Шаман восстал против господ демонов и страшно поплатился за предательство. Порой Иллидану казалось, что он идет по тому же пути, что все это для демонов — лишь игра, в которой удача всегда на их стороне, и они потешаются над муравьиной возней всякого, кто дерзнет восстать против них.

Он сделал глубокий вдох, ощутил сернистый дух зеленой лавы. Чувство было, что он вдохнул дым из самой преисподней. Легкие кололо и жгло. Время уходило.

Мгновение — и, не давая себе опомниться, Иллидан произнес последнее слово заклинания, высвобождая неимоверную силу магии. Дух вырвало из тела, и он кубарем полетел прямо в Круговерть Пустоты.

Перед ним открылся путь. Иллидан как будто падал в испещренный рунами диск, но знал при этом, что это — иллюзия, картинка, созданная воображением, пытающимся осознать происходящее. Рожденному в простом мире разуму это было не под силу, однако он старался держаться хоть какого-то подобия порядка.

Оказавшись в Круговерти Пустоты, дух Иллидана взглянул на раскинувшийся внизу Аргус. Этот мир завис

на грани между Круговертью и физической Вселенной, насыщенный Скверной Пылающего Легиона.

Иллидан неся навстречу ему. Некогда это, наверное, было прекрасное место: хрустальные горы, сверкающие моря... теперь Аргус был холоден и жесток. Он погрузился во тьму, пропитался духом разрушения и порчи.

В когтях у Иллидана пульсировала печать. Это уже был не диск, а некое его отражение, сотворенное из магических энергий заклатья. Оно тянуло Предателя вперед, к тому, что он искал, и сопротивляться этому влечению Иллидан мог с трудом. Он разглядывал небо, отмечая расположение созвездий, запоминая их. Отчаянно пытался разглядеть знакомые вешки, чтобы определить свое местоположение в космосе. А еще он искал потоки магической энергии, сияющие реки из самой Круговерти Пустоты.

Неужели он нашел место, которое искал? Иллидан летел над миром, разглядывая его и пытаясь сориентироваться, сопротивляясь неумолимой тяге собственного заклатья. Он снова оказался вдали от тела, холодный и лишенный чувств. Магически обостренное чувство било тревогу. Иллидану показалось, что за ним следят, но оглядевшись, он никого и ничего не заметил.

Что если Кил'джеден способен чувствовать Иллидана через диск, раз уж Предатель способен чувствовать бывшего господина? Иллидан, конечно, создавал заклатье так, чтобы его не мог засечь ни один чародей, но что ему известно об истинных умениях Искусителя?

Впрочем, какой смысл сейчас об этом тревожиться? Иллидан, решаясь на путешествие, уже не думал о возвращении. Его дух спикировал вниз; минуя зазубренные пики хрустальных гор, он увидел, насколько они порчены и хрупки. По каньонам с воем мели вихри из пыли драгоценных камней. Все тут отражало и преломляло свет; кругом рябило и мерцало.

Впереди раскинулся город, что возвышался над ущельями в кристальной тверди. И в городе том Иллидана ждало множество существ, каждое из которых способно было уничтожить его душу.

Пересекая границу города, Иллидан ощутил прилив энергии. Построенное в согласии со сложными законами геомантии, это место, наверное, тоже некогда было прекрасно: изогнутые линии напоминали о дренийском стиле архитектуры, хотя отличались большей утонченностью и

красотой. Иллидан подумал, что по сравнению с местными фантастическими конструкциями, города Запределья — просто скопища лачуг и хибар. Он заметил огромные машины — концентраторы магической силы. Когда-то они обеспечивали мир, гармонию и здоровье целого мира. Ныне же создавали облако страха и отчаяния, которое Иллидан разглядел призрачным зрением.

Посреди города возвышался величественный дворец. А внутри него засело грозное существо в окружении слуг, лишь немногим уступающих ему в силе и чудовищности. Туда-то и тянул Иллидана диск.

Его дух пронесся по улицам со скоростью мысли. Иллидан пытался замедлить полет, совладать с происходящим, отстрочить грядущее. И у самых стен дворца ему удалось-таки остановиться.

Ощувив рядом еще чье-то присутствие, он до предела напряг все свои чувства, но не смог понять, кто же за ним наблюдает. Этот кто-то закрылся не хуже, чем сам Предатель. Часовой? Или что-то иное? Иллидан усилием воли заставил себя остановиться и подождать, но ничего не произошло.

Пора было двигаться дальше.

Скользя по кристальным коридорам, он миновал зловеющие рунические знаки. Ощущение было, что ядро чар, которые некогда осветили город и весь мир, кто-то переписал и заставил действовать совершенно противоположным образом. Вчитавшись в руны, Иллидан ощутил гнев и отчаяние: от их воздействия не спасали даже магические барьеры; видения завоеваний, жажда власти и разрушения, гнев и стремление положить конец всему живому просочились сквозь заслоны его чар. Здесь Пылающий Легион огненными символами начертал свое кредо.

Иллидан взглянул на проекцию печати, которая послужит якорем для перехода между Запредельем и Аргусом. Затем произнес заключительную часть заклинания, и диск у него в руке запульсировал, вбирая энергию места, укрепляя связь с ним. Закончив, Иллидан сможет обойтись и без портала: не нужно будет открывать переход от Трона Кил'джедена. Ему хватит связи, созданной здесь при помощи печати.

Его астральная форма стала наполняться темными энергиями, отяжелела. Дух Иллидана стусился, обрел плотность — стал вязким телом, рожденным из окружающей его силы. Предатель продолжил путь к ядру темного лабиринта, все отчетливее ощущая ауру Искусителя. Его

движения замедлились, астральное тело опускалось ниже. Невзирая на предосторожности, Иллидан все же угодил в плен некой страшной энергии: зловещее переплетение чар пропитывало его дух своей мерзостью.

Вот, снова объявился тот, чье присутствие Иллидан ощутил чуть ранее. Но как Предатель ни изворачивался, не смог определить, кто это. Проклятье! Его обнаружили. Теперь в любой момент его дух могут пленить, искалечить и бросить к ногам Искусителя, чтобы тот уже окончательно его поработил или уничтожил.

Иллидан принялся отчаянно бороться с чарами. Смахнул с себя часть магической плазмы, вновь обретя некое подобие невесомости, но его по-прежнему несло в просторный тронный зал, где в окружении демонической свиты восседал на престоле Кил'джеден. Владыка эредаров, настоящий исполин, он пылал красным огнем. Торчащие из-за спины кожистые крылья доставали до самого потолка. Шипованные наплечники горели, точно два факела. Измененные глаза дрения полыхали пламенем. Искусителя окружала аура невероятной, сокрушительной силы.

Наконец Иллидан отыскал дворец Кил'джедена в потерянном мире Аргуса. К несчастью, свой огненный взгляд владыка-демон направил прямо на Иллидана; чудовищное лицо его исказилось гримасой улыбки, ноздри затрепетали, уловив запах добычи.

Иллидан третий раз ощутил присутствие незримого наблюдателя. Тот обволок его, и сколько ни старался Предатель, стряхнуть его не удалось.

Какое-то время Искуситель взирал прямо на Иллидана полным жажды убийства взглядом, но потом его что-то отвлекло. Что именно, Иллидан понял через мгновение: неведомое существо увлекало его прочь от тронного зала. На миг Предатель сумел почувствовать его: это было создание Света, нестерпимо яркого Света. Заметил присутствие врага и Кил'джеден — из тронного зала донесся оглушительный гневный рев.

Оковы эктоплазмы пали.

«Прочь из этого места. Тебе здесь не выжить. Только не сейчас», — голос прозвучал в голове у Предателя и тут же умолк. Заклятие перемещения мгновенно отнесло его назад, к престолу Кил'джедена.

Возвращение в тело было резким и почти что болезненным. Иллидан едва устоял на ногах; казалось, в Круговерти Пустоты он провел вечность, но здесь, в Запределье минуло всего мгновение. Печать Аргуса пылала

багровым пламенем.

Получилось!

Иллидан нашел то, что искал, и выжил. Кил'джеден и правда в Аргусе. Там — трепещущее сердце Пылающего Легиона. А еще Предатель нашел то, чего найти не ожидал, — встретил создание, которое помогло избежать неминуемой гибели. Потом он вспомнил о природе этого существа — оно принадлежало Свету — и понял, что не доверяет ему.

Кил'дждедена называли Искусителем не просто так. Возможно, это его козни — часть сложной и запутанной ловушки.

Глава двадцать пятая

За месяц до падения

Иллидан стоял во главе стола-карты. Советники приходили и уходили — как и гонцы с последними известиями. Эльфы крови спорили с Акамой, Ванделем и другими командирами охотников на демонов.

Иллидан потерял виски, прямо под рогами. Он почти оправился после астрального путешествия, восстановил силы и не мог медлить. Нужно было пользоваться достижениями и находками, как можно скорее встретиться с Кил'джеденом — пока тот не разгадал его планы и не приготовился.

Иллидан так глубоко задумался, что не заметил, как к нему обращается леди Маланда.

— Что прикажешь, владыка Иллидан? — настойчиво спрашивала она. Предатель посмотрел на жрицу син'дорай так, что ей, не наделенной призрачным зрением, стало не по себе.

— Насчет чего? — нарочито раздраженно спросил Иллидан.

— Резервуара Кривого Клыка. Новости удручают: леди Вайш потерпела поражение, и насосы перестали работать.

Водохранилище... Иллидан представив себе огромную насосную станцию и магические агрегаты, подземные пещеры и протянувшиеся на мили трубы. Когда леди Вайш только представила план захватить водные ресурсы, замысел показался Иллидану очень важным. Теперь, когда события ускорили свой бег, он едва ли был достоин внимания. Предателю было о чем позаботиться.

— Что прикажешь делать, владыка Иллидан? — спросил Гатиос Изувер, поглаживая подбородок рукой в латной перчатке. — Альянс и Орда закрепились на полуострове Адского Пламени, захватили цитадель и уничтожили Магтеридона. Нам ударить в ответ?

Иллидан подумал над вопросом паладина: что можно сделать? Азеротцы ударили не только по Легиону, они захватили одну из самых больших крепостей иллидари. И это — лишь последняя из череды неудач, которой предстояло аукнуться. Без крови властителя преисподней Иллидан больше не мог создавать орков Скверны.

Другое дело, что Иллидана это больше не волновало: скоро он все устроит, вот только битва состоится не в

Запределье, а в Аргусе. Предатель отыскал убежище Кил'джедена, но отыскал он его в астральной форме. Теперь нужно было переправить к престолу демона армию — во плоти. Портал такой силы потребует энергии, неимоверное количество энергии. Источник силы имелся лишь один: души. Правда, на сей раз их требовалось гораздо больше, чем для портала в Натрезу.

Гатиос выпрямился во весь немалый рост и ударил себя в стальной нагрудник.

— Что нам делать, владыка Иллидан? Альянс и Орда наступают по всем фронтам. Они теснят нас, Пылающий Легион. Нам отступить в Черный Храм? Или удерживать позиции и отбросить неприятеля?

Выходит, Иллидан ошибся, понадеявшись, что армия Азерота сосредоточится на Легионе. Так сильна была ненависть к Предателю, что Альянс и Орда позволили себе забыть о главной угрозе. Круул, наверное, знал, что азеротцы жаждут мести не меньше, чем Майев Песнь Теней, потому и заманил их в Запределье. Ничего, Иллидан заставил его поплатиться за это. Как-нибудь он навесит Стража, и тогда уже она познает на себе его гнев.

Правда, пока у Предателя не было на это времени. От его действий зависела судьба всего живого.

— Делайте, что считаете нужным, — наконец ответил Иллидан. Взмахом когтистой руки он смел фигурки на карте. — У меня пока другие заботы.

В зале повисла гробовая тишина. Все в ужасе уставились на Предателя, ожидая решений, приказов. Иллидан ошибся: он по-прежнему нуждался в советниках, в их вере и преданности, ведь главная битва еще не состоялась. Упершись руками в стол-карту, он по очереди glanced на каждого: на командиров охотников, на Акаму, на Гатиоса и прочих советников...

— Мы воюем, чтобы защитить от ярости Пылающего Легиона саму жизнь, — сказал он. — Неважно, сумеем ли мы удержаться в Запределье еще несколько лет. Легиону достаточно собраться с силами, и тогда он возьмет нас числом. То, что происходит здесь и сейчас, не имеет значения, если только это не связано с нашей подлинной целью.

Тишина сделалась плотнее. Охотники на демонов согласен кивнули — они-то знали, что такое Пылающий Легион. Знали, какую угрозу он несет для обитателей Вселенной. Прочие же сомневались. Разъяренный этим неверием, Иллидан чуть было не набросился на советников.

Совладав с собой, Предатель постарался взглянуть на вещи их глазами. Советники не видели дальше своего носа. Ограничивались пределами данной им власти — которую, кстати, теряли. Совет боялся за свои жизни, как будто они что-то значили перед угрозой вторжения Легиона. Не понимал, что победа здесь, в Запределье только отсрочила их смерть на несколько месяцев или же лет, и эта смерть придет за ними, если только не убить Кил'джедена, не уничтожить Пылающий Легион.

Однако в том не было их вины. Иллидан сам решил не показывать Совету картину в целом, полагаясь на жадность, амбиции подручных. Используя эти чувства, чтобы держать их в узде. Пришла пора открыть им правду.

— Нужно дать бой Кил'джедену, — объявил Иллидан.

— Об этом ты уже говорил, владыка, — напомнил Акама. — И, разумеется, мы все согласны. — Однако судя по его тону и выражениям на лицах советников, никто с Иллиданом соглашаться не спешил. — Но нам просто необходимо сохранить за собой позиции, чтобы подготовить крупное наступление.

Иллидан покачал головой, только сильнее распалив огонь любопытства советников.

— Позиции нужно держать лишь до тех пор, пока не отворим врата в Аргус.

Акама посмотрел на него одновременно с ужасом и благоговейным трепетом.

— Ты готов отвоевать изначальную родину моего народа?

— Готов. Хочу узреть окончательную и бесповоротную гибель тех, кто ее оскверняет. И мне известно, как этого добиться.

— Мы покинули Аргус тысячелетия назад, и он отошел союзникам Саргераса, последователям Архимонда и Кил'джедена. От Запределья наш мир отделяет тысяча других миров, и попасть туда можно лишь через тысячу порталов.

Верховный пустомант Зеревор усмехнулся, словно уже знал ответ. Верас Глубокий Мрак слушал молча, а среди охотников на демонов Иллидан ощутил растущее возбуждение.

— Да, если идти путями, по которым отступали дреanei, — сказал Иллидан. — Я же открою прямую дорогу.

— Хочешь навести портал через Круговерть Пустоты до самого Аргуса? Прости, владыка, но это невозможно.

— Как раз наоборот, Акама. Всего лишь невероятно

сложно. И я могу открыть такой портал. Когда используешь магию и располагаешь достаточными ресурсами и знаниями, осуществимо все.

Акама принялся что-то быстро обдумывать.

– Энергию тебе придется собирать как тогда, когда ты открывал проход в Натрезу.

Иллидан кивнул, давая знак Акаме, чтобы тот продолжал развивать мысль. Как ни странно, вместо Сломленного заговорил Вандель:

– Оно того стоит, владыка? Мы правда сможем избавиться от угрозы Пылающего Легиона?

Иллидан по очереди всмотрелся в лица советников. Сказать по правде, он не знал. Просто готовился совершить прыжок в неизвестность. Возможно, Легион был совершенно неуязвим, и смерть Кил'джедена ничего не изменит. Но кое в чем Иллидан не сомневался.

– Над этим я размышлял десять тысяч лет и даже дольше, Вандель, – сказал он. – С тех самых пор, как узнал Саргераса, как понял, что такое на самом деле Пылающий Легион.

Он умолк, вспоминая видения – те же, которыми делился с будущими охотниками на демонов, только ярче, в сотню раз. Его пытались убедить, что Легион неуязвим, что бесполезно противостоять воле Саргераса, что самое разумное – примкнуть к Легиону, помочь ему перекроить Вселенную. Однако разум Иллидана выдержал. Предатель остался самим собой, использовав увиденное, чтобы воодушевиться на века борьбы с противником.

– Меня десять тысяч лет держали в заточении, но я не бездействовал. Размышлял над тем, что удалось узнать о Легионе, обдумывал каждую возможность сокрушить его. Возможность для любого. Потому и примкнул к демонам – хотел узнать их лучше. Отдал за это все. Теперь о Пылающем Легионе мне известно больше, чем любому из живых существ, кроме разве что его хозяев... если считать их за живых. Я многое выведал, однако все сводится к одной ужасной истине.

Дождаясь, пока Легион нападет на тебя, его не уничтожишь.

Демоны слишком сильны: дашь им отпор, и они вернуться. Хоть тысячу раз обращай их в бегство, они будут приходить снова. И с каждым разом силы их будут прибавляться. Их командиры учатся на ошибках, генералы заранее просчитывают твои ходы.

Они бессмертны. В большинстве миров их души невоз-

можно уничтожить — только вернуть в Круговерть Пустоты. Там демоны перерождаются, сохраняя все знания из предыдущего воплощения. Представьте, что деретесь с воином, который каждый раз, как вы его убьете, возвращается. Мало того, он помнит, какой уловкой вы воспользовались, и готов к ней. В итоге запас хитростей иссякает, и нет больше надежды на удачу. Вот почему в Азероте Легион не побить. Духи демонов можно уничтожить в Круговерти Пустоты, там, где она имеет выход в миры смертных, или в мирах, предельно насыщенных демоническими энергиями Пылающего Легиона. Одно из таких мест — Натреза. Другое — Аргус.

Были те, кто думал, будто победил Пылающий Легион. Ныне повелители ужаса попирают их кости, а инферналы оскверняют могилы детей этих глупцов. Нельзя победить Легион, если сражаешься по его правилам. Так можно лишь проиграть.

Путь к победе один: напасть на Легион там, где он уязвим. Шанс небольшой, но кроме него, других нет. Нет у нас и выбора: мы либо ждем и погибаем, либо сами идем войной на Саргераса и его прислужников. Убьем военачальников, воодушевляющих демонические силы Легиона. Убьем и Архимонда, если он переродился, с Кил'джеденом. Саргерасу нужны командиры, чтобы управлять солдатами — без них эредары передерутся, и мы мало-помалу их всех уничтожим.

Акама и почти все остальные советники смотрели на Иллидана с ужасом и восхищением. Охотники на демонов кивали.

— Я дам бой Легиону в Аргусе. Вы, охотники на демонов! — Иллидан жестом руки обвел татуированных эльфов. — Вы все хотели отомстить Пылающему Легиону. Каждый из вас доказал, что готов биться со мной бок о бок. И вот я предлагаю небывалый шанс: мы, как жнецы косой, пройдемся по рядам демонов, убьем их командиров там, где они более не воскреснут.

Иллидан замолчал, давая эльфам осмыслить сказанное. Он не просил идти за ним. Он утверждал, что они достойные воины, и это была правда. Один за другим командиры охотников кивнули в знак согласия.

— Идите и передайте мои слова остальным. Готовьтесь к открытию пути в Аргус.

— Куда ты собрался? — сиплым шепотом спросил Акама, в ужасе теребя щупальца на подбородке.

— Туда, где масса душ только и ждет, чтобы их унич-

тожили. В Аукиндон.

– В Мавзолей дренеев, владыка? Это же священное место!

Иллидан взглянул на Акаму. Неужто Сломленный вздумал воспротивиться?

– Не для меня, верный Акама.

Пеплоуст медленно понурил голову и сторбился. Иллидан прекрасно понимал, что Акаме его решение не по душе, но ради этой самой души – и душ своего племени – пеплоусту разумнее было смириться.

– Как скажешь, владыка.

Иллидан широко развел руки и расправил крылья.

– Все, уходите. Скоро вы получите указания.

Вандель проводил взглядом советников и последний раз посмотрел на стол-карту и сметенные фигурки, обозначающие разбросанные по Запределью армии. Теперь все это больше напоминало игрушку, детскую головоломку, не имеющую ничего общего с предстоящим делом.

Покидая зал совета, Вандель думал о словах Иллидана и о видении, которое явилось ему во время ритуала.

Вандель ни на мгновение не сомневался в словах хозяина: Пылающий Легион – это и правда неуязвимая армия, которую не победить обычными средствами. Нельзя выстоять против полчищ бессмертных солдат, ряды которых постоянно пополняются. Вопрос в другом: что меняет задумка Предателя? За прошедшие месяцы он, казалось, лишился остатков рассудка. Теперь-то Вандель понимал почему: Иллидан в своих планах и схемах приблизился к кульминации.

Судьба Запределья не волновала Предателя. Не волновали его и цитадель Адского Пламени, и резервуар Кривого Клыка. Разве что в качестве вех на пути к главной цели.

Вандель видел то, что упускали из виду прочие советники: дальше Иллидан ничего и не планировал. Он стоял на краю великой бездны, собираясь броситься во тьму. Все, что происходило – взятие крепостей, прибытие Альянса и Орды, – было для него делом второстепенным. Вандель знал: несмотря ни на что, в ближайшие месяцы все это пойдет прахом. Не выживет никто. И неважно, пойдут иллидари за владыкой или останутся в Запределье воевать с Легионом или Альянсом и Ордой – погибнут все. Главное – чтобы смерть не была напрасной. И

если сказанное Иллиданом хоть сколько-нибудь правдиво, тогда и думать нечего.

Вандель коснулся амулета, который так давно сделал для сына, Хариэля. Он пошел за Иллиданом с одной целью — отомстить Пылающему Легиону. И пойдет до конца, даже если ему предстоит умереть.

Было видно, что остальные охотники на демонов приняты то же решение. Эльфы крови, похоже, традиционно думали, как бы обратить ситуацию в свою пользу.

Вандель приготовился последовать за Иллиданом, что бы ни случилось.

Предатель в зале совета зябко обхватил себя крыльями. Сделал девять шагов и развернулся, а почувствовав на себе чужой взгляд, выпрямился, расправил крылья и скрестил на груди руки. Двери закрылись, и Вандель понял: даже хозяин, и тот сомневается.

Опустевший зал совета казался просторнее, а в абсолютной тишине он и вовсе напоминал склеп. Иллидан подошел к столу и посмотрел на захваченные врагом крепости: каждая из опрокинутых резных фигурок означала тысячи смертей, реки крови. А ведь он уже давно перестал следить за подобными вещами. В игре, которую вел Предатель, десятки тысяч потерянных жизней были малой ценой.

Когда-то давно подобные потери еще обеспокоили бы его. Головой он это понимал, однако сердце оставалось глухо; он не испытывал даже тени былых чувств, и это его тревожило. Иллидан так долго подавлял в себе сомнения, заставлял себя беспокоиться лишь о том, что касается его войны. И вот, стоя в пустом зале совета, он слышал только эхо умолкших голосов.

И Вандель, и Акама не зря сомневались: вполне возможно, Иллидан не прав. Вполне возможно, его не зря называют безумцем. Он взял со стола вырезанную из кости копытня фигурку орка и повертел ее в пальцах. Сколько орков Скверны он без раздумий отправил на бойню? При необходимости Иллидан мог назвать точное число: его память чародея вмещала списки всех воинов. Но смысл был не в этом.

Он почти забыл, что охотники на демонов одной с ним крови, что они ему ближе других иллидари. Предатель шел дорогами, которые отдалили его от родного племени. Он десять тысяч лет провел в заточении, в темнице, где рядом были только Майев и Стражи, да и те с ним почти

не общались. Десять тысяч лет в одиночестве, наедине с собственными мыслями, планами и видениями. Десять тысяч лет он лелеял темные мысли, пробуя на прочность оковы, которые никак не мог разорвать, — пока, наконец, Тиранда его не освободила. Иллидан подумал, что пора бы навестить Майев и осуществить часть заслуженного ею наказания.

Раздавлив фигурку орка, он швырнул ее на стол. Не время было отвлекаться. Надвигалась война. Тут же шевельнулся червячок сомнения и принялся грызть его изнутри: что если он ошибся? Что если просчитался? Видения — не обязательно достоверны. Возможно, есть иной путь, а Иллидан его проглядел. Возможно, он слеп и не видит пути, который может привести к победе без стольких жертв. Предатель искал и искал, но не находил его, однако это еще не значило, что такого пути не существует вовсе.

Иллидана прозвали Предателем, Предателем его и запомнят... если, конечно, выживут, да и то лишь благодаря ему (хотя никогда о том не узнают).

Эта мысль доставила Иллидану мрачное удовольствие.

Расправив плечи и крылья, он вышел из зала. На ходу он ни разу не обернулся. Пришла пора отправиться в Аукиндон, к неприкаянным душам.

Отослав часовых, Акама приблизился к клетке Майев. Когда он поведал о последнем совете у Иллидана, Песнь Теней побледнела еще сильнее. Акама сильно рисковал, приходя к ней в такое время, но нужно было поговорить хоть с кем-то, кто разделял его жгучую ненависть к Предателю.

Сердце Сломленного сковало ужасом: владыка затеял осквернить очередную святыню дренеев. Для него не осталось ничего запретного, и даже величайшее кладбище народа Акамы стало жертвой растущего безумия Иллидана. Теперь вождь пеплоустов знал, чувствовал каждой фиброй души: что бы ни случилось, даже ценой души его надо остановить. Пришла пора последнего, отчаянного хода.

— Он совсем свихнулся, — сказала Майев. — Точнее, свихнулся он давно, но это — самая безумная его затея. Открыть портал в Аргус! Ты уверен, что он не собирается призвать оттуда подкрепление и разбить Альянс с Ордой?

Акама покачал головой.

— Тебя там не было, и ты его не слышала: Иллидан говорил совершенно серьезно, и он намерен претворить

задуманное в жизнь. Больше его ничто не заботит. Последние несколько недель он совершенно забыл о делах в Запределье и занимался только этим планом. Забросил все, лишь пробовал открыть этот свой проход. Сплетал чары за чарами, составлял астромантические таблицы, одну за другой. Его ничто не заботит, даже развал империи.

— А может, он задумал открыть портал и бежать? — предположила Майев. Она тревожилась, как будто у нее еще оставался шанс поймать Иллидана. — Может, он ищет путь в далекое и недостижимое убежище? Тебе ли не знать — так поступил твой собственный народ.

— Иллидан не из тех, кто бежит от опасности. По-моему, он искренне намерен добраться до Кил'джедена и биться с ним насмерть.

— Он проиграет! — презрительно расхохоталась Майев. — Все его труды пойдут прахом. И твои, кстати, тоже: твой драгоценный храм отойдет Альянсу и Орде. Освободи меня, и тогда, если святыню получит Альянс, я замолвлю за тебя словечко, позабочусь, чтобы ее вернули дрение-ям.

Акама улыбнулся.

— На этот счет тебе не стоит беспокоиться — я составил кое-какие планы. Тебе лишь нужно запастись терпением.

— Ты за этим навещал меня так часто, Сломленный? По-прежнему хочешь использовать меня в своих целях?

— Что, если так? Что, если я выпущу тебя отсюда и открою дорогу к отмщению?

— Ты и прежде мне это обещал.

— Тогда было неподходящее время. Зато теперь — иное дело.

Акама ушел, довольный тем, как замолчала и задумалась Майев. Где-то вдали содрогнулась земля — это извергалась Рука Гул'дана. В последнее время вулкан не спал. Зловещее было предзнаменование.

Глава двадцать шестая

За месяц до падения

Пепел захрустел под ногами Иллидана, когда он приземлился у разбитых ворот Аукиндона. Впереди возвышались стены города-мавзолея, серые, как и все вокруг. Где-то вдалеке по небу пронесся падальщик, по пустоши брел дряхлый копытень. Текла песчаными ручейками подгоняемая холодным ветром пыль.

Некогда город был укрыт куполом, похожим на шлем титана; ныне свода лежали, разбросанные, по мертвой высохшей земле.

Между Башнями Духов, что высились над Костяными Пустошами, пульсировала магия. Зачем эти башни, Иллидан не знал, и это его беспокоило. Он всю жизнь посвятил изучению и овладению магией, но в его знаниях все еще оставались пробелы.

Забеспокоились даже орки Скверны из клана Призрачной Луны — самые бесстрашные и яростные из сородичей. Было в этом месте нечто, что просачивалось в их переполненные злобой умы и вызывало подобие страха. Иллидана это тревожило, ведь клан Призрачной Луны из всех орочьих кланов больше других был привычен к некромантии и темной магии. Капитан отряда Гримбак Гнев Теней пролаял что-то ободряющее, и орки, упокоившись немного, стали ждать его приказов.

У Иллидана пересохло во рту, горло сдавил спазм. Он ощущал странный привкус и душок, как будто в нос и в рот ему проникли крохотные частички костей. Стараясь не думать об этом, Предатель продолжил всматриваться в руины.

Город пал жертвой некой катастрофы. Из кусков развороченной кладки, точно ребра из гниющей плоти, торчали металлические прутья.

Если верить Акаме, то некогда это было святое место, и тут покоились кости мертвых дренеев. Однако что-то пошло не так; ходило множество противоречивых слухов: якобы некий темный ритуал воскресил покойников, или орки заигрались с чем-то, что лучше было не тревожить, и высвободили могущественное зло. Или Пылающий Легион опробовал на кладбище некое страшное оружие, и в результате пагубная энергия все здесь из-

вратила.

Иллидан знал истину — ее он почерпнул из воспоминаний Гул'дана. Старый черно книжник отправил в некрополь группу колдунов на поиски неких артефактов. Те, кому удалось вернуться, рассказывали потом, что где-то ошиблись и в результате призвали странное существо. Оно разрушило Аукиндон, расколело купол и разбросало бесчисленные останки дренеев по пустыне.

Иллидан приказал оркам двигаться вперед. Оскверняя тишину погоста ревом и тяжелым топотом, солдаты ступили во врата мертвого города. За ними следила тысяча глаз: во тьме некрополя притаились древние и голодные существа.

Под ногами хрустел пепел. Оркам было тяжело шагать, зато Иллидан, непринужденно работая крыльями, плыл над землей.

Город был построен в виде концентрических кругов, и не успел отряд Иллидана миновать первые врата, как оказался у останков второй стены. Впереди возвышалась лестница; направо и налево уходили рукава некогда широкой улицы. С внешней стороны стены имелось множество отверстий, ведущих к могилам и мавзолеям.

Все тут имело вид запущенный и покинутый. Ветер выл, лаская кожу и раздувая крылья Иллидана.

Предатель повел орков вверх по истертым ступеням к тому, что осталось от триумфальной арки. Пройдя под ней, они оказались на стене шириной с полноценный тракт и уже оттуда взглянули на новый круг руин.

«Эти стены — как кольца в стволе дерева», — подумал Иллидан. Сверху ему открывался отличный вид на центр некрополя. Город построили в несколько ярусов, возможно даже, это было одно целое здание со множеством залов и палат. Странно было сегодня смотреть на обвалившиеся этажи. Город строили по понятным причинам — чтобы упокоить невероятно чувствительные души дренеев, пришедших сюда из иного мира.

Иллидан хотел достичь центра некрополя, но понимал: легкого пути не будет. Сам он, конечно, мог на крыльях спланировать вниз, к самой середине комплекса, но тогда за ним не сумеют последовать орки, несущие огромный бак с вытягивателем душ. Иллидан плотнее завернулся в крылья, будто кутался в плащ на ветру. Он уже жалел, что пришел сюда.

Вернулся один из дозорных и с победной улыбкой сообщил:

– Мы нашли путь в крипты, владыка!

По бокам от арки стояли необычные жаровни, пламя в которых освещало знамена со странными рунами. Рядом лежал скелет. Пахло древними благовониями и костями; всюду витал сладковатый душок разложения. Иллидан успел наглотаться праха, и в горле у него першило.

За порогом подземного склепа все ощущалось иначе: Иллидан будто ступил в другое измерение. Каменные жаровни загорелись зеленым огнем Скверны, и навстречу чужакам вышла мерцающая призрачная фигура дреenea: ее пустые глаза взирали в пустоту. Выглядел дух скорее печально, нежели устрашающе, и все же в его присутствии становилось не по себе. Орки угрожающе зарычали, но напасть не решились.

Чародей в Иллидане спросил себя: что они такое на самом деле, эти духи? Души, покинувшие мертвые тела? Тогда почему они не помнят ничего и не способны действовать свободно, как он – когда оставляет тело и отправляется в Круговерть Пустоты?

Привидение ходило туда-сюда, как сломленное и лишенное разума существо. Иллидан думал: возможно, оно больно, или свихнулось, или что-то утратило? Или же на него так повлияла магия, превратившая некрополь в обитель неприкаянных душ? А впрочем, эти размышления могли и подождать. Пора было двигаться дальше.

Отряд продвигался глубже в лабиринт коридоров и склепов. Аукиндон был построен давно и с размахом: город под землей намного превосходил размерами комплекс на поверхности.

Потолок скрывался за паутиной призрачной энергии. Тут и там в свете жаровен лежали груды костей, будто собранные и сложенные неким безумцем.

В некоторых местах сквозь расколотые плиты виднелись уходящие в скальную толщу колодцы. В некоторых даже поблескивали адамантитовые самородки. Из тени в тень перебегали пауки размером с кулак – единственные живые обитатели некрополя.

Иллидан с орками пересек несколько мостов, миновал огромные каменные гробы. Когда отряд вошел в большую камеру, заставленную гигантскими саркофагами, Иллидан ощутил присутствие чего-то зловещего.

В арочном проходе показалась еще одна душа. Она излучала холодную высасывающую жизнь ауру, но распалась, стоило Иллидану выстрелить в нее стустком энергии.

Внезапно, как по команде, из теней появилось еще

больше мерцающих призраков. Они набросились на орков, но рунные клинки и мощные заклятия оставили от них жалкие клочки эктоплазмы.

Когда отряд миновал груды костей, та неожиданно взорвалась. И вот уже перед Иллиданом и орками стояло несколько оживших скелетов, вооруженных древними клинками.

На карнизах вдоль стен дренеи в мантиях плели темные чары. Живые, они возвращали в этот мир почивших. Иллидан отправил орков убить некромантов.

Медленно, но верно продвигались они к сердцу крипты. Наконец звонко пропели рога — эхо разнеслось по бесконечным коридорам. Сигнал тревоги. Он созывал защитников.

«Вот и славно», — подумал Иллидан. Тем больше душ получится собрать.

Преодолевая заслоны, отряд пробивался к центру населенного нежитью города. Все больше гибло орков, а жаль — Иллидан еще не запустил вытягиватель душ, и их смерти не послужили делу. Но ничего, главное — он добрался до сердца города глубоко под землей, под набитыми трупами залами.

Орки выстроились в защитный периметр вокруг паланкина с вытягивателем. Прибор лежал в саркофаге размером с эльфа, сработанном из меди, оскверненного железа и истинного серебра. Иллидан подлетел, взволновав холодный воздух, и опустился на контейнер. Произнес заклинание, и гроб открылся, обнажив вытягиватель.

В трубках из оскверненного железа ожила энергия, направляемая руническими насечками на корпусе прибора. Иллидан гордился своей магией. Ему удалось воспроизвести определенные эффекты обряда, примененного для открытия портала в Натрезу. Включенный, вытягиватель соберет неприкаянные души со всего Аукиндона в воронку, разорвет их и обратит в энергию. В самом центре прибора лежало три похожих на слезинки драгоценных камня. Черные и блеклые, они начнут светиться по мере того, как вытягиватель будет наполняться. Все три засветятся, когда соберется достаточно энергии для открытия портала в Аргус.

Иллидан активировал прибор, создавая с ним духовную связь. Ощутил его присутствие в своем разуме. Чувство было такое, будто он обнял бездну, нечто голодное и жаждущее силы, готовое поглощать ее отовсюду. Вытягиватель обладал примитивным и яростным сознанием, и

стоило Иллидану соединиться с ним, как прибор, подобно упырю, начал высасывать из него жизнь.

Иллидан поспешил возвести заслон, а после сковать прибор и подчинить его своей воле, как демона.

Подоспело еще больше дрениев в мантиях. Они слали нежить в атаку. Орки тем временем прикрывали Предателя.

— Задержите их на несколько минут, и победа будет за нами, — приказал Иллидан отряду.

Воины сомкнули строй. Мертвецы накатывали волнами; поодиночке ходячие трупы ничего не стоили, но они напирали бесконечными толпами. И пока нежить отвлекала солдат Иллидана, некроманты осыпали их стрелами темной магии. Хуже всего были призраки: эти подбирались незаметно, хватали орков и высасывали из них жизнь, оставляя хладные трупы.

Иллидан продолжал активировать вытягиватель. Понимая, что время уходит, он усилием воли заставил себя сосредоточиться. Орков хватит ненадолго: несколько трупов уже откликнулось на призыв некромантов и восстало против бывших товарищей.

Вытягиватель никак не желал работать, и что-то в крипте ему помогало, давая силы сопротивляться магии Иллидана. Стиснув зубы, Предатель прокричал заклинание. Скелеты распались, и частички темной энергии полетели в утробу вытягивателя. Орки возликовали, но в пылу сражения за собственные жизни они не замечали, что, умирая, тоже отдают души магическому прибору.

Нахлынувшая волна призраков исчезла внутри вытягивателя, точно вода, утекающая в сливное отверстие. Прибор заработал во всю мощь. Его темная сила притягивала души, как магнит — железную стружку.

Вот первый из камней озарился светом, похожий на демоническое солнце. К тому времени почти половина телохранителей Иллидана погибла. Они проигрывали без его магической поддержки. Предатель и рад был бы помочь, но не мог: управлял вытягивателем, дабы тот не вышел из-под контроля. А иначе прибор мог просто взорваться и погубить всех.

Тогда Иллидан прибавил мощности вытягивателю, надеясь так захватить побольше духов, поскорее наполнить бак и, закончив ритуал, изменить ход битвы. Души с воплями исчезали в насосе. Боль, которую причиняло заклинание сдерживания, было невозможно терпеть.

Некроманты, похоже, сообразили, что происходит, и

сосредоточили атаки на Иллидане. Вот в него ударила стрела магической энергии, и от боли Предатель чуть не утратил контроль над вытягивателем. Стиснув зубы, он через силу заставлял себя поддерживать сковывающие чары. Прибор снова попытался восстать, выпить и его душу тоже.

Сопrotивляясь нападению, Иллидан кое-как возвел магический барьер для разума и души. В тот же миг власть его над прибором ослабла еще больше. Загорелся второй камень. Искры душевной энергии окружали Иллидана, словно вихри черного снега. Они плотным и быстрым потоком втекали в горловину прибора.

Оставалось продержаться еще немного, совсем немного...

Отряд орков сократился на две трети. Оставшихся подбадривал Гримбак Гнев Теней. Капитан обернулся и взглянул на Иллидана: в его глазах эльф прочитал надежду, веру и мольбу, которые через секунду сменились привычными яростью и боевым азартом. И вот уже капитан снова орал на солдат.

Иллидан попробовал было сотворить защитное заклятие против некромантов, но тщетно. Одновременно удерживать вытягиватель, защищаться и атаковать не вышло бы даже у такого сильного чародея, как он.

Ноги подкашивались, голова кружилась, силы утекали все быстрее и быстрее. Иллидан еле держался, сопротивляясь растущей мощи вытягивателя.

Такого он не предвидел. Не ожидал закончить свои дни в этом темном месте: погибни он здесь, и его задумки пойдут прахом. Казалось бы, надо перестать сдерживать вытягиватель, и пусть он взорвется — уничтожит все и всех. Так Иллидан хотя бы отомстит убийцам.

Нет, он не умрет здесь. У него еще много дел, ему надо пройти свой путь до конца. Уничтожить Пылающий Легион.

Иллидан собрал последние крохи воли, заставляя вытягиватель работать. Упал на колени, теряя жизненные силы. И вот медленно, постепенно начал светиться последний, третий, камень.

«Держись, держись», — твердил себе Иллидан. Тело его терзали стрелы темной энергии. Рядом упал на колени Гримбак Гнев Теней. Несколько телохранителей закрыли его, отступая с боем.

Но вот и третий камень засветился в полную силу. Предатель произнес заклинание, прерывающее поток душ,

запечатал энергию внутри насоса и поднялся на ноги. В этот момент убили последнего из орков. Иллидан собрал остатки сил и навел портал в Черный Храм. Исчезая в нем вместе с заряженным прибором, он услышал на прощание крики разгневанных некромантов.

Тяжело дыша, Предатель опустился на каменный пол своего убежища. Пот катил с него градом, воздуха не хватало. Комната вращалась перед глазами; над Иллиданом смыкалась тьма.

Глава двадцать седьмая

За день до падения

Иллидан опустился на трон в зале совета. Прошло уже несколько недель с тех пор, как он вернулся из Аукиндона, а силы так и не восстановились.

Не первый раз в голову пришла мысль отправить карательный отряд против некромантов. Но нет, не время было разбрасываться ресурсами. Иллидан взглянул на карту: его армии терпели поражение за поражением, империя разваливалась. Альянс, Орда — и вдобавок Пылающий Легион — раздирали его владения на куски. Помощники Предателя кое-как удерживали последние позиции в Долине Призрачной Луны. Донесения от капитанов — когда Иллидан находил в себе силы их выслушать — звучали неутешительно.

Винить было некого, кроме себя самого: Иллидан спустился в город мертвых в сопровождении лишь отряда телохранителей, а охотников на демонов решил приберечь для последнего сражения. Он не сумел предвидеть, что за опасности ждут его в некрополе, и это еще дорого встанет и ему, и, возможно, всему живому.

Иллидан поспешил прогнать мрачные мысли. Сейчас он не мог себе их позволить. Должен быть шанс, надежда на победу. Если он не сумеет победить сам, то может, получится у охотников на демонов. Они сильны, обучены сражаться. Возможно, все они полягут, но победы добьются.

«Повторяй это почаще, — сказал себе Иллидан. — Может, и сам поверишь». От этой мысли избавиться не удалось. От демона по имени «сомнение» защиты у Предателя не осталось.

Один за другим явились советники — эльфы крови. Судя по их лицам, новости Иллидана ждали не из приятных. Он встал и, старательно скрывая боль, спустился к остальным. За каждым его движением пристально следили, оценивали. Ох уж эти син'дорай — безжалостные, беспринципные, амбициозные гадюки. Они смотрели на Предателя, как волки — на стареющего вожака. Империя, может, и уменьшилась, но она оставалась империей, и каждый из присутствующих, несомненно, полагал себя способным возглавить ее и даже отвоевать потерянное. Воз-

можно, правильно полагал...

Неважно. Иллидану надоело оставаться здесь, надоело ломать голову над этой загадкой. Каждая минута, что он успокаивал советников, была упущенной, потраченной зря. За это время Предатель мог бы завершить план изгнания миров от Пылающего Легиона. Иллидан через силу оглядел собравшихся, чтобы каждый ощутил тяжесть и злобу его слепого взгляда.

Первым заговорил Верховный пустомант Зеревор:

— Из Пустоверти пришли интересные новости: пала Крепость Бурь и наш перебежчик, бывший принц. Не знаю, правда, хорошо это или плохо для нас...

Иллидан прервал его нетерпеливым жестом. Кель'тас связался с Кил'джеденом и заслужил постигшую его судьбу. Этот син'дорай больше не стоил внимания Иллидана. Предатель обернулся к Леди Маланде.

— А что происходит в Острогорье?

— Владыка Иллидан, Груул Драконобой пал. Я могу найти других союзников, мне лишь понадобится немного времени.

Советница ошибалась. Впредь горцы помощи не окажут. Впрочем, Иллидан кивнул, делая вид, что одобряет решение Маланды. Ее дела его не волновали, пора было возвращаться к строительству портала в Аргус. Провести последний ритуал и установить конечную точку перехода.

— При всем уважении, владыка Иллидан, — обратился к нему Гатиос, — время — один из тех ресурсов, которых нам не хватает. Мы должны ответить Альянсу и Орде, заставить их бояться нас, отбить захваченные территории.

Гатиос вот уже несколько недель уговаривал Иллидана нанести ответные удары по армиям Азерота — с тех самых пор, как стало ясно, что они захватывают Запределье. С точки зрения стратегии, Изувер был совершенно прав: если Иллидан намеревался удержать Запределье, то следовало контратаковать. Однако было уже поздно: Предатель не мог позволить себе сражаться на трех фронтах сразу.

— Мы, — подтверждая это, предлагал Верас Глубокий Мрак, — можем заключить союз с одной из сторон. Стравить наших врагов друг с другом. Выиграем немного времени.

Верас хотел угодить Иллидану. К тому же с таким предложением вряд ли согласились бы Зеревор и Маланда.

Пока эльфы крови ссорились и спорили, Иллидан мыс-

ленно вернулся к планам портала. Сделать предстояло еще так много. Требовалось больше истинного серебра для насечек и вставок, а еще — усилить заклинания, которые направят энергию от вытягивателя на сам портал. Потоки энергии должны быть ровными и устойчивыми, чтобы и ворота открылись плавно. Визуализация должна быть четкой и ясной. Ошибок быть не должно. Шанс сделать все правильно — один. Пока что Иллидан мог лишь отворить ворота, но сам проход открытым не останется, его нужно будет поддерживать. Предстояло найти способ, как удержать его, когда Иллидан с армией отправится в Аргус. Сколько еще нужно успеть сделать...

— Твой ответ, владыка? — спросил Гатиос. — Что нам делать?

Внезапно навалилась усталость. Иллидана утомили пустые перебранки по поводам, которые больше его не интересовали. Утомило чувство слабости и измождения. Время истекало, а у него еще остались незавершенные дела. Иллидан решил, что хватит ему отвлекаться по пустякам.

— Прочь с глаз моих, — сказал он, взмахом руки прогоня советников.

Иллидан оглядел огромную комнату перемещения. День за днем, час за часом, минута за минутой создавал он последнее и самое мощное в своей жизни порталное заклинание. Все до единой насечки на полу он сделал собственноручно. Сам расплавил в тиглях истинное серебро и заполнил борозды. Вдоль краев ихором, смешанным с собвенной кровью, начертил руны. На каждой стене имелись сложные охранные знаки, узор которых был основан на татуировках Иллидана. Там, где пересекались линии рисунка, он установил черепа демонов и чародеев, и на каждом начертил миниатюрную версию той части рисунка, в которой стояла реликвия, — чтобы помочь направить поток энергии. Дополнения отражали звездные маяки в небе над Аргусом, а в самом центре узора лежала Печать. Сейчас в этом ключе, что приведет в мир Кил'джедена и направит энергию портала, пульсировала сила.

Однако все это было еще не готово. Машины заклинаний, которые перенаправят энергию душ от вытягивателя к узору в полу, пока не испытывали. Генераторы — огромные машины из меди, латуни и оскверненного железа, сложные, как гномьи агрегаты, — еще предстояло

закончить. Процесс близился к завершению, но слишком медленно. Свое слабеющее тело Иллидан укрепил при помощи магии, добившись силы и способности к сосредоточению дюжины малых чародеев, однако и этого было недостаточно. На завершение такого сложного и большого заклинания требовалось еще несколько лун, тогда как песок в часах Иллидана убегал чересчур быстро.

Он, впрочем, не поддавался панике. Торопливость могла привести к ошибке, а в столь крупном предприятии малейшая оплошность означала катастрофу. Надо было лишь сосредоточиться на работе, сделать все, что требовалось от него сегодня, в этот час, в эту минуту: окончательно установить связь между Запредельем и Аргусом. Закончить направляющие руны.

Иллидан воскурил благовония и произнес заклинание. Один за другим ожили магические генераторы, наполняя воздух запахом озона и сернистой вонью. От машин потянулись крохотные ручейки силы. Легчайшее дыхание — по сравнению с бурей, которая разразится с открытием портала. Отлитые из истинного серебра линии в полу замерцали, и в воздухе над ними повисло их зеркальное отражение, спроецированное Печатью Аргуса. Дух Иллидана покинул усталое тело.

На сей раз выйти оказалось проще — наверное, используя вытягиватель в Аукиндоне, Иллидан неким образом ослабил связь души и тела. Он соединил потоки силы от рисунка и, сплетя их в тончайшее кружево, подключил к своему духу.

Следуя сложным узором рун, Предатель вышел в Круговерт Пустоты и вновь пронесся через бездну над Аргусом. Взглянув на некогда прекрасный и сверкающий мир, Иллидан, соблюдая предельную осторожность, устремился вниз, навстречу хрустальным каньонам и алмазным горам.

Он искал место, где можно было установить маяк для портала. С Запредельем его связывала паутина магической энергии — Предатель, как мог, постарался скрыть ее, однако умелый чародей, все равно сумел бы его засечь. Потому Иллидан и действовал осторожно.

Его тревожила мысль о существе, с которым он столкнулся в прошлый раз. Оно как будто спасло Иллидана, однако демоны могут быть очень и очень искусны, вводя врага в заблуждение. Кил'джедена не зря прозвали Искусителем.

Приближаясь к городу, где обитали командиры Пылающего Легиона, Иллидан боялся, что, несмотря на все

предосторожности и защитные, скрывающие чары, его замечают — по следу магии. Иллидан замедлился до черепашьей скорости.

Призрачное чутье сообщило, что за ним наблюдают, но сколько ни старался Предатель, а засечь соглядатая так и не смог. Иллидан не на шутку встревожился: неизвестный намного превосходил его в способностях, раз уж сумел укрыться от мага такой силы. Это создание могло внезапно напасть, пока Предатель будет устанавливать точки резонанса с порталом.

Иллидан подождал, но ничего не произошло. Наверное, он угодил под излучение от какого-нибудь защитного заклятия, вызывающего тревогу и смуту. Кил'джеден любил такие тонкие магические трюки. Предатель чувствовал, что тратит время впустую, рискуя в любой момент быть раскрытым. Пора либо действовать, либо возвращаться и ждать более удачного момента.

И он решил: сейчас или никогда. Устремился к дворцу Кил'джедена, отыскал нужное место и принялся творить чары. Закрутилась небольшая воронка силы — крохотное эхо проснувшегося в Черном Храме огромного узора. Иллидан огляделся, в любой момент ожидая удара. Если его заметили, то сейчас и накроют. Но нет, не пробудилось ни одно охранное заклинание, не прозвучал сигнал тревоги. Воронка сделалась практически невидимой, будто ее и не было, оставив едва приметный магический след.

Иллидан снова почуял слежку, еще отчетливее ощутив чье-то присутствие: за ним следили с большим любопытством. И снова он не сумел определить, кто за ним наблюдает и откуда.

«Постойте! Что это было?» Иллидан мельком разглядел слабую мерцающую ауру света. Сосредоточился на ней, но тут она опять ускользнула от его чувств, словно ее обладатель как-то сумел спрятаться под тканью Вселенной.

Нужно было сосредоточиться на работе, а его отвлекали в самый неподходящий момент. Иллидан пролетел коридорами дворца к следующей точке — в просторную комнату, где суккубы танцевали для генералов-демонов. Там он как можно быстрее сотворил заклинание-привязку. Предатель все ближе подбирался к тронному залу, и опасность быть раскрытым возрастала неимоверно.

Над Иллиданом как будто нависло огромное и могущественное создание. Оно следило за его действиями: как он плетет чары, как устанавливает привязки. Но чародей эльф не посмел отвлечься от процесса — иначе все

пойдет насмарку. Даже перед лицом такой опасности ему ничего не оставалось, кроме как работать дальше. Одним ударом его могли отправить в небытие, однако он продолжал сосредоточенно трудиться. Заставив себя сосредоточиться на завершении заклинания, Иллидан попытался сделать наблюдателя видимым — и вновь тщетно.

Даже в своей астральной форме, лишенной телесных эмоций, Иллидан разозлился. С ним играли, а он ненавидел, когда с ним забавляются. Сейчас Кил'джеден позволит ему приблизиться к концу работ и после — в решающий момент — схватит.

Осталось установить всего три якоря, а потом — так или иначе — все завершится. Часть Иллидана хотела попытаться бежать или вызвать преследователя на поединок и дать бой. Неважно, что силы могут быть неравны.

Следующие две привязки удалось оставить легко и быстро. Все это время за Иллиданом продолжали следить — с тем же неизменным любопытством, — однако попытки обнаружить наблюдателя успехом, как и прежде, не увенчались.

Иллидан осторожно приблизился к тронному залу, в котором ощущалось невероятное сосредоточение демонической силы. Кил'джеден восседал на троне, а вместе с ним в комнату набилось множество генералов. Теперь предстояло действовать чрезвычайно скрытно и осторожно. Вся эта демоническая свора способна была раздавить дух Иллидана, как жука. Многие из генералов как чародеи запросто могли засечь вторжение, если бы он не окружил себя непроницаемой защитой и не устанавливал якоря предельно аккуратно.

Иллидан замер, мысленно проклиная невидимого преследователя и ожидая атаки в любой момент. Он понимал тщетность предпринятых усилий, но выбора не было. Возможно, если его сейчас захватят, кто-нибудь другой завершит его великие труды — на то была самая отчаянная из надежд. К несчастью, в Азероте и Запределье осталось слишком мало достойных чародеев, и вряд ли они сумели бы закончить за Иллидана его работу. Но что поделать, Предатель зашел слишком далеко и не мог отступить.

Все-таки сумев успокоиться, он произнес заклинание. Настал опаснейший момент: последняя воронка не просто оформилась и сделалась невидимой, она послала импульс самому дальнему из якорей, а потом — следующему, образуя большой пентакль и заполняя сложную сеть рун до

тех пор, пока полностью не воспроизвела магический контур на полу в убежище Предателя.

Принцип гармонического резонанса связал два больших символа. Несмотря на настороженность, Иллидан почувствовал, как его наполняет триумф. Он установил связь между Аргусом и Запредельем; осталось только закончить приготовления — и можно открывать портал. Правда, наслаждался победой Предатель недолго — всего один удар сердца, а потом последовала атака.

Удар был поразительной мощи. Дух Иллидана подбросило вверх, точно младенца, подхваченного орком. Чародей ощутил себя пловцом, которого снесло подводным течением. Сколько он ни боролся, освободиться не смог, и тогда решил оставить попытки вырваться, чтобы прибегнуть к силе. И приготовился к самому худшему.

Оказавшись на равнине чистого света, он увидел перед собой сияющее создание: оно то исчезало, то появлялось, меняя формы — и каждая была геометрически совершенна. За его быстрыми и текучими метаморфозами уследить было невозможно.

Иллидан приготовился обрушить на незнакомца самое разрушительное заклятие, какое мог сотворить в астральном теле, но существо не атаковало. И тут он вспомнил, что видел подобных ему прежде — на Террасе Света в Шаттрате. К тому же этот ша'тар обладал куда большей силой, чем тот же А'дал и его последователи.

— Ты — наару, — устав от тишины, произнес Иллидан.

— Старейшина. Наверное, самый старый в этой Вселенной.

— Зачем ты здесь? Служишь Саргерасу или Кил'джедену?

Наару весело замерцал и заискрился.

— Нет, все не так.

— Иллидан испытал облегчение — увы, мимолетное. Все же это могла быть очередная уловка.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Жду тебя.

— Ты знал, что я приду?

— Ты или кто-то вроде тебя. Когда Вселенной грозит разрушение, она посылает навстречу врагу своих защитников.

— Могла бы выбрать кого получше, — не думая, ответил Иллидан.

— Вряд ли. Ты — тот, кто ты есть. Вся твоя жизнь готовила тебя, ковала из тебя оружие, которое пронзит

сердце великого демона.

– Не хотелось бы думать, что я – лишь бездушный предмет вроде моих клинков.

– У тебя есть воля, и потому ты опасен.

– Так значит, Вселенная избрала меня, чтобы убить Кил'джедена? – насмешливо произнес Иллидан, однако в сердце его вспыхнула искорка надежды: если наару говорит правду, то есть еще шанс победить.

Вокруг ша'тар закрутился вихрь огоньков.

– Нет. Твой враг – не Кил'джеден, а кое-кто величественнее. Величественнее самого Саргераса и всего Пылающего Легиона.

– Замечательно. Как будто их мне было мало.

Наверное, это все же была ловушка, и Кил'джеден так насмеялся над Иллиданом.

Предатель подавил растущее отчаяние. Выходит, все жертвы были напрасны: если это ловушка, то его борьба окончена. Если нет, то все обстоит намного хуже, чем он думал.

– Бездна куда страшнее Пылающего Легиона. Она – истинный враг Света, и чтобы противостоять ей, потребуется объединить народы Азерота и Запределья. – Наару вдруг перестал пульсировать. – Ты думаешь, я лгу? Теряешь надежду и веру? Тогда тебе следует знать вот что...

Не успел Иллидан даже попробовать защититься, как из наару в него ударила стрела чистого света. Направленная прямо в пустые глазницы, она наполнила их золотистым свечением. Иллидан приготовился к взрыву боли, но ничего не произошло, хотя в прошлом подобная магия всегда вызывала жуткие мучения. Она вызывала их у всякого, кто практикует магию Скверны. Кругом все задрожало и померкло, сменилось картиной ужасного сражения.

Среди гор трупов крылатая фигура вела вперед легионы Света. Ее клинки окружала золотистая аура. Могучими ударами воин рассекал демонов надвое. Собственные солдаты взирали на полководца с благоговейным трепетом. Иллидан не сразу признал в нем самого себя: глаза его, преображенного, сияли двумя солнцами. Эта аватара Света была спокойна, сильна, невозмутима. Она излучала уверенность и отсутствие страданий.

И вот этот крылатый воин взлетел над полем боя, бросая вызов исполинским порождениям тьмы, созданиям зла из Бездны. Голову его осенял нимб, а тело сияло

все ярче — ярче самого солнца. Вот из рук его, сокрушавшая врагов, ударили лучи Света.

Чувствовалось, что все так и должно быть, что это — образ еще не наступившего будущего. На мгновение Предатель поверил ему, но потом сомнения вернулись. Такого попросту не могло быть. Иллидан прежде не ступал на этот путь, и не сможет измениться. Он — воин и льет кровь, следует не только чувству долга, но и тьме, и собственным устремлениям.

— Ты отринешь саму смерть, — произнес наару, когда видение померкло. — Я это видел. Неважно, кем ты был, неважно, кто ты сейчас. Ты станешь поборником Света.

В голосе наару не было и тени сомнения, его уверенность передалась Иллидану. На мгновение он погружился в Свет, и сердце его успокоилось. Его ждало искупление, на какое он и не смел надеяться. Умиротворенный, он соединился с наару — всего на миг, который показался Иллидану длиною в жизнь.

— Ты станешь героем, — сказал наару. — Однако у всего есть цена.

— Да, у всего.

Наконец, исполненный умиротворения, Иллидан очнулся. Сеть Света и мерцающая равнина, исчезли, и он снова оказался в Аргусе — вместе с наару. Да они никуда отсюда и не уходили: место, где они общались, было иллюзией, созданной магией Света.

Иллидан ощутил внезапный укол страха: его могли заметить. Что если солдаты Пылающего Легиона окружают его? Может, наару и друг Иллидану, но он подвергает опасности их обоих.

— Прощай, — сказал наару. Щупальце света коснулось лба Иллидана. Возникло странное ощущение, будто на лбу у него осталась новая метка. Она немного жгла и явно боролась со Скверной в татуировках, а потом соединилась с ними и исчезла.

Втянув щупальце, наару исчез, будто его и не было, а перед мысленным взором Иллидана снова возник его собственный образ как аватары Света. Возможно ли такое? Сумеет ли Предатель заслужить искупление? Он о таком и думать не смел, однако наару верил в то, что так и будет. На мгновение поверил и сам Иллидан, но потом избавился от мыслей о будущем, потому как в настоящем его ждало еще много работы.

Предатель мысленно проверил точки привязки для пор-

тала — чувствовал, что они на местах. Если повезет, то никакой демон их не обнаружит. Пора было возвращаться. Что-то он задержался в Аргусе.

Иллидан прервал заклинание астрального путешествия: его дух понесся назад сквозь Круговерть Пустоты и, не замедляясь, ворвался в тело. Прямо передо лбом чародея, видимая только призрачным зрением, висела в воздухе руна. Она зеркально отражала метку наару у него на челе. Стоило так подумать, как руна исчезла, будто Иллидан и не встречался с созданием Света.

Предатель постарался вспомнить подробности разговора, используя все приемы, доступные его чародейскому разуму. Встреча и правда состоялась, в этом он больше не сомневался, и видение тоже казалось правдоподобным. Правда, это еще ничего не значило, если наару просто играл с разумом Иллидана. Но если создание Света настолько сильно, то...

От таких мыслей и с ума сойти было недолго.

Заново привыкнув к плотному телу, Иллидан услышал, как в дверь колотят: звук проникал даже сквозь слои защитных чар. Он произнес заклинание, и заслоны пали. Дверь открылась, и Предатель увидел на пороге советников.

— Владыка Иллидан, — обратился к нему Верховный пустомант Зеревор, — идем с нами! Ты должен сам увидеть, что творится. На Черный Храм напали!

Голос мага был предельно встревоженным, и только поэтому Иллидан не отослал его прочь сразу же. Встав из позы для медитации, он последовал за советниками... одного из которых, кстати, не хватало.

«Акама. Куда он делся?»

Глава двадцать восьмая

За день до падения

Акама снова пришел к клетке Майев.

– Явился в очередной раз подразнить меня ложными обещаниями? – спросила эльфийка, с трудом скрывая горечь. Сломленный подошел ближе и, наклонив голову, посмотрел ей в лицо. Посмотрел так пристально, что Майев сделалось не по себе, но она постаралась скрыть эмоции.

– Нет, – сказал Акама, не скрывая усталости и страха. – Как ты себя чувствуешь? Силы есть?

– Выпусти меня из клетки, и сам увидишь. – Майев копила силы все прошедшие месяцы. Сейчас она была как никогда готовой к бою, однако сковывающие чары преодолеть все равно не могла.

– Клинок в руках держать не разучилась? – продолжал Акама. Майев уже хотела окатить его потоком брани, но что-то в голосе старика заставило ее сдержаться.

– Такое не забывается.

– Надеюсь.

– Зачем пришел?

– Орда с Альянсом сообща осадили Черный Храм. Они объединились с Алдорами и Провидцами. Есть даже несколько наару.

Сломленный говорил так, будто Иллидану уже пришел конец.

– Предатель прислал тебя, чтобы убить меня? Ему самому смелости недостает?

Акама приложил к губам короткий толстый палец. Подумал немного над словами и коротко, едва заметно улыбнулся.

– Ты ему сейчас не так важна. Вся его империя горит и рушится, а он занят совершенно другими делами. К счастью для нас с тобой.

Майев позволила себе каплю надежды, однако постаралась этого никак не выдать. Не хотела радовать врага, показывая, что он сумел обмануть ее.

– То есть его победят?

– Кто знает... Даже сейчас он самое могущественное существо в Запределье, которого окружают военачальники, почти равные ему по силе. Храм – это кре-

пость, надежнее которой нет в целом мире. Иллидан может держаться годами. За это время его враги успеют перессориться. Я слишком долго знаком с Предателем, чтобы ожидать легкой победы над ним.

– Но ты на нее надеешься.

– В храм мог бы проникнуть небольшой и достаточно сильный отряд. Надо ему только помочь.

– И ты, конечно же, в состоянии эту помощь обеспечить. Прости, но мне что-то не верится. Где-то я уже подобные обещания слышала. Последний раз, когда я им поверила, для меня и моих воинов все закончилось не очень благополучно. Ты, кстати, тоже понес потери.

Акама, к своей чести, пристыженно смутился, однако взгляда не отвел.

– На сей раз – так или иначе – все закончится по-другому.

– Я тебе не верю.

– Тогда я постараюсь тебя убедить.

– Каким же образом? – Майев постаралась вложить в слова как можно больше презрения, но от растущей надежды в сердце избавиться все еще не могла.

– Отойди, – сказал Акама и, когда Майев встала у дальней стены клетки, произнес мощное заклинание. Запирающие чары пали. Не веря собственным глазам, Майев толкнула дверь – и та открылась.

Стражу очень хотелось наброситься на Акаму, свернуть этому предателю шею, но она была безоружна, да и Сломленный все еще не утратил силы. К тому же где – то поблизости его наверняка ждали телохранители.

– Если ты задумал дурачить меня, старик, я убью тебя, – угрозы сорвались с губ сами собой.

– Трудновато будет сдержать это обещание без оружия и брони, – заметил Акама.

– Рассчитываю, что ты это упущение немедленно исправишь.

– На этот раз правильно рассчитываешь.

Майев надела латные перчатки и, словно корону, водрузила на голову шлем. Ожили защитные чары, и эльфийка облегченно вздохнула. Она снова была сильна и сдаваться не собиралась. На этот раз – если ей уготовили западню – она заставит убить себя.

Рядом – тут же, в комнате охраны, – ее ждал Акама. В руке он держал серповидный клинок теней. Путь в кордегардию усеивали трупы демонов; из тюремщиков оста-

лись только пеплоусты — остальных перебили. А жаль, Майев сама с огромным удовольствием прикончила бы этих тварей.

Она властно протянула руку, требуя верну оружие. Акама нерешительно посмотрел на раскрытую ладонь, будто гадал: как эльфийка поступит, получив назад клинок?

— Боишься, что убью тебя?

— Боюсь, что попытаешься.

— Почему бы и нет?

— Ты не глупа. Давай не будем играть в игры, Майев Песнь Теней. Ты на свободе благодаря мне, и если поможешь победить нашего общего врага, то утолишь свою ребяческую жажду мести.

— Я могу сделать и то, и другое.

— Нет, не можешь. Лишь я проведу тебя в храм Ка-рабор, лишь я проведу тебя к Предателю. Решай: кого ты убьешь? Меня или его? Выбор за тобой.

— С чего мне верить тебе на этот раз?

— С того, что, освобождая тебя, я рискую не просто своей жизнью. На кону мои душа и племя. Я неспроста сохранил тебе жизнь, Майев Песнь Теней. Я хранил твою жизнь, как величайшее сокровище. Следуй за мной, и сегодня ты, возможно, сумеешь захватить Иллидана. Прикончи меня и ступай в одиночку, но тогда ты вряд ли сможешь убить его. Ну, что выбираешь?

Не говоря больше ни слова, Акама вложил оружие в протянутую руку Майев. Он ждал и смотрел. Ощувив привычную тяжесть клинка, Майев повертела его и так, и этак. Если на серповидный клинок и наложили какие-то заклятия, она их не ощущала. Майев всерьез подумывала всадить его в сердце предателю Акаме, но сумела сдержаться.

— Живи пока. Мне нужно правосудие над Иллиданом.

— Нет, тебе нужно поквитаться. Месть принесет больше утешения.

С высоты крепостной стены Иллидан взирал, как в нее бьются волны закованной в броню плоти. Боевые заклинания разлетались о защитные чары. Тысячи солдат шли сразиться с демонами Предателя.

Среди осаждающих Иллидан уловил присутствие бес-смертных. Ша'тар, мерцающие создания Света. Вот и верь после этого обещаниям старейшины наару из Аргуса. Похоже, он один видел будущее Иллидана. Остальные — нет, и они пришли воевать с ним.

Иллидан пожал плечами. Крылья, приподнявшись и опав, подчеркнули жест безразличия.

– Неважно.

Советники взирали на него с недоумением. Некоторые, правда, попытались улыбнуться; они храбрились, надеясь, наверное, что у владыки есть некий план.

– Мы полагаемся на твои решения, владыка, – произнес Гатиос Изувер.

– Полагайтесь лучше на стены Черного Храма, – ответил Иллидан, – а также на чары и клинки. Спускайтесь и приготовьтесь к битве. Вряд ли наши гости покинут нас в ближайшее время, так что надо устроить им достойный прием.

Иллидан подумал: не казнить ли Майев, пока ее не успели спасти? Будет маленькое, но утешение. И скорее всего, последнее. Кому же поручить казнь? Акаме? Где этот Сломленный? Чародей проверил наложенное на него заклятие – на месте, не снято. Тень все еще скованна и готова в любой момент наброситься на Акаму, стоит спустить ее. Эта мысль согревала. Нет, Иллидан пока не станет убивать Майев. Есть еще шанс помучить ее.

К воротам храма устремилась группа дрениев-паладинов в плащах Альянса. Ну конечно, кому еще возглавить атаку, как не этим ханжам и олухам. Эти, где ни найдут зло, стремятся воевать с ним; Иллидан в их глазах – самое настоящее зло. Он даже выглядит соответствующе. Навстречу дрениеям помчались стражи – магические молоты скрестились с демоническим оружием. Сперва трудно было разглядеть, кто побеждает, но вот солдат Альянса отбросили от стен храма.

На помощь паладинам выступил отряд троллей. Среди них проскальзывали тени, которые наносили демонам сокрушительные удары со спины. Иллидан видел окружающее этих бойцов мерцание скрывающих чар, а вот демоны, похоже, нет.

Казалось, захватчики вот-вот одержат победу, но тут на землю обрушился дождь метеоров – в самой гуще сражения возникли инферналы. Вмешался один из укрывшихся в Караборе чернокнижников.

Предатель оценил свое положение: в храме полно запасов, и чародеи почти бесконечно смогут призывать на помощь демонов, но среди захватчиков есть маги и прочие воины, которым под силу противостоять чернокнижникам.

На горизонте Иллидан заметил столбы пыли, а значит,

на помощь осаждающим спешило подкрепление. Численный перевес был на их стороне, к тому же ряды их постоянно пополнялись. В распоряжении Альянса и Орды были ресурсы целого мира и закаленные в бесконечных сражениях армии. То, что они осадили Черный Храм, говорило об их возросшей силе.

Иллидан присмотрелся к собственным защитникам: на Тренировочной Площадке собрались орки из клана Драконьей Пасти. Вверху парили, построившись в боевой порядок, драконы. Те же орки собрались в отряды у боевых машин. У входа в Святилище Теней стоял Супремус. Этот монстр из бездны навис над огромными иллидари — наводящими ужас, бродившими по внутреннему двору, хлопая крыльями и держа наготове оружие. Любой, кто пройдет мимо Супремуса, окажется в Святилище Теней и встретит там еще больше демонов и чародеев, позади которых — многочисленные слои оборонительных чар.

Иллидан снова обратил взор на армию осаждающих. У ворот царило большое оживление: маги привели самоходные тараны. Воины Алдоров и Провидцев волнами накатывали на демонических защитников.

Было неважно, сколь сильна оборона. Захватчики уже стянули достаточно сил, чтобы Черный Храм в конце концов пал.

Не зря Кил'джедена прозвали Искусителем, он вновь провел всех. Не послал на врагов свои армии, потому что в том не было нужды: враги передерутся и ослабят друг друга. Когда закончится осада, придет Легион и уничтожит выживших. Упорно обороняя храм, Иллидан только оказывал Кил'джедену услугу. Но что ему еще оставалось? Сдаваться было бессмысленно — враги поклялись убить его. Лишь продержаться, пока не откроется портал, а там уж...

Иллидан совершил ошибку, целиком сосредоточившись на войне с Пылающим Легионом и поисках Аргуса. Он невольно стиснул себе плечи крыльями и поспешил расслабить их.

Предатель напомнил себе: осада — дело второстепенное. Черный Храм — величайшая крепость в Запределье, а ему надо закончить портал. Как можно скорее.

Иллидан вернулся в комнату для ритуалов. Голова болела, в теле ощущалась слабость. Со всех сторон одолевали сомнения: хватит ли времени, чтобы закончить проход? А вдруг осаждающие найдут слабое место в обороне?

Вдруг он и здесь допустил ошибку? Ведь в храм еще можно попасть через канализацию. Следовало отправить в подкрепление Верховному полководцу Надж'ентусу больше наг и элементарей.

Иллидан всмотрелся в наполовину заверченный узор, который мог бы стать его шедевром. Поднял с пола череп Гул'дана, повертел его в руках. Подумал: «Ты кончил так же, старый орк? Проиграл, еще и не начав?»

Пройдя к краю рисунка, Предатель вчитался в написанные собственной кровью символы, эти послания силы, которые готовы были ожить и навести мост через всю Вселенную. Он думал, что просчитал все, что у него есть время. Чародей заглянул в пустые глазницы черепа. Мертвый, шаман орков будто смеялся над ним.

Иллидан вспомнил видение, данное ему наару. Неужто и этот издевался? Пальцы сжали череп, готовые раздавить его, расколоть.

Нет, Иллидан еще не проиграл. Он возглавит оборону Черного Храма, а потребуются, — сам станет якорем для портала. Будет держать его открытым на одной только силе воли. Иллидан не сдастся. Только не перед последним барьером.

Он ударит в самое сердце Пылающего Легиона. Любой ценой.

Глава двадцать девятая

В день падения

Майев присмотрелась к стенам Черного Храма: крепость нависала над ними непомерной громадой, излучающей страшную силу. Огромные каменные шипы на стенах клинками пронзали небо.

Акама смотрел на храм, как взирает на журчащий источник воды умирающий от жажды в пустыне. В его душе надежда боролась с отчаянием. Для пеплоуста как будто все перестало существовать, как будто не гремела рядом битва — он видел одну лишь святыню.

Майев, напротив, не могла не думать о битве: объединенные силы Алдоров и Провидцев уже начали атаку, которая отвлечет внимание защитников, и Акама сумеет проникнуть в крепость.

Когда Кси'ри плел вокруг нее, Акамы и его новых союзников из Азерота защитные чары, сердце Стража раздирала тоска: если бы при первой встрече ша'тар согласились помочь ей, то на склоне Руки Гул'дана все могло бы завершиться иначе. Возможно, ее товарищи были бы живы.

Азеротцы, сильные воины, заметно нервничали. Неделями они тайно помогали Акаме, выполняя его поручения. Без них он просто не справился бы. И вот они готовились нанести удар по самому Иллидану: предстоящая миссия будоражила их души и одновременно пугала. Майев и сама не могла дождаться, пока наару закончит плести чары. Близился час отмщения. Наконец-то Предатель ответит за все. Ему не уйти!

Рядом ощущалось присутствие демонов; вонь серы мешалась с запахами паленой плоти и вывалившихся внутренностей. Майев Песнь Теней возбудилась не на шутку. Вот это была настоящая, достойная битва! Битва за судьбы миров.

Прикрыв глаза ладонью, Майев смотрела, как на отряд крылатых демонов бросились воины Алдоров в сопровождении одного наару. Мерцали стрелы магической энергии, зачарованные клинки секли плоть и броню. Весьма скоро иллидари отбросили к стенам храма, с которых донеслись насмешки и брань следивших за битвой защитников.

В небе кружили крупные драконы Пустоты. Вот их от-

ряд спикировал на захватчиков, дыша клубами магического огня. Майев встала, открыто бросая им вызов: в своей броне она была почти неуязвима для драконьих атак. Наару завершил плести чары, и воздух вокруг Майев замерцал.

На землю обрушилась еще волна метеоров, и из кратеров вылезли новые инферналы. Над полем боя поднималась пыль. Мимо пронесся отряд всадников.

Акама сделал Майев жест рукой:

— Пора! Дай волю своему гневу!

Майев с улыбкой устремилась вперед, за ней бежали Акама, его новые азеротские союзники и большой отряд Алдорев и Провидцев. Впереди, под стенами, бурлило живое море демонов: навстречу Майев бросились сатиры, стражи Скверны и существа куда страшнее их.

— Я годами ждала этого момента! — торжествующе прокричала Майев. — Конец Иллидану и его прихвостням!

Впереди из гущи битвы вынырнули повелители ужаса. Переполняемые силой Скверны, они нависли над эльфийкой. Ближайшему из них она отрубила часть крыла и тут же — ногу. Демон упал, и Майев вскочила ему на спину. Ударил клинком так сильно, что острие, пройдя тело насквозь, вошло в землю. Когда конвульсии демона затихли, Майев высвободила оружие и перенеслась за спину следующему противнику. Призвав на помощь Элуну, Песнь Теней зарубила и его.

Воздух затрещал, когда Акама и союзники пустили в ход чары. Повелители ужаса и их прислужники пали под диким натиском, однако на смену им спешили другие. Воздух задрожал от притекшей энергии Скверны, и через открывшийся переход явился огромный натрезим Вагат. Майев узнала его багровую тушу. Это был один из самых мерзких ее тюремщиков. Майев припомнила все до последней обещанной ей пытки. Каким-то образом Вагат пережил бойню в темнице, но она готова была это исправить.

— Убивайте всякого, кто нас видел! — прокричал Акама. — Иллидан ничего не должен узнать!

Майев набросилась на Вагата. Они обменялись ударами: демон был силен, но Майев — сильнее. Ее клинок пробил тяжелый нагрудник натрезима.

— Вот и конец тебе, демон!

Вагат в недоумении взглянул на рану, потом на подошедшего вождя пеплоустов.

— Ты выбрал свою участь, Акама. Хозяин узнает о твоём предательстве!

— У Акамы нет хозяев, — покачал головой пеплоуст. — Больше нет.

Не успел он договорить, как открылся еще портал, и из него хлынула настоящая река демонов. Задыхаясь от гнева, Майев бросилась в самую их гущу и принялась рубить направо и налево. Она взрезала ряды монстров, точно корабельный нос — кровавые волны.

Враг окружил ее, увлекая прочь от союзников. Топоры из оскверненной стали отскакивали от брони Майев, когда скребли по нагрудной пластине. Эльфийка дала волю ярости. Ей нужно было затворить портал, через который приходили демоны, иначе миссия провалилась бы, едва начавшись.

Между тем Акама велел союзникам идти в Черный Храм. Закрывать портал Майев предстояло в одиночку.

Вандель посмотрел в бойницу глубоко в стене Черного Храма и отхлебнул Небесного меда из бутылки, которую стащил у эльфов крови. Язык приятно защипало.

У ворот разгорелась еще одна большая схватка. Войска Провидцев и Алдоров сцепились со стражами-демонами.

Из-за больших клубов пыли Вандель не мог толком рассмотреть, как идет битва: вот эльф крови напал на сатира, а вот жрец Алдоров заклинанием ослепительного Света взорвал стража Скверны. Вандель находил своеобразное удовольствие в созерцании боя, как будто на арене перед ним разыгрался конец света.

Служители наару пришли на помощь группе Сломленных, среди которых Вандель заметил... Акаму. Неужели?

Ходили слухи, будто старик исчез, переметнулся на сторону врага и даже готовит план штурма Черного Храма, заодно с военачальниками Алдоров и Провидцев. Выходит, не ввали.

От демона в душе потянулись ручейки гнева, в памяти вспыхнули видения боев и убийств, но охотник быстро отогнал их прочь.

Впрочем, от гнева он избавился не полностью. Глядя, как собираются силы захватчиков, Вандель думал: «Глупцы! Не понимают, что тут творится? Пришли в надежде победить владыку-демона Запределья. Они даже ни о чем не догадываются».

Впрочем, глядя на демонов, защищающих храм, Вандель сознавал: Иллидан не утруждался и никому своих целей не объяснял, разве что ближайшему кругу. Хотя вряд ли

кто-то поверил бы Предателю. Все решили бы, что это очередная уловка. А возможно, так оно и было. Даже сейчас, пройдя и повидав многое, Вандель ни в чем не мог быть уверен. Кто знал, что творится в голове у Предателя?

Сделав еще глоток Небесного меда, охотник посмотрел, как залп заклятий взрывается ярким пламенем о защитный барьер на стенах.

Долго ли еще было охотникам на демонов ждать? Когда их пошлют в бой?

Акама вел свой маленький отряд к стенам храма Карбор. Майев осталась биться с демонами и закрывать портал. «Хоть бы ей удалось, — думал Акама, — или пусть она продержится, пока мы с союзниками не проберемся в храм».

Кругом демоны бились со служителями Света. Позади себя Акама ощущал присутствие наару, и сердце его обливалось кровью: он вспоминал все, от чего отвернулся, поступив на службу к Предателю. Все, что потерял и что надеялся вернуть.

Он взглянул в решительные лица союзников, на преданных телохранителей-Сломленных. Заглянул внутрь себя, в пустоты на месте вырванных кусков души. Как же давно он не ощущал себя полным и целым! Уж лучше смерть, чем такая жизнь. Скорее всего, он и умрет, если миссия провалится, а смерть на самом деле станет избавлением.

Хотя в последние месяцы владыка Запределья целиком посвятил себя грандиозному плану. Если, конечно, это и был его подлинный план, если он и впрямь рассчитывал открыть портал в Аргус. Вдруг Иллидан затеял очередное предательство? Он замаскировал открытие портала в Натрезу под поимку Майев, и больше Акама на слово ему верить не мог. Множество душ Сломленных пропало, поглощенных порталом, а уж сколько стигнуло душ дренеев, когда Предатель отправился в Аукиндон. Больше Акама ему такого не позволит.

Впереди виднелось отверстие сливного канала, забранное решеткой из оскверненной стали и оплетенное чарами. Вот и последний барьер, но за ним — нечто похуже. Акама сотворил заклятие, открывающее путь, и двинулся дальше.

Впереди его ждала канализация Черного Храма — каменный тоннель, который выведет в комнату, полную наг

и элементарей. Где-то вдалеке взревел верховный полководец Надж'ентус.

Только бы союзники не оплошали.

Зависнув бестелесным духом над магическим узором, Иллидан услышал стук в дверь. Кто-то ломился к нему в убежище и требовал внимания. Только вернувшись в тело, Предатель понял, что голос — женский. Тогда он произнес заклинание, и печать с двери исчезла.

На пороге стояла леди Маланда. В ее глазах — когда она заметила рисунок на полу, — Иллидан прочел намек на изумление.

— Владыка Иллидан, — сказала она, — враг проник в крепость. Верховный полководец Надж'ентус пал. Захватчик продвигаются в глубь храма.

До Иллидана не сразу дошло, о чем она говорит. У Надж'ентуса в распоряжении была небольшая армия, а еще Иллидан отправил ему подкрепление. Лучший воин наг должен был сдержать любой натиск... если только защитников храма не предали. Значит, дела по-настоящему плохи. Это либо эльфы крови, либо Сломленные.

Похоже, время вышло. Проклятый подобрал с пола череп Гул'дана, взглянул на его усмешку. Осталось только одно, и Иллидану потребуется заключенная в вытягивателе мощь.

Глава тридцатая

В день падения

Бурно дыша, Майев стояла на груде трупов. В сердце ее горел огонь победы. Она закрыла портал и остановила, казалось бы, неиссякаемый поток демонов. Если подумать, то ей даже не хватило врагов: она бы навалила гору тел высотой со стены Карабора и по ним взобралась наверх, вошла в храм так, а не через канализацию.

Где-то в недрах крепости она уловила эхо знакомого заклинания. Нет! Иллидан применил магию подобную той, которую творил на склоне Руки Гул'дана. Открыл переход куда больше того, через который явился Вагат. Разрыв в ткани реальности расширился, и Майев ощутила потоки энергии ужасающей силы: похоже, Предатель призывал из глубин Круговерти Пустоты нового демона. Или, скорее всего, планировал бежать. Этого Майев не допустит. Вот только проберется в Черный Храм и убьет Предателя.

Используя магию, она быстро пронеслась через поле боя, вошла, наконец, в сточный канал.

В этот раз Иллидану от правосудия не уйти.

На глазах у Ванделя боец в серебристых латах уложил целую армию демонов. Эльф сразу понял, кто это — по рассказам о бойне на склоне вулкана. Майев Песнь Теней, она освободилась! Как такое возможно? Ее заперли в Клетке Стража, приставили к ней охрану из демонов, и окружили слоями охранных чар. Должно быть, ее вызволил Акама.

«Ко мне, мои охотники на демонов!» — прозвучал призыв в голове. Сигнал пришел через татуировки, впился в мозг. Вместе с ним было дано и указание, куда идти — в убежище внутри храма, рядом с залом совета.

Вандель покинул стену и устремился к далекой лестнице.

Кругом царила суeta и оживление: воины спешили занять позиции; где-то в глубине храма трубили рога и гремели барабаны. Тревожные знаки — оборона крепости нарушена.

Вандель уловил отдаленные звуки битвы. Демон побуждал бежать туда, откуда они доносились, вступить в

бой, лить кровь и пожирать души.

«Ко мне, мои охотники на демонов»

На этот раз эльф ощутил призыв всем своим существом. Может, то же чувствует и демон, когда его призывают из Круговерти Пустоты? Неизвестная сила манит его, увлекает, а он ей противится?

А зачем противится он, Вандель? Это же Иллидан зовет его, и в голосе владыки такая нужда, что хочется рыдать. Где-то в глубине храма ожили мощные потоки магической энергии. Вандель сразу разгадал их суть — открывался переход. Но куда?

Иллидан приготовится бежать? Или проход открыли его враги? Возможно, предатели в стенах крепости призвали подмогу. Или же портал открыл сам Иллидан: Вандель чувствовал, что магия перехода — сродни той, что вела в Натрезу. Может, Предатель в конце концов навел портал в Аргус? Выяснить это охотник мог лишь одним способом.

Где-то в темноте ответили на призыв и мчались к хозяину другие охотники. Вандель учуял их внутренних демонов. Проклятье. Любопытство — хотелось знать, что за битва разгорелась в стенах храма? — задержало его. Теперь Вандель был дальше всех от хозяина. Подбежав к лестнице, он прыгнул вниз.

«Ко мне, мои охотники на демонов!» — Голос гремел в голове подобно большому колоколу. Когда эхо звона стихло, Вандель ощутил одиночество. Призыв из недр храма усилился; портал — куда бы он ни вел — открылся, и эльф без малейшей тени сомнения понял: скоро врата вновь затворятся, и потому надо спешить.

Ловкий, как пантера, он мчался вниз по ступеням, перемахивая через десять за раз. Падая, переворачиваясь и вновь вскакивая на ноги. Вандель торопился, он летел, понукаемый чувством неотложности. Это был не страх, он не боялся, что храм вот-вот падет. Вандель чувствовал: если он не успеет к хозяину, то будет вечно сожалеть, что не осуществил свою судьбу.

Охотник побежал дальше, к Тренировочной Площадке. Снаружи доносился гневный рев Супремуса. Похоже, этот демон схватился с могучим и достойным противником.

Кругом царила суматоха: над головой проносились драконы, рвались заклятия. Демоны спешили к Святилищу Теней, готовились отразить мощное наступление.

Выйдя из канализации, Майев застала следы ужасной

битвы.

В просторном внутреннем дворе лежал труп дракона Пустоты: хвост все еще подергивался, будто огромный ящер так и не понял, что умер. Акама с союзниками прорубился сквозь ряды орков из клана Драконьей Пасти. Здесь явно применяли мощные заклятия. Справа Майев заметила гигантские осадные орудия, за ними — колоссальных размеров лестницу, уводящую в глубины Черного Храма.

Где-то внизу пульсировал открытый портал. Майев повела по сторонам злобным взглядом, и на глаза ей попало нечто поразительное: из арки в стене слева выбежал демон.

От лестничного колодца Вандель устремился прямо на Тренировочную Площадку. Чувствовался запах смерти и следы боевых заклятий; всюду валялись трупы драконов и демонов; кучами лежали тела орков. Среди останков, казалось бы, непобедимой армии Вандель приметил лишь одно живое существо — ночного эльфа в серебристых латах. Майев Песнь Теней. Ее окружали мощные защитные чары. Каким-то образом ей удалось проникнуть в храм так же быстро, как Ванделю — спуститься со стен. Тут явно не обошлось без магии.

Майев взглянула на Ванделя и вскинула серповидный клинок, готовая атаковать.

Вандель замер. Он не хотел сражаться с ночным эльфом. Он лишь стремился пройти мимо, ответить на призыв Иллидана.

— Готовься к смерти, демоническое отродье, — сказала Майев и неожиданно, исчезнув, возникла в другом месте. Вандель уловил за спиной движение воздуха и прыгнул вперед, уходя от удара в голову. Перекатился и встал.

— Я не хочу биться с тобой, — произнес он, обернувшись.

Майев выругалась про себя. Давненько никому не удавалось уйти от ее смертельного удара, но это гнусное порождение Скверны сумело увернуться. А значит, он не простой боец.

Майев присмотрелась к противнику: похож на исковерканного калдорай вроде Иллидана, только не так отвратителен и чудовищен; высок и жилист, покрыт татуировками, как у его владыки, кожа чешуйчатая, пустые

глазницы наполнены зеленоватым огнем Скверны. Даже без копыт и крыльев он походил на демона. Некогда это существо было эльфом, однако теперь напоминало нечто иное — жуткую помесь калдорай с демоном. Несомненно, он был из той кошмарной армии, о которой рассказывал Акама.

Майев сделала выпад, но монстр перепрыгнул через клинок. Она развернулась и ударила снова — одержимый эльф отскочил в сторону.

— Стой, — произнес он. — Нам незачем сражаться. В его голосе безошибочно угадывалось раздражение. Ну нет, Майев на его обманы не поддастся. Нацелив клинок на монстра, она пошла ему навстречу.

— Прощайся с жизнью, чудовище!

Вандель ушел от удара страшным оружием, перепрыгнул через Майев и оказался у нее за спиной. Он мог бы с легкостью пустить стрелу Скверны, но вот Страж обернулась.

— Я тебе не враг, — сказал Вандель и отразил очередной выпад. Посыпались искры, когда клинки скрестились. — Мы на одной стороне, ты и я.

Майев опешила на мгновение.

— Ты служишь Иллидану, — холодно рассмеялась она. — Я его убью, и потому мы не можем быть на одной стороне.

— Я пришел сюда сражаться с Пылающим Легионом, а не с другими эльфами.

Лезвие серповидного клинка заворачивающе показывалось из сторону в сторону, и Вандель отошел чуть назад, чтобы оставить место для маневра.

— Это старая уловка Иллидана, и ты на нее попался, — сказала Майев.

— Он не лжет. Я сотнями уничтожал демонов и, пока во мне есть хоть капля жизни, буду уничтожать дальше.

— Тебе недолго осталось. — Быстрая, как ночной саблезуб, Майев ринулась вперед. Вандель отскочил в сторону, и сталь пронзила пустоту. Сейчас бы сделать ответный выпад... Демон побуждал ударить, но охотник сдерживался.

— Пылающий Легион стремится уничтожить все живое, — сказал он. — Мы должны объединиться против него.

— Ты объединишься с хозяином — после смерти. — Майев ударила молниеносно. Вандель отскочил назад, но все же ее клинок вспорол ему щеку. Кровь потекла по губам, на язык.

Вандель, рассвирепел. Он честно пытался говорить с ней. Мог бы конечно, попробовать бежать, но спиной к Майев поворачиваться не стоило. Слишком она была сильна и быстра. Пришлось Ванделю драться.

«Убей ее, — твердил голос демона. — Либо ты, либо она. Живым она тебя не отпустит».

Вандель и рад был бы возразить, но спорить смысла не видел: демон говорил правду. Вандель призвал энергию Скверны и пустил стрелу в ночного эльфа. Майев с легкостью отразила ступор энергии и рассеяла его. На такое были способны только Иллидан и высшие командиры его армии. А значит, Ванделю предстояло не то чтобы убить Майев, а выстоять в яростном поединке.

Майев зло прищурилась. Ну, вот демон и явил свои истинные намерения — выпустил в нее стрелу Скверны. А ведь она почти поверила его заверениям: он говорил так искренне и не пытался нападать, только защищался.

Вдали, в недрах храма, заклятие призыва достигло пика. Поняв, что добыча вот-вот ускользнет, Майев обрушила на измененного эльфа мощнейший удар. Клинок выстрелил почти неуловимо для глаза. Противник, парируя, вскинул клинки...

Вандель отскакивал и уворачивался от звенящего вихря, в который превратился клинок Майев. Больше ему ничего не оставалось — атаковать он точно не сумел бы. Майев была слишком сильна, слишком быстра.

Руки болели. Казалось? еще немного и их просто оторвет — так мощны были удары Стража. Вандель уже с трудом держал кинжалы.

Охотник пытался все быстрее. При этом он не боялся оступиться или споткнуться — призрачное зрение позволяло видеть все вокруг одновременно. А еще оно говорило, что время на исходе. Демон в душе негодуя взвыл — он не хотел бежать. Он хотел сражаться и убить. Вандель позаимствовал у него силы; сквозь поры в коже из него потекла тьма, защитная тень. Сил прибавилось, движения ускорились. Вандель ответил ударом на удар Майев. Одним кинжалом отвел ее клинок в сторону, а вторым полоснул — лезвие заскрежетало о стальной наруч.

Охотник обрушивал на Стража удар за ударом, тесня ее и постепенно возвращая потерянное преимущество. Майев рубанула, Вандель подскочил, пропуская клинок

под собой, и тут же ударил Стража сверху вниз, по шлему. Та, потеряв равновесие, упала. Тогда он снова выпустил в нее стрелу Скверны — заряд ударил эльфийку в грудь. «Убей, убей», — торопил демон.

Майев упала. Удар иллидари не столько ранил ее, сколько удивил. Зато выстрел сгустком энергии причинил боль — от нее броня и чары не спасли. Заключенный в хитин из тени охотник на демонов навис над ней; его руки окутывала аура силы.

Майев призвала Элуну и телепортировалась.

Желто-зеленый сгусток энергии ударил в землю — Майев куда-то исчезла. Ощувив за спиной движение воздуха, Вандель обернулся, но опоздал буквально на миг: сверкнувший справа клинок теней рубанул по руке. Тело пронзила боль. Потекла кровь. Вандель отскочил назад и только тут понял, что предыдущая атака была уловкой — клинок Майев ударил его в голову. Одновременно с этим Вандель попробовал откатиться в сторону, но боль ослепила его. Перед глазами сгустилась тьма.

В последний миг он увидел Хариэля. Сынишка разочарованно смотрел на отца: Вандель так и не отомстил за его смерть.

— Так же падет и твой хозяин, — услышал он напоследок голос Майев.

Акама вошел в Трапезную. По бокам от входа были сложены кости чудовищ, а в дальнем конце помещения на постаменте возвышался массивный алтарь. По полу этого оскверненного места метались тени, рожденные мерцанием зловещих энергий. Союзники убили большую часть защитников и вот уже схватились с тенью, которую Иллидан создал из души самого Акамы. Наделенная объемом и свободой творить зло, она была по-своему идеальна, — такое чудо темной магии, свидетельство злого гения Иллидана, ее создателя.

Раздутая до невероятных размеров, частичка души Акамы нависла над азеротскими смельчаками. Почувяв же Сломленного, устремила к нему, выстрелила щупальцами темной энергии. Тогда союзники пеплоуста накинулись на тень, пустили в ход и магию, и сталь. Акама боролся с болью, пытаясь устоять на ногах, скрипел зубами, тогда как ему хотелось кричать. Он всмотрелся в сплетение чар, нацеленных на него, — колдовские нити шли от са-

мого Иллидана.

Азеротцы выполнили все указания: открыли проход в Трапезную, убили предателей-пеплоустов и одного за другим — магов, которые заклятиями удерживали тень на месте. И вот она накинулась на Акаму, жаждая убить, забрать власть над телом, а через него — и над всеми пеплоустами.

Акама взирал на тень чуть ли не с восхищением. Кому еще в жизни удавалось взглянуть на собственное темное начало? Кто еще боролся с воплощенной тьмой в душе?

Все вокруг видели просто агрессивную тень, Акама — чудовище, сплетенное из того, что было в нем порочно-го. Иллидан выбрал все подлые и низкие делишки, большие и малые. Акама видел себя в детстве, когда завидовал игрушкам брата. Видел, как злорадствовал над безвременной кончиной соперника, претендовавшего на лидерство среди пеплоустов. Видел тьму за показными добром и благочестием. Видел свои тщеславие, жажду власти и славы. Видел своих демонов, сделавших его тем, кем он стал.

В каком-то смысле, Иллидан избавил его от этой тьмы. Забрал, конечно, и часть силы, ведь именно темное начало и подтолкнуло Акаму к овладению магией, сделало из него вождя. Он-то считал себя скромным, но вот сейчас понял, что смирение было маской, призванной обманывать тех, кто за ним следовал.

Хотелось убеждать себя, что эти видения — происки тени, что так она подтачивает его волю, хочет поставить его на колени, вырвать остатки души и занять ее место. Но нет, ведь тень — часть его самого. Надо было ее вернуть, а вместе с ней и отнятые силы. Только соединив тень с душой, Акама мог осуществить задуманное.

Тень слабела под ударами его союзников.

Наконец Акама распутал сеть заклятий и забрал ее силу. Созданная им воронка втянула тень на место. Дух вошел в тело, и Акама на миг содрогнулся в мрачном экстазе, а затем надел на собственное зло оковы, подчинил его, соединив с душой. Силы вернулись. Акама вновь ощутил прилив гордости и гордыни. Снова стал прежним.

Закончив, вождь Сломленных глубоко вздохнул, а вошедшие в Трапезную пеплоусты воззрились на него.

— Да здравствует Акама! — прокричали они.

Ритмичная вибрация энергии, сопровождающая открытие портала, стихла.

Перескочив через поверженного противника, Майев помчалась дальше. Она опаздывала, а, возможно, уже опоздала. Надо было отыскать Иллидана, пока тот не скрылся. Эльфийка пробежала мимо дымящихся каменных останков инфернала.

Она ворвалась в огромный зал, где всюду лежали тела убитых сатиров и прочих демонов. Пеплоусты, что ходили туда-сюда группами, обернулись и посмотрели прямо на нее. Угрозы в их глазах Майев не заметила, но и теплоты — тоже. Сломленные узнали Стража, и та подумала: вдруг они решат напасть? Был лишь один способ выяснить.

Подойдя к ближайшему из пеплоустов, Майев властным тоном спросила:

– Где Акама?

Сломленный взглянул на нее как-то по-новому. Прежде эти создания взирали на Майев раболепно, и даже пеплоусты-телохранители старательно избегали ее взгляда. Теперь же они совсем не боялись, и смотрели на Стража, как равные ей.

– Акама в глубине храма. Он ищет Предателя, чтобы убить его.

– Отлично. Надо найти его и помочь.

Глава тридцать первая

Падение

Измощенный, Иллидан ступил в зал совета. Охотники на демонов ушли, он сделал все, что мог. Хотелось бы и ему отправиться с ними, но нужно было оставаться по эту сторону портала в качестве мистического полюса, чтобы проход оставался открыт.

Оставалось ждать. Открытие перехода отняло много сил и потребовало всей энергии, собранной вытягивателем душ.

— Пеплоусты предали нас, — обратилась к Иллидану леди Маланда. — Наши слуги восстали, врата храма открыты.

— Скорее всего, они затевали предательство с самого начала, — добавил Гатиос Изувер.

Иллидан мысленно проверил магические оковы Акамы — чары пали. Пеплоуст соскочил с крючка, а заодно освободил и свое племя. Старый Сломленный оказался куда хитрее, чем думал Иллидан. Вот, еще ошибка. Иллидан так увлекся наведением портала в Аргус и созданием охотников на демонов, что забывал приглядывать за Акамой. Ну ничего, он еще найдет способ поквитаться со Сломленным.

— Я почувствовал, как открылся переход, — заметил Верховный пустомант Зеревор. — О владыка, я уже решил, что ты бежал.

В его голосе угадывались одновременно радость (владыка никуда не делся!) и озадаченность (почему?). Если он ждал объяснений, то обречен был на разочарование.

Круг замыкался, все шло к концу, а судьба застигла Иллидана на полпути к завершению планов. Он вспомнил о видении, которое показал ему наару. Вряд ли то было вправду создание Света. Скорее всего, очередная ловушка Кил'джедена. Призрак усыпил его бдительность, ослабил хватку в решающий момент, даровал ложное чувство защищенности. И вот Иллидан ничего не успел закончить.

Возможно, его охотники на демонов падут. Возможно, он отправил их на верную гибель. Иллидан заранее готовился к тому, что он так этого и не узнает. Оста-

валось биться до последнего. Он не доставит врагу радости, не сдастся. Не позволит вновь упечь себя в темницу.

Советники по-прежнему ждали приказов.

– Держать оборону, – сказал Иллидан. – Охраняйте путь к Храмовой Вершине, а я пока сотворю заклятие. Оно поможет в битве, враг дрогнет. Сдаваться еще рано.

Акама перешагнул через тело Верховного пустоманта Зеревора. Впереди маячила запечатанная дверь, ведущая к Храмовой Вершине. Бой выдался короткий и жестокий: оставляя за собой след из трупов, союзники прошли через благоухающие сады и роскошные комнаты эльфов крови. И вот они оказались у черной двери, за которой Иллидан творил свою злую магию. Какую еще мерзость он затеял?

Азеротцы ждали, что предпримет Акама.

– Эта дверь – последний барьер между нами и Предателем, – сказал он. – В сторону, друзья.

Акама проверил заклятие, которым Иллидан запечатал дверь: сложное, невероятно сложное, состоящее из множества переплетенных узоров силы. У чародея на то, чтобы их распутать, ушла бы целая жизнь. К счастью, Акама не собирался ничего распутывать – ему достаточно было сокрушить заклятие.

Он собрал все силы и обрушил удар на дверь. Хрупкая с виду, она выдержала. Тогда Акама вновь собрал все силы, вкладывая их в чары, что впились в защитное заклятие, принялись рвать его. Но и этого не хватило. Акама уронил руки и ссутулился. Он так далеко зашел, стольким рисковал.

– Одному мне не справиться... – в отчаянии пробормотал пеплоуст.

И тут он ощутил присутствие родичей: наделенных огромной силой духов. Высвобожденные всплесками магических энергий, призраки теперь неприкаянно бродили по коридорам Карабора.

– Ты не один, Акама, – произнес один из духов, в котором Сломленный узнал почившего товарища, провидца Удало.

– Твой народ всегда с тобой! – Еще один призрак принял форму провидца Олума.

«Вот уж не думал так скоро увидеться с тобой, старый друг», – изумленно подумал Акама. Олум был одним из ближайших его соратников, но потом наги леди Ваши

разнюхали, что он готовится свергнуть Предателя. Тогда Олум попросил вождя убить его, чтобы пеплоусты сохранили видимость преданности Иллидану. Акама нехотя согласился.

Духи вложили свои силы в чары Акамы: печать Иллидана медленно, но верно стала поддаваться. Она рассыпалась под натиском пеплоуста, поддержанного волей племени, что скинуло оковы.

И наконец пала.

— Благодарю за помощь, братья, — сказал Акама призракам. Те уже начинали таять в воздухе. — Наше племя будет спасено!

Будь у Акамы время, он расплакался бы от радости. Жертва Олума помогла сегодня пробиться к этой двери, а его дух помог отпереть ее. Добрый знак. Однако в душе Акамы триумф боролся с ужасом: вскоре ему и его союзникам предстояло встретиться с Предателем. Столько времени прошло, столько планов было составлено, но Акама по-прежнему не был уверен, что готов к битве.

Иллидан ощутил, как пала печать на входе к вершине Карабора. Акама окреп, раз сумел так быстро снять заклятие с двери. Служа Иллидану, он многому научился — особенно как разрушать чары хозяина. Предатель же сидел на корточках, обхватив себя крыльями, собирая остатки сил и готовясь к последней в своей жизни схватке.

Исполненный тревоги, Акама взшел на Храмовую Вершину. Победа была еще так далека: пусть Акама и его соплеменники отворили врата Карабора перед Алдорами, Провидцами и их союзниками, Предатель все еще мог найти способ, как обернуть ход битвы вспять.

Иллидан сидел, согнувшись, в дальнем конце комнаты, в центре которой большая решетка закрывала колодец — тот проходил башню насквозь, до самого сердца Карабора. Предатель сжимал в руках череп, словно бы размышляя над собственной смертностью. Иллидан не шевелился, замер, точно мертвый. Однако с собой он не покончил. Руки он на себя точно не наложил бы.

Акама присмотрелся к окружающей бывшего хозяина ауре: точно, Предатель еще не умер. Наоборот, в нем ощущалась титаническая сила. Он собирал ее, копил.

Союзники Акамы беспокойно проверяли оружие, тогда как Иллидан, похоже, ждал, когда соберутся все. Про-

клятый словно этого и хотел, нисколько не опасаясь, что сам он в одиночестве. Неудивительно, ведь он мог призвать на помощь невероятную силу.

«А где его солдаты-мутанты?» — подумал Акама. Во время боев внутри храма пеплоуст ждал, что на них вот-вот накинутся охотники на демонов, но те куда-то подевались. Не нашлось нигде и следов гигантского портала. Акама почти надеялся, что Иллидан бежит — тогда не состоялось бы этой последней битвы, в которой, скорее всего, союзникам было не победить.

Предатель давал им время подготовиться, а это многое говорило о его уверенности в себе. Акама отринул посторонние мысли и принялся собирать силы для удара.

Иллидан всмотрелся в лица противников. Было странно видеть их всех здесь, в самом сердце Черного Храма. Но больше всего Иллидан удивился Акаме: он не мог поверить, что старик Сломленный решился на такую подлость, сумел обойти все ловушки и сбросить оковы, да еще выставлял на бой этих слабаков.

Разгневанный, чародей презрительно посмотрел на вождя пеплоустов.

— Акама. Твое предательство не удивляет. Следовало давным-давно истребить тебя вместе с твоим уродливым племенем.

Акама вздрогнул, опешив. Придя в себя, он ответил:

— Мы пришли, чтобы окончить твоё правление, Иллидан. Мое племя и все Запределье обретут свободу!

— Смелые речи. Но ты меня... не убедил.

— Время пришло! Вот он, решающий момент!

Иллидан зло посмотрел на Сломленного и его жалких союзников.

— Вы не готовы!

Вперед вышел массивный воин в тяжелой броне, оплетенной защитными чарами. Иллидан отследил магический след, тянувшийся к азеротским колдунам.

Предатель бросился на смельчака. Ударил одним клинком и тут же вторым — уже под щит, которым воин прикрывался. Из перебитого горла хлынула кровь, но мощная исцеляющая магия тут же вернула ее на место и зарастила разорванные плоть и жилы.

Тогда Иллидан призвал паразита — исчадие тьмы. Тварь выскользнула из Круговерти и помчалась к целителю. Такой демон, если его сразу не остановить, вскоре мог наплодить себе подобных.

На Иллидана обрушился ураган атакующих заклятий, но

защита выдержала. Для смертных чародеи показали себя неплохо, но куда им было тягаться с владыкой Запределья!

Широко раскинув руки, Иллидан призвал огонь. Вокруг Предателя вспыхнуло, сжигая захватчиков, пламенное кольцо. Один из воинов закричал и рухнул: кожа его обуглилась, глаза лопнули от нестерпимого жара. Иллидан в голос расхохотался. Чародеи спешно перенаправили все силы на защиту.

За спиной у Иллидана возникла тень с двумя клинками. От запаха яда на лезвиях защипало в носу. Иллидан едва успел обернуться и перехватить оружие противника и, тут же настав на него заклятие, отбросил прочь: неугасимое пламя оставило от нападавшего обугленные кости.

Чиркнула по рогу пущенная в голову стрела — Иллидан увернулся в последний миг. Тут же на него набросился огромный хищный зверь. Предатель окружил себя стеной тени, которая начала высасывать жизнь из зверя и всех, кто оказался поблизости. Иллидан пил их энергию, чувствуя, как усиливаются его магические силы. Отразив очередной удар, он разрубил нападавшего пополам.

Кровь в жилах разогрелась, Иллидан радовался каждой смерти, питаясь силами павших. Хотелось ликовать, так чтобы крики достигли небес. Эти смертные пришли убить Иллидана? Пусть знают: так просто он не сдастся!

Акама не мог не признать, что в бою Иллидан великолепен. Союзники пеплоуста тоже были из числа величайших воинов Азерота, и он помогал, как мог, однако один за другим они гибли. Предатель напоминал загнанного в угол бешеного волка и явно собрался продать свою жизнь подороже. Но что еще страшнее — он мог обернуть ход битвы вспять и победить. Если так, то он уйдет, возглавит оставшихся защитников Черного Храма, и тогда для народа Акамы наступят воистину черные времена.

— Ко мне, мои рабы! — взревел Иллидан. — Воздайте этому предателю по заслугам!

На помощь ему устремились верные слуги, и Акама понял: если они успеют и ударят по союзникам с тыла, то битва будет проиграна.

— Беру этих шавок на себя! — прокричал Сломленный. — Сражайтесь, друзья! Убейте Предателя!

Оставив Иллидана, он приготовился к бою со стра-

жами. Союзники остались сами по себе.

Одним ударом Майев расправилась с металлическим големом, что тянул к ней огромные ручки. Творение син'дорай упало, и эльфийка огляделась. Повсюду в садах удовольствий виднелись следы боя: на траве, сжимая в руках отравленные клинки, лежали мертвые эльфийки крови, рядом — отрубленные конечности и головы чародеев син'дорай. Акама и его союзники оставили четкий след, и Майев без труда шла по нему.

Она устремилась вверх по лестнице в башню. Где-то высоко над ней разразилась буря энергий — это творил магию Предатель. Похоже, последний бой начали без нее. Майев ускорила бег, молясь Элуне, чтобы успеть воздать врагу за все.

Паладин взмахнул сверкающим молотом, но Иллидан ушел от удара. Оголовок тяжелого орудия врезался в плиты пола. Иллидан же воспарил и, оглядев врагов, снова широко развел руки — в самую гущу воинов Азерота ударил огромный огненный шар. Из пламени, точно комета, вырвался воин в подоженном плаще.

Иллидан сосредоточился и вызвал перед собой стену синего демонического огня. Девушка-боец угодила в ловушку: сколько она ни каталась по полу, сбить приставшее к доспеху пламя не удалось.

Снизу в Иллидана полетели стрелы молний. Резко похолодало — это какой-то особенно смелый колдун призвал мощь льда в попытке нейтрализовать силу Иллидана. Предатель в ответ обрушил на него град стрел тьмы. Разрываемый на части, маг взвыл.

Пришла пора показать этим глупцам, что такое настоящая боевая магия.

Иллидан метнул вниз свои боевые клинки и воззвал к скрытой в них силе.

— Я не сдамся вашему сброду! Узрите пламя Аззинота!

В ответ на призыв явились два огненных элементаля, соединенных пламенной нитью. Они сразу же бросились на захватчиков, пока те выстраивались в круг.

Иллидан воспользовался передышкой, пока захватчики пытались зачарованным оружием и шквалом заклятий обновить элементалей. Погибло еще двое. А Предатель собрал остатки сил, полный решимости унести с собой в могилу как можно больше врагов. Призывая энергию Скверны, он ринулся на них. Тень превратила его в нечто огромное и неудержимое. Иллидан принялся метать

сгустки пламени, сжигая врагов полностью: и плоть, и кровь, и души.

Вскинув посох и окружив себя защитой, на него набросилась чернокнижница. Иллидан ударил, но защитное поле нейтрализовало часть атаки. Заклятия сыпались на него все чаще, появились незаживающие раны. Плоть загнила. Тогда Иллидан наплат окружающую его тень частичкой воли и отсоединился от нее, чтобы ввести врага в заблуждение. Азеротцы продолжали нападать, и тогда он повторил трюк еще несколько раз, а потом снова выпустил волны адского пламени.

Убивать врагов становилось все труднее. То ли потому, что слабел сам Иллидан, то ли слабые противники умерли еще в начале схватки. Непрерывные удары магическими стрелами истощали. В отчаянных попытках побороть Иллидана, азеротцы достигли своего пика.

Затем наступила тишина. Иллидан пережил бурю. Он выпрямился и, злобно оглядев врагов, спросил:

– И это все, смертные? Это вся ярость, какую вы смогли обрушить на меня?

– Их ярость ничто по сравнению с моей, Иллидан, – разнесся по залу знакомый холодный голос. – Пора нам с тобой уладить одно незавершенное дело.

Иллидан обернулся и увидел до боли знакомую фигуру в латах, с оружием наготове. Сперва он решил, что это – иллюзия, призрак, вызванный из глубин его памяти некими чарами, однако призрачное зрение говорило об обратном. Это был воин из плоти и крови. Броню Иллидан хорошо знал, как и клинок в руке бойца. Помнил эти надменность в голосе и осанке. Сомнений не осталось: пришла Страж Песнь Теней.

В сердце Иллидана закипела ярость. Все это время Майев была у него в руках, а он не убил ее, и вот она явилась за ним. Сразу нахлынули воспоминания о долгом заключении.

– Майев... – с трудом проговорил Иллидан. – Как такое возможно?

Впрочем, ответ Иллидану был известен: Акама. Это же он отвечал за ее содержание под стражей.

Небольшое войско Сломленного снова построилось в боевой порядок. Похоже, возвращение Майев воодушевило их, добавило уверенности.

Иллидан живо представил, как злобно улыбается под шлемом Майев.

– Наконец-то моя долгая охота завершилась, – сказа-

ла она. — Сегодня справедливость восторжествует.

Вращая клинком, Майев кинулась на Иллидана. Тот призвал на помощь злые тени, и они облепили ее. Потом Майев захлестнуло волнами пламени, но броня все выдержала. И вот Майев сумела-таки подобраться к Предателю и ударила. Он парировал выпад. Мгновение заклятые враги стояли близко-близко, почти вплотную, как любовники. Иллидан еле сдерживал ненависть и пыл.

Майев произнесла заклятие, которое готовила все месяцы в неволе. На полу перед Стражем блеснула зачарованная ловушка, и она отступила. Иллидан клюнул на уловку и бросился вперед. Ловушка тут же сработала: Предателя опутали магические оковы и стали выкачивать из него силы. Когда Иллидан сообразил, в чем дело, его лицо исказилось от ярости.

Союзники Акамы немедля обрушили на него и сталь, и магию. На этот раз удары достигли цели. Иллидан еще пробовал защищаться, отражать заклятия, но ярость его заметно угасла. Он пошатнулся и угодил в очередную западню Майев. Азеротцы же не отставали.

Майев неотрывно следила за врагом. Она — как и он — знала, что это их последняя встреча. Один из них не покинет Вершину живым. Майев вспомнила Аниндру, Сария и всех остальных, кто не выжил в походе. Вспомнила собственное заключение — в темнице ее жажда свершить суд над Предателем лишь обострилась. Сама жизнь готовила ее к этому моменту.

Клинки Майев и Иллидана мелькали так быстро, что глаз не мог уследить за ними. Звенела сталь, сверкали вспышки отраженных заклятий. Майев отбивала все магические атаки. Каждый ее удар приближал победу. Даже Иллидан понял, что проигрывает — Песнь Теней прочла это по его лицу.

На Предателя обрушилась новая волна заклятий. Майев хотела уже просить союзников Акамы перестать: она рвалась победить врага один на один, насладиться триумфом единолично, но было уже поздно. Ей оставалось только убедиться, что правосудие свершилось.

Конец настал внезапно. Сверкнула сталь и брошенные чары — и клинок Майев поразил цель. Прошел меж ребер, в сердце, которое еще билось, заключенное в клетку измененных плоти и костей.

Иллидан еще попробовал ударить в ответ и даже скривился в надменной усмешке. Казалось, Предатель вот-вот

извергнет заклятие, но тут он понял, что случилось, и, объятый болью, рухнул на колени.

Иллидан поднял голову и недоуменно посмотрел ей в глаза — Майев холодно взирала на него сверху вниз. Как хищник, который, после долгой охоты, все же настиг добычу. Во взгляде ее читались удовлетворение, безумие и нечто еще. Она убила Иллидана, не сознавая, что творит.

— Свершилось, — сказала Песнь Теней. — Ты побежден. Сжигаемый болью в груди, Иллидан понял: Майев, права, его время наконец вышло. Пропали годы обучения, борьбы и плена. Чародей взглянул на победительницу с мимолетным сочувствием. Она не понимала, что конец пришел и ей самой.

— Ты победила... Майев, — с трудом проговорил поверженный. — Но охотница... без охоты — ничто. Ты... ничто... без меня.

Когда Предателя окутывала тьма, на миг он увидел печать наару — ту, которой его отметили; она сверкнула золотым и погасла. Тьма наступила окончательно.

Стоя над телом Иллидана и не снимая шлема, Майев улыбалась. Прищурившись, осмотрела труп — убедилась, что враг и правда повержен.

Песнь Теней и сама не знала, чего ждет: восторга? Удовольствия от долгожданной победы? Ничего этого она не испытывала.

Мертвый Предатель лежал на полу кучей потрепанной и израненной плоти: могущество, сила — ничего не осталось. Вот и еще один монстр насытил кровью клинок Стража. Глядя на Иллидана, она подумала: «И этого я добивалась долгие тысячелетия?» Награда не стоила прожитых лет и потерянных жизней.

Майев вспомнила последние слова Иллидана. Может, это были чары? Прощальное проклятие свергнутого владыки Запределья? Но ведь защитные чары, окружающие ее, не пострадали, Майев не заметила в них бреши. Если Иллидан и проклинал ее, то сделал это так тонко и незаметно, как еще не удавалось ни одному колдуну в истории.

Нет, в его словах не было магии, одна лишь правда. Майев посвятила охоте на Предателя почти всю жизнь, и вот эта жизнь утратила смысл. Эльфийка ощущала пустоту.

— Он прав, — тихо проговорила она. — Я ничего не чувствую. Я — ничто.

Песнь Теней взглянула на союзников Акамы. Может, это их вина? Они украли у нее победу: пришли, сражались... Чувствуя подступающее безумие, Майев чуть было не напала на них.

— Прощайте, защитники, — сказала она, смирив гнев. На Акаму, покидая Храмовую Вершину, эльфийка едва ли взглянула.

Акама смотрел, как Майев уходит. Сломленный отвлекал подкрепления Предателя достаточно долго, чтобы дать союзникам время сразить Иллидана. И они сразили его — Предатель пал от руки могущественного ночного эльфа. Пеплоуст и рад был бы поблагодарить Майев, но лишь порадовался ее уходу. Песнь Теней вспыльчива и жестока, кто знает, что она сделала бы с Акамой: у нее имелись все причины ненавидеть его.

Акама взглянул на тело бывшего господина: тот как будто сделался меньше. Сломленный поднял его с пола и обнаружил, что Иллидан еще и стал легче — легче ребенка, словно вес ушел из него вместе с духом. Осталась еще загадка: куда подевались охотники на демонов? Почему не вмешались в драку? Иллидан открыл портал... если они ушли через проход, то куда? Может, и правда, в Аргус? Акама поспешил прогнать эти мысли — хватит ему забот. Еще нужно встретить последствия победы.

Храмовая Вершина напоминала поле битвы демонов: камень расплавился и потек, местами виднелись тени — там, где их быть не могло. Храм предстояло очистить, отстроить святилища, провести поминальные обряды по павшим. Да, работы много, но племя Акамы справится. Они снова стали единым целым, а вместе им все по плечу.

— Свет вновь озарит эти мрачные своды... клянусь!

И, развернувшись, Акама покинул место, в котором пал владыка Запределья.

Вандель открыл глаза, но в себя прийти не мог долго. На руке остался шрам после удара Майев. Раны затянулись, однако силы еще не восстановились. Пробитый череп болел.

На Тренировочной Площадке бойцы Алдоров и Провидцев пели победные песни, передавая по кругу фляги и хлопая друг друга по спинам. Прежняя вражда между ними забылась.

Среди солдат сновали пеплоусты. В Сломленных ощуща-

лась заново обретенная уверенность: они не просто вяло слонялись по двору, но были заняты делом. Смотрели кругом как хозяева, вернувшие себе наследие.

Вандель пошевелил руками и ногами. Отполз в тень, растворился в ней.

— Предатель мертв! — победно прокричал эльф крови, и ответом ему были радостные возгласы. А ведь еще недавно здесь стогнали свои могучие стада драконов орки, и расхаживали присягнувшие на верность Иллидану демоны.

Неужели это была правда? Вандель огляделся. Судя по следам бойни, да. Как же тогда быть с угрозой Пылающего Легиона? Теперь, когда пал единственный полководец, осознававший подлинную ее суть? И куда делись товарищи Ванделя?

Он напряг все чувства, пытаясь отыскать хоть одного охотника на демонов. Они все исчезли, будто их и не было. Может, погибли? Может, великая война Иллидана закончилась, так и не начавшись?

Ванделя накрыло волной черного отчаяния. Среди всеобщего веселья ему хотелось плакать. Эти горе-герои даже не понимали, на что себя обрекли.

Понимая, что все потеряно, и делать здесь больше нечего, Вандель захотел броситься на врагов и кромсать их, пока его самого не убьют — на сей раз окончательно. Он взглянул на амулет Хариэля. Отмщения не будет. Поднявшись на ноги, охотник призвал силу Скверны, готовый убивать, убивать и убивать...

А потом услышал голос Иллидана: тихий-тихий шепот, что доносился, казалось, с другого края Вселенной или из мира мертвых, или из самых глубин памяти. «Вы должны быть готовы».

Сдержав порыв к кровопролитию, Вандель замер. Голос у него в голове отнюдь не походил на воспоминание, так живо он прозвучал. Совсем как призыв Предателя к последней схватке. Так, может, частичка его духа выжила?

Об этом можно было поразмыслить позже. Остались недобитые демоны, осталась месть. Возможно, Вандель сумеет передать послание, подготовить других и во всеоружии встретить последний день, когда Пылающий Легион придет за окончательной победой.

Собравшись с демоническими силами, он ступил в тень и растворился в ночи.

Примечание

История, которую вы только что прочитали, частично основана на персонажах, событиях и локациях компьютерной игры *World of Warcraft* от компании *Blizzard Entertainment* – многопользовательской сетевой ролевой игры с дополнениями, действие которой происходит в легендарной Вселенной Варкрафт. В *World of Warcraft* игроки создают собственных персонажей, чтобы, совместно с тысячами других игроков, участвовать в приключениях, выполнять задания и исследовать грандиозный мир. Эта богатая и постоянно развивающаяся игра также позволяет им взаимодействовать со множеством могущественных и интригующих персонажей, показанных в этом романе, сражаясь за или против них.

С момента запуска в ноябре 2004 года, *World of Warcraft* стала самой популярной из подписных глобальных многопользовательских сетевых ролевых игр в мире. Грядущее дополнение *Legion* покажет дальнейшую судьбу Майев и охотников на демонов, иллидари, противостоящих последнему вторжению Пылающего Легиона в Азерот. Более подробную информацию о дополнениях – будущем, *Legion*, и текущем, *Warlords of Draenor*, – можно найти на сайте WorldofWarcraft.com.

ОБ АВТОРЕ

Уильям Кинг — автор более двадцати романов, гейм-дизайнер, лауреат премии *Origins Awards*, муж, отец и любитель ММО. Его рассказы печатались в таких журналах и антологиях, как *Interzone* и *Years Best SF*. Его книги из серии *Warhammer* разошлись общим тиражом почти в миллион экземпляров на английском языке и были переведены еще на восемь. В 2012 году его роман «Кровь Энариона» вошел в шорт-лист *David Gemmell Legend Award*.